ЭНН ТАЙЛЕР

Лауреат Пулитцеровской премии

ФРАНЦУЗСКАЯ КОСИЧКА

Французская косичка
Энн Тайлер

Аннотация
Энн Тайлер. Французская косичка
1
2
3
4
5
6
7
8

Аннотация

Новый роман всеми любимого классика. Теплый, чуть ироничный, проницательный. Это снова путешествие в мир обычной семьи. От 1950-х, когда за окном сигналит сверкающий красный «шевроле», до наших дней, окуклившихся в пандемии. Летом 1959 года Гарретты отправляются в свой первый и последний семейный отпуск. Они почти не покидают съемный коттедж, но в каком-то смысле они никогда не были так далеки друг от друга. После той поездки все в семье незаметно, но все уверенней начинают отдаляться друг от друга. Мерси с трудом сопротивляется зуду – она так сильно хочет стать художницей. Но кто тогда будет заботиться о доме, готовить обеды для мужа Робина? Ее дочери, уравновешенная Элис и помешанная на мальчиках Лили, совершенно не похожи друг на друга и не находят общего языка. Их младший брат Дэвид, уехав учиться, почти разрывает связи с семьей. И все же что-то соединяет их всех, несмотря на все разногласия и непонимание, что-то неуловимое. И каж-

дый член этой вроде бы разобщенной семьи оказывает влияние на жизнь всех остальных. Потому что семья – это нечто более глубокое, чем просто родственные отношения, семья – словно французская косичка: ты думаешь, что сбежал от родных, но освободиться от них невозможно, они, точно завитки распущенной косички, все равно сплетены.

Полная любви к людям, надежды, радости, смешанной с горечью, «Французская косичка» – это классическая история Энн Тайлер. Удивительно проницательный роман о семейных безднах, о невозможности освободиться от тех, кто любит нас.

Энн Тайлер
Французская косичка

ANNE TYLER
FRENCH BRAID

Copyright © 2022 by Anne Tyler

Эта книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency и The Van Lear Agency

© Мария Александрова, перевод, 2023
© «Фантом Пресс», издание, 2023

1

Это произошло в марте 2010 года, когда на железнодорожном вокзале Филадельфии еще работало информационное табло, на котором с металлическим шелестом сменялись буквы в названиях пунктов назначения. Серена Дрю стояла прямо перед ним, напряженно высматривая, когда появится следующий поезд до Балтимора. Почему здесь так поздно показывают номер перрона? В Балтиморе сообщают заранее.

Парень Серены стоял рядом, но его расписание поездов не занимало. Бросив один-единственный взгляд на табло, он уткнулся в свой телефон. Покачал головой над каким-то сообщением, промотал следующее.

Они только что с воскресного обеда у родителей Джеймса. Серена встречалась с ними впервые. Последние две недели она ужасно нервничала из-за этого, прикидывала, что надеть (в итоге джинсы и водолазка — стандартный ансамбль выпускницы, чтобы не показалось, будто она старалась принарядиться), и сломала голову, подбирая подходящую тему для разговора. Но

все вышло удивительно хорошо, подумала она. Родители приветствовали ее сердечно и сразу же попросили называть их Джордж и Дора, а мать оказалась такой болтушкой, что с беседой не было вообще никакой проблемы.

— В следующий раз, — заявила она после завершения обеда, — ты должна познакомиться с сестрами Джеймса, с их мужьями и детками. Мы просто не хотели тебя смущать с самого начала.

«В следующий раз». «С самого начала». Звучало обнадеживающе.

Однако сейчас Серена не ощущала никакого триумфа. От нахлынувшего облегчения она полностью расклеилась и чувствовала себя измочаленной тряпочкой.

Они с Джеймсом познакомились в начале учебного года. Джеймс был таким красавчиком, что Серена страшно удивилась, когда он вдруг пригласил ее выпить кофе после занятий. Он был высоким и худощавым, с копной каштановых волос и коротко подстриженной бородкой. (Серена, напротив, чуть ли не пышечка, а завязанные в хвостик русые волосы до того светлые, что почти сливаются со светлой кожей.) На семинарах он обычно сидел, лениво откинувшись на спинку стула, ничего не записывал и вроде бы даже не

слушал, но потом вдруг встревал с неожиданно проницательным замечанием. Серена опасалась, что он сочтет ее скучной. Однако Джеймс оказался удивительно приятным собеседником. Они посмотрели вместе множество фильмов и сходили в кучу недорогих ресторанов, а ее родители, жившие в этом же городе, уже несколько раз приглашали их вместе на обед и сообщили Серене, что он очень им нравится.

Вокзал Филадельфии был просто величественным по сравнению с вокзалом в Балтиморе. Громадный, с невероятно высоким кессонированным потолком, а люстры похожи на перевернутые небоскребы. Даже пассажиры казались на голову выше пассажиров в Балтиморе. За какой-то дамой, заметила Серена, семенил персональный носильщик с тележкой, заваленной сумками и всякими саквояжами одной и той же фирмы. Любуясь чемоданами (темно-коричневые, блестящая кожа, медные застежки), Серена случайно обратила внимание на молодого человека в деловом костюме, остановившегося на миг, пропуская тележку.

— Ой, — выдохнула она.

— М?.. — оторвался от телефона Джеймс.

— Кажется, это мой двоюродный брат, — вполь-

голоса пробормотала она.

— Где?

— Вон тот парень в костюме.

— Тебе *кажется*, что это твой двоюродный брат?

— Я не уверена.

Они вместе рассматривали того мужчину. Он выглядел старше них, но ненамного — возможно, все дело в костюме. Волосы светлые, совсем как у Серены, и ее губы с заостренными уголками, но не ее фамильные голубые глаза Гарреттов, а светло-, почти бесцветно-серые, что невозможно было не заметить даже с расстояния в несколько ярдов. Он стоял на месте, задрав голову к информационному табло, пока тележка с багажом проезжала мимо.

— Наверное, все же это мой брат Николас, — сказала Серена.

— Может, он просто похож на Николаса, — возразил Джеймс. — Полагаю, если бы это действительно был он, ты не сомневалась бы.

— Да мы давно не виделись, — пожала плечами Серена. — Он сын брата моей мамы, Дэвида, они живут здесь, в Филли.

— Ну так пойди и спроси, что такого.

— Но если я ошиблась, буду выглядеть глупо.

Джеймс озадаченно прищурился.

— Ладно, все равно уже поздно, — вздохнула Серена, потому что мужчина, кто бы он ни был, уже явно узнал все, что хотел, и, поправив на плече ремень дорожной сумки, направился в противоположный конец вокзала, а Серена вернулась к изучению табло.

— Какая платформа обычно? — спросила она. — Может, стоит рискнуть и просто пойти туда?

— Поезд же не отправится ровно в ту минуту, как объявят номер платформы, — заметил Джеймс. — Сначала придется постоять в очереди на посадку и подождать.

— Да, но я боюсь, что не получится сесть рядом.

Он улыбнулся той своей милой улыбкой, с морщинками в уголках глаз, которую она так любила. «Вот вся ты в этом», означала эта улыбка.

— Ладно, я накручиваю себя, — согласилась она.

— И все же, — сменил он тему, — даже если вы сто лет не виделись, ты должна была узнать своего двоюродного брата.

— А ты узнал бы любого родственника, появись он вот так, ни с того ни с сего?

— Конечно.

— Правда?

— Разумеется!

Но Джеймсу, похоже, уже надоело это обсуждать. Он покосился в сторону фуд-корта у противоположной стены:

— Пойду газировки куплю.

— Можно купить в поезде.

— Тебе чего-нибудь принести?

— Я подожду до поезда.

Но он, кажется, не понял.

Со словами «Займи нам место в очереди, если вдруг объявят платформу, ладно?» Джеймс отошел, не замечая ее замешательства.

Они впервые путешествовали вместе, пускай и всего на один день. Серена была слегка разочарована тем, что ему безразличны ее дорожные волнения и тревоги.

Оставшись в одиночестве, она вытащила из рюкзака пудреницу и внимательно рассмотрела в зеркальце зубы. На десерт они ели фруктовый крэмбл, посыпанный грецкими орехами, и ей до сих пор мешали ореховые крошки, прилипшие к деснам. В обычной ситуации она просто извинилась бы и на минутку заскочила в ванную, но тут Дора вдруг глянула на часы и спохватилась: «Ой! Ваш поезд!» И все четверо помчались на

вокзал, отец Джеймса сел за руль, Джеймс рядом с ним, а Дора с Сереной устроились сзади, чтобы, как сказала Дора, «мы, девчонки, могли наконец спокойно поболтать». Вот тогда-то она и обмолвилась насчет встречи Серены с сестрами Джеймса.

— Скажи, дорогая, — спросила она потом, — а сколько *у тебя* братьев и сестер?

— О, только брат, — ответила Серена. — Но когда я родилась, он был уже почти взрослым. Мне всегда хотелось иметь сестер. — И она покраснела, потому что прозвучало так, будто бы она намерена войти в семью Джеймса или вроде того.

Дора лукаво улыбнулась и ласково похлопала ее по руке.

Но вообще-то Серена именно это имела в виду. Затаившись в уютном маленьком родительском доме, она люто завидовала своим школьным приятелям с их полчищами родни, гомонящей вокруг, визгливо хохочущей и требующей пространства и внимания. У некоторых были даже сводные братья и сестры, и мачехи, и отчимы, которых можно было выбирать по собственному желанию и отвергать, если что-то не понравится, — так богатеи ковыряются в абсолютно нормальной еде, в то время как голодающие ни-

щие тоскливо смотрят на них из-за ограды.

Что ж, просто подожди и увидишь, уговаривала она себя. Подожди, пока увидишь, какой окажется твоя *будущая* семья!

Поезд до Балтимора опаздывал уже на пять минут, если верить табло. На самом деле, вероятно, на пятнадцать. А номер платформы все не появлялся. Серена обернулась, высматривая Джеймса. Вот он, слава богу, идет в ее сторону, в руках картонный стаканчик. А рядом с ним, чуть поотстав, тот самый мужчина, которого она приняла за своего брата. Серена моргнула.

— Смотри, кого я нашел! — объявил Джеймс, подойдя.

— Серена? — уточнил мужчина.

— Николас?

— Ага, привет! — И он протянул было руку, но потом передумал и подался к ней, неуклюже приобнял. От него пахло свежевыглаженным хлопком.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Пытаюсь успеть на поезд до Нью-Йорка.

— О.

— У меня встреча завтра утром.

— А, понятно. — Вероятно, он имел в виду деловую встречу. Серена понятия не имела, чем он

зарабатывает. — Как поживают твои?

— Они в порядке. Ну так, нормально. Папе, возможно, придется заменить тазобедренный сустав.

— Ох, беда какая.

— Знаешь, что я сделал? — проговорил Джеймс, едва заметно покачиваясь с пятки на носок. — Заметил его около газетного киоска, остановился в нескольких футах позади и окликнул, тихонько так: «Николас?» — Он выглядел ужасно довольным собой.

— А я сначала подумал, что мне почудилось, — признался Николас. — Глянул по сторонам, не поворачивая головы.

— Когда человек слышит свое имя, он реагирует машинально, — продолжал Джеймс. — Если бы я назвал тебя Ричардом, к примеру, ты, возможно, вообще не обратил бы внимания.

— У моей мамы тоже проблемы с суставами, — сообщила Серена Николасу. — Наверное, это наследственное.

— Твою маму зовут… Элис?

— Нет, Лили.

— А, точно. Прости. Я, кажется, рядом с тобой сидел на похоронах деда Гарретта.

— Нет, это была Кендл.

— У меня есть кузина по имени Кендл?

— Ну вы даете, *ребята*! — неверяще воскликнул Джеймс.

— На самом деле ее зовут Кендал, — продолжала Серена, не обращая на него внимания. — Она просто в детстве не могла выговорить собственное имя.

— Так, выходит, ты все же там была? — уточнил Николас.

— На похоронах? О да.

Она была там, но ей было двенадцать лет от роду. А ему сколько? Около пятнадцати где-то, в таком возрасте это просто разные миры. Серена не осмелилась и словом с ним обменяться. Разглядывала издалека, когда все толпились у входа в похоронное бюро, — его строгое отстраненное лицо и светло-серые глаза. Глаза у него были от матери, Греты, суровой неприступной женщины, слегка прихрамывающей и говорящей с иностранным акцентом — или, по крайней мере, не с балтиморским выговором. Серена очень хорошо запомнила эти глаза.

— После службы мы должны были идти на ланч вместе со всеми, — рассказывал Николас. — Но папе нужно было возвращаться на школьный спектакль.

— К вопросу о возвращениях… — встрял Джеймс, указывая большим пальцем на табло над ними. — Нам пора двигаться к пятой платформе.

— Да, точно. Ладно, мы пойдем, пожалуй, — сказала Серена. — Я так рада, что мы с тобой встретились!

— Тоже рад был тебя повидать, — ответил он и улыбнулся, а потом вскинул ладонь, прощаясь с Джеймсом, и повернулся уходить.

— Передай привет семье, слышишь? — крикнула она вслед.

— Непременно, — отозвался он.

Серена и Джеймс еще некоторое время провожали его взглядом, хотя у пятой платформы уже собиралась очередь.

— Должен сказать, — в конце концов проговорил Джеймс слегка озадаченно, — вы, ребята, демонстрируете совершенно новое значение слова «родственники».

* * *

Поезд, как выяснилось, был не так уж полон. Они легко нашли два места рядом — Серена у окна, Джеймс у прохода. Джеймс открыл столик и поставил на него свой стакан.

— А теперь-то хочешь газировки? — спросил он. — Думаю, вагон-буфет уже открыт.

— Нет, мне нормально.

Она смотрела, как другие пассажиры пробираются по проходу — женщина подталкивала пару малышей, которые еле плелись перед ней, другая тетка безуспешно силилась затолкать чемодан на багажную полку, пока Джеймс не встал и не предложил ей помощь.

— Волосы у него совсем как у тебя, — заметил он, усаживаясь на место. — Но в толпе я бы его никогда не заметил.

— Прости? А, ты про Николаса.

— У тебя просто тьма кузенов, да?

— Нет, только… хм… пять, — ответила она, мысленно пересчитав. — И все они со стороны Гарреттов. Мой папа был единственным ребенком.

— У меня их одиннадцать.

— Повезло тебе, — поддразнила она.

— И я узнал бы любого из них, случись нам встретиться на вокзале.

— Да, но мы так далеко разбросаны по свету. Дядя Дэвид здесь, в Филли, тетя Элис в Балтиморе…

— О, какая даль, на другом конце округа! — Джеймс шутливо толкнул ее под ребро.

— В смысле, мы видимся только на свадьбах и похоронах, — пояснила Серена. Помолчала, обдумывая сказанное. — И даже не на всех. Но не знаю почему, правда.

— Может, в прошлом вашей семьи скрывается какая-то мрачная тайна, — предположил Джеймс.

— Ага.

— Может, твой дядюшка республиканец. Или тетушка член какой-нибудь секты.

— Перестань! — И Серена рассмеялась.

Ей нравилось сидеть с ним вот так рядом — подлокотник между ними поднят, и можно прижаться друг к другу. Они встречались уже восемь месяцев, но он, к счастью, все так же нов и интересен ей, и она совсем к нему не привыкла.

Поезд предупреждающе качнулся, и последние пассажиры торопливо расселись на места. «Добрый день, — прозвучал голос в репродукторах. — Поезд номер…» Серена вынула билет из рюкзака. За окном в тени проплывала платформа, а потом они выехали на свет; поезд набирал скорость, мимо проносились выщербленные бетонные стены, каждый дюйм которых был заляпан граффити.

— Итак, как тебе мои? — поинтересовался

Джеймс.

— Они мне очень понравились! Серьезно. — Серена выдержала паузу. — Как ты думаешь, а *я* им понравилась? — спросила она наконец.

— Конечно! Как могло быть иначе?

Это не совсем то, что хотелось услышать. И, помолчав, она уточнила:

— А что им во мне понравилось?

— Ты о чем?

— Ну, они что-нибудь тебе сказали?

— У них не было возможности. Но я уверен.

Она выдержала еще одну паузу.

— Вы двое сели в Филли? — спросил контролер, нависая над ними.

— Да, сэр, — ответил Джеймс. Он взял билет у Серены и протянул его контролеру вместе со своим. — Мама все силы бросила на обед, — продолжил он, когда контролер отошел. — Этот цыпленок — ее гордость. Она подает его только особым гостям.

— О, было очень вкусно.

— А папа уже в машине спросил, у нас это серьезно или как.

— Серьезно… ой.

— Я ему сказал: «Посмотрим, почему бы и нет!»

Еще один игривый тычок под ребра и лукавый

взгляд.

За десертом его мать вытащила семейный альбом и показала Серене детские фото Джеймса (он был очаровательным малышом). Джеймс за спиной матери корчил виноватые рожицы, но потом и сам завис над альбомом, волнуясь, что там о нем рассказывают.

— До самого подросткового возраста он ел почти исключительно мучное, — сказала его мать.

— Ты преувеличиваешь, — возразил Джеймс.

— Даже удивительно, что у него не случилось цинги.

– *Сейчас* он выглядит вполне здоровым, — заметила Серена.

Они с Дорой оглядели его с головы до ног и улыбнулись.

Поезд несся сквозь пустоши, поросшие пожухлыми сорняками и усеянные ржавыми кухонными раковинами, тракторными шинами и голубыми пластиковыми пакетами, бесконечными голубыми пластиковыми пакетами.

— Будь ты иностранцем, — обратилась Серена к Джеймсу, — который только прилетел в эту страну и сел в поезд, идущий на юг, ты бы воскликнул: «И это и есть *Америка*? Это Земля обетованная?»

— Кто бы говорил, — отозвался Джеймс. — Да и Балтимор не такой уж живописный рай.

— Нет, я имела в виду… Я про железные дороги вообще. Северо-Восточный коридор.

— Ах, вот как.

— Я не предполагала, что мы соревнуемся, — шутливо добавила она.

— Ну, известно, какие вы, балтиморцы, спесивые, — сказал Джеймс. — Я знаю, как вы сортируете людей в зависимости от того, кто какую школу окончил. А потом в итоге женитесь на тех, кто из *вашей* школы.

Серена принялась демонстративно оглядываться по сторонам.

— Ты видишь рядом кого-то из моей школы?

— Не прямо сейчас, — признал он.

— Давай, продолжай!

Она ждала, что же он скажет дальше, но он не стал развивать тему, и некоторое время они ехали молча. Позади них женщина с мягким умиротворяющим голосом говорила по телефону. «Как **ты** *сейчас*? — услышала Серена. И затем, после паузы: — Нет-нет. Сейчас, дорогая. Расскажи мне, что случилось. Я же слышу, что-то произошло».

— Взять, к примеру, бедного Николаса, — внезапно заговорил Джеймс. — Отец увез его из

Балтимора, и остальная семья перестала с ним общаться.

— Это не мы! — возразила Серена. — Это они. Вообще-то, дядя Дэвид. Мама не понимает, в чем дело. Говорит, в детстве он был таким компанейским. Тетя Элис была немножко брюзгой, но дядя Дэвид — такой жизнерадостный общительный малыш, сплошная радость и ликование. А сейчас — поспешил сбежать с похорон собственного отца.

Похороны *деда*, сказал Николас, «похороны деда Гарретта». Но дедуля никогда не был «дедом»! Как мог Николас этого не знать?

— А твоя тетка, — продолжал Джеймс. — *Она* переехала всего лишь в округ Балтимор, но — *о нет. О нет*. Больше никогда с ней не общаемся.

— Не говори глупостей, мы все время с ней общаемся, — возразила Серена, лишь немного преувеличив.

Непонятно, с чего вдруг она начала защищаться. Это стресс, решила Серена. Стресс от встречи с его родителями.

Когда впервые возникла идея этой поездки, планировалось, что они проведут там выходные. Джеймс все рассуждал, где они должны попробовать лучшие чиз-стейки Филадельфии и захочет

ли она посетить художественный музей.

— Тебе наверняка понравится Комната ужасов, — сказал он.

— Комната ужасов?

— Так родители называют мою спальню.

— Смешно.

— По всем стенам постеры «Иглз». И крошки от сэндвичей под кроватью, аж с 1998 года.

— Но… мы же не будем там останавливаться, правда? — спросила она.

— Останавливаться?

— В смысле… не будем ночевать в Комнате ужасов?

— Эй, я пошутил. Ну, по крайней мере, насчет крошек. Уверен, мама прошлась там пылесосом хоть раз с тех пор, как я уехал.

— Но я же буду спать в гостевой комнате, — вопросительным тоном уточнила она.

— Ты *хочешь* спать в гостевой?

— Ну да.

— Ты не хочешь ночевать со мной в моей комнате?

— Не в присутствии твоих родителей.

— В присутствии… — Он запнулся. — Слушай, уверяю тебя, они догадываются, что мы спим вместе. Думаешь, они переполошатся по этому

поводу?

— Мне все равно, догадываются они или нет. Я просто не хочу подобной демонстративности при первом же знакомстве.

Джеймс задумчиво разглядывал ее.

— У них же *есть* гостевая комната? — спросила Серена.

— Ну… да.

— Так в чем проблема?

— Это выглядит как-то… неестественно: пожелать друг другу спокойной ночи и разойтись по разным комнатам, — пояснил он.

— Ну прости, — сухо проговорила Серена.

— И потом, я буду скучать по тебе! И папа с мамой расстроятся. «Боже правый, — скажут они, — эти дети ничего не знают о сексе?»

— Тсс! — шикнула Серена, потому что в тот момент они сидели в библиотеке, где любой мог их услышать. Она оглядела зал, потом наклонилась к нему через стол. — Тогда поедем только на воскресенье, — прошептала она.

— И как ты себе это представляешь?

— Мы скажем, что заняты по субботам и приедем в воскресенье, а поскольку у меня занятия в понедельник утром, то сможем побыть у них только один день.

— Господи, Серена. Ехать в такую даль всего на несколько часов? Лишь бы прикинуться, что мы не так уж близки?

Но в итоге они именно так и сделали. Серена настояла на своем.

Она понимала, что разочаровала его. Возможно, он даже счел ее лицемеркой. Но она все равно считала, что поступила правильно.

Поезд подъезжал к Вилмингтону. Разбросанные там и сям заброшенные с виду домишки постепенно уступали место сияющим белым офисным зданиям. Контролер прошел по проходу, собирая отрывные талоны, торчащие над некоторыми креслами.

— Вот, к примеру, как твоя мать сказала про моего зятя, — внезапно выдал Джеймс.

— Что? О чем это ты?

— Когда я в первый раз пришел на ужин, помнишь? Я рассказал твоей матери, что один из моих зятьев из Балтимора, и она тут же: «Ой, а как его зовут?» Джейкоб Розенбаум, говорю, но все зовут его Джей. «О, — хмыкнула тогда она, — Розенбаум. Он, наверное, из Пайксвилля. Большинство евреев там живут».

— Ну, мама немножко старомодная, — хмыкнула Серена.

Джеймс многозначительно посмотрел на нее.

— В чем дело? — рассердилась Серена. — Ты хочешь сказать, что она антисемитка?

— Я просто говорю, что Балтимор — это такая история про мы-и-они, вот и все.

— Ты все еще говоришь о *Балтиморе*?

— Просто смотрю на это с другой стороны, — уточнил он.

— Семейство твоего зятя, может, и вправду живет в Пайксвилле, — рассуждала Серена. — Но они запросто могли бы жить и в Сидаркрофт, рядом с моими родителями. Наш район вовсе не *запретная зона* или что-то в этом роде.

— Ну разумеется, я понимаю, — торопливо перебил Джеймс. — Я просто хотел сказать, что, на мой взгляд, балтиморцы любят… классифицировать.

— Люди вообще любят классифицировать.

— Ладно, окей…

— А как насчет того, что выдала *твоя* мама, когда мы уезжали?

— А что?

— «В следующий раз вы должны приехать на выходные, — сказала она. — Приезжайте на пасхальные каникулы! Соберутся все, и ты увидишь, что такое большая семья!»

Серена невольно заговорила нагловатым тоном болтливой домохозяйки, хотя это совсем не было похоже на Дору. И Джеймс это заметил; он бросил на нее короткий пронзительный взгляд:

— А что не так?

— Просто это прозвучало немножко осуждающе. Вроде как «Бедняжка Серена, у нас ведь *настоящая* семья, а у тебя маленькое жалкое *подобие*».

— Она не говорила про «настоящую семью». Ты сама только что напомнила, что она сказала «*большая* семья».

Серена не стала возражать, но уголки ее рта печально опустились.

«Мы — полноценное обширное и открытое семейство, а вы — несчастная маленькая замкнутая семейка» — вот что на самом деле имела в виду Дора, но Серена не собиралась спорить с Джеймсом по этому поводу.

Проблема обширных семейств в их крайне узком подходе к *не*обширным семьям.

Поезд замедлял ход. «Вилмингтон! — прозвучало из репродуктора. — Будьте осторожны при выходе из вагона, леди и джентльмены…»

За окном со стороны Серены показалась залитая солнцем платформа, усеянная пассажирами,

которые выглядели такими радостными и воодушевленными, словно посадка на этот поезд была мечтой всей их жизни.

Серена вспоминала рождественский подарок, который ее родители преподнесли Джеймсу. Он пришел к ним на ужин за день до отъезда домой на каникулы, и когда все уселись за стол, на пустой тарелке перед ним лежала длинная плоская коробка. Серена смутилась. Пожалуйста, пускай это будет что-нибудь не слишком личное, не слишком… очевидное! Даже Джеймс почувствовал себя неловко.

— Это мне? — удивился он.

Но когда он открыл коробку, Серена с облегчением выдохнула. Внутри оказалась пара ярко-оранжевых носков. По верхнему краю каждого шла черная полоска с надписью БАЛТИМОРСКИЕ ИВОЛГИ[1] со стилизованным изображением иволги по центру.

— Теперь, когда ты живешь в Балтиморе, — пояснил отец Серены, — мы подумали, что тебе стоит одеваться соответствующе. Но поскольку мы не хотим, чтобы у тебя были из-за этого проблемы в Филадельфии, то выбрали такую деталь

---

[1] Примечания: 1

Название местного бейсбольного клуба и птицы — символа штата Мэриленд. — *Здесь и далее примеч. перев.*

одежды, которая скроет опасные свидетельства, пока ты не поддернешь вверх брючины.

— Весьма предусмотрительно, — улыбнулся Джеймс и настоял, что должен надеть их прямо сразу, и важно расхаживал по гостиной без туфель до самого начала ужина.

Он и не догадывался, что на самом деле родители Серены вовсе не были спортивными фанатами. Они, скорее всего, не смогли бы назвать имени ни одной «Иволги» — или «Ворона», если уж на то пошло. Старание, которое они, должно быть, приложили, чтобы придумать этот подарок, растрогало Серену до глубины души.

Джеймс, сидевший рядом, окликнул ее:

— Эй.

Серена не отозвалась.

— Эй, Ренни.

— Что.

— Мы уже начинаем ссориться из-за родственников?

– *Я* не ссорюсь.

Поезд дернулся и покатил дальше. Человек с портфелем, бредущий по проходу, кажется, заблудился. Женщина позади них, та, с умиротворяющим голосом, проговорила:

— Дорогая моя. Милая. Мы непременно обсудим

это с руководством во вторник. Слышишь меня?

— Поверить не могу, что она до сих пор висит на телефоне, — пробормотала Серена.

Не сразу, но Джеймс ответил.

— А *я* поверить не могу, что это деловой звонок, — прошептал он. — Ты бы догадалась?

— Никогда.

— Только не говори *мне*, что деловые женщины ведут себя так же, как мужчины.

— Ладно, ладно, не будем сексистами, — рассмеялась она.

Он взял ее за руку и сплел свои пальцы с ее.

— Давай начистоту. Мы оба были на взводе. Верно? Родители иногда сильно напрягают.

— Мне можешь не рассказывать, — согласилась она.

Дальше они ехали в уютном молчании.

— А ты заметила, как мама отозвалась о моей бороде? — неожиданно спросил он. — Если мы об осуждении.

— А что там было?

— Когда она показывала тебе фотоальбом. Добралась до моих школьных лет — и: «А вот Джеймс на выпускном. Правда, он милый? Это еще до того, как он отпустил бороду». Моя борода ей покою не дает. Она ее ненавидит.

— Что поделаешь, она же мать. Матери всегда ненавидят бороды.

— Первый раз, когда я появился дома с бородой, на первом курсе колледжа, отец предложил мне двадцать баксов, чтобы я ее сбрил. «И ты туда же?» — расстроился я. А он сказал: «Я лично ничего не имею против бороды, но твоя мать говорит, что скучает по твоему красивому лицу». «Отлично, — сказал я. — Если хочет видеть мое лицо, пускай разглядывает мои старые фотографии».

— Но на выпускном фото ты выглядишь очень даже привлекательно, — улыбнулась Серена.

— Но *ты-то* не считаешь, что мне следует сбрить бороду, правда?

— Нет-нет. Мне нравится твоя борода. — Она ласково сжала его руку. — Просто мне было приятно увидеть еще и версию «до».

— С чего бы?

— Ну, теперь я знаю, как выглядит твое лицо.

— Ты переживала, что не видела моего лица?

— Не переживала, а… в общем, я всегда думала, что когда вырасту и, предположим, встречу мужчину, за которого соберусь замуж, и у него вдруг будет борода, я попрошу его, если он не против, сбрить ее разок перед свадьбой.

— Сбрить!

— Только один раз. На две крошечные минутки, чтобы я смогла увидеть его лицо, а потом пускай отращивает ее обратно.

Джеймс выпустил ее руку и слегка отодвинулся, разглядывая Серену.

— Что такое…

— А если он откажется? — спросил Джеймс. — Если он скажет: «Вот я таков: парень с бородой. Можешь принять меня таким или уйти».

— Ну ведь если он… — Серена умолкла.

— Ведь если он — что? — не унимался Джеймс.

— Если у него… окажется безвольный подбородок или типа того…

Он не отводил глаз.

– *Да не знаю!* — сдалась она. — Я просто хотела бы выяснить, во что ввязываюсь, вот и все.

— И если бы у него оказался безвольный подбородок, ты бы ему ответила: «Ой, *прости*, кажется, я не могу выйти за тебя замуж».

— Я не говорю, что не вышла бы за него, я хочу сказать, что желала бы выйти замуж *информированной*. Желала бы знать, с чем имею дело.

Джеймс угрюмо уставился на спинку сиденья перед ним. И не сделал попытки вновь взять Серену за руку.

— Ну Джееееймс… — нежно протянула Серена.

Тишина.

— Джеймс?

Он резко повернулся, словно принял какое-то решение.

— С того момента, как мы начали планировать эту поездку, — начал он, — ты возводишь… стены. Устанавливаешь границы. Не ночевать в одной комнате, приехать только на воскресенье… Мы пробыли там четыре несчастных часа! Да мы в дороге провели больше времени, чем в гостях! А я не так часто вижусь со своими, ты же знаешь. И я, в отличие от тебя, не живу с ними в одном городе и практически в том же районе и не могу заскочить в любой момент, когда мне нужно постирать шмотки.

— Но *я* же в этом не виновата!

Но он, словно не слыша, продолжал:

— Знаешь, о чем я думал, когда мы ехали в Филли? Я думал, что когда ты познакомишься с моими родителями, то решишь, что мы можем у них задержаться. Что ты скажешь, мол, давай поедем самым ранним поездом с утра, и я успею на занятия, и что теперь ты видишь, какие они классные.

— Я и так знала, что они *классные*, Джеймс. Мне просто… и кроме того, я не захватила зубную

щетку! И пижаму!

Выражение его лица не изменилось.

— Хорошо, в следующий раз, — пообещала она.

— Ладно, — буркнул он и вытащил из кармана телефон.

Сейчас они проезжали вдоль залива Чесапик — широкая водная гладь, матово-серая даже в солнечном свете, а на торчащих там и сям на мелководье шестах неподвижно нахохлились одинокие птицы. Зрелище навевало тоску. Почти тоску по дому.

Все из-за ее кузена, конечно же. Встреча с ним словно оставила зазубрину где-то глубоко в груди, трещину между двумя частями ее мира. По одну сторону мать Джеймса, такая душевная и искренняя, а по другую Николас, стоящий в одиночестве на железнодорожном вокзале. Это как вынуть стеклянную форму из горячей духовки и сунуть ее в ледяную воду: треск, когда она раскалывается на кусочки.

— Может, устроим как-нибудь семейную вечеринку? — как-то раз в детстве предложила Серена.

И мама ответила:

— Хм? Вечеринку? Думаю, можно. Но это будет не очень *большая* вечеринка.

— И дядя Дэвид со своими придет?

— Дядя Дэвид. Что ж. Возможно.

Звучало не слишком обнадеживающе.

Что мешает семье быть семьей?

Может, дядю Дэвида усыновили и он разозлился, что никто ему об этом не рассказал? Или его вычеркнули из завещания, в которое включили обеих его сестер? (Даже в детстве Серена читала много романов.) Или какая-то семейная ссора вышла из берегов и были произнесены возмутительные оскорбления, которые невозможно простить? Последнее выглядело наиболее правдоподобным объяснением. Потом даже не можешь вспомнить, с чего все началось, но знаешь, что с того момента все навсегда изменилось.

— По крайней мере, тетя Элис могла бы прийти, — сказала тогда Серена.

— Может быть, — ответила Лили. — Но ты же знаешь свою тетю Элис. Как она вечно пилит меня.

И Серена сдалась.

Дело в том, размышляла она, что даже когда Гарретты собираются вместе, это никогда не бывает по-настоящему, так сказать.

Не шевелясь, она скосила глаза на Джеймса. Тот что-то читал с экрана телефона. (У него была

невероятная способность читать целые книги в телефоне.) И рассеянно покусывал нижнюю губу.

Лучшим школьным другом Серены был мальчик по имени Марцеллус Эйвери. У них не было романтических отношений — своего рода общество взаимопомощи. У Марцеллуса была патологически белая кожа и очень черные волосы, и все смеялись над его именем. А Серена весила фунтов на десять больше, чем нужно, и никогда в жизни не могла справиться ни с каким мячом — ни с бейсбольным, ни с теннисным, ни с футбольным, ни с каким вообще, — и это в школе, где спорт стоял во главе угла. За ланчем они сидели рядом и сплетничали о своих безмозглых одноклассниках, а по выходным он приходил к ней в гости и они смотрели иностранные фильмы в «телевизионной комнате» ее родителей. Впрочем, однажды он как бы нечаянно коснулся ее руки, лежащей рядом с его, и когда она не отстранилась, едва заметно придвинулся чуть ближе и запечатлел на ее щеке осторожный стыдливый поцелуй. Она до сих пор помнила ощущение от бархатистого пушка над его верхней губой. Но больше ничего не последовало. Они тут же отпрянули друг от друга и уставились в экран телевизора, и на этом все и закончилось.

Забавно, но лишь сейчас Серена вдруг поняла, что Марцеллус был невероятно красив. Голова идеальной формы, как у мраморной статуи, и почему-то она всегда думала, как сильно, должно быть, его любит мама. Интересно, где он сейчас. Наверное, кто-то его уже окрутил — какая-нибудь женщина, достаточно разумная, чтобы оценить его по достоинству. А она, Серена, сидит рядом с парнем, который ничем не отличается от ее бывших одноклассников.

Серена думала только о том, когда же закончится эта поездка и она снова сможет остаться наедине с собой.

2

Вплоть до 1959 года семейство Гарреттов не ездило вместе на каникулы. Робин Гарретт, отец Элис, говорил, что они не могут этого себе позволить. В те давние времена он отказывался даже ненадолго оставить магазин на кого-то чужого. А все дело в том, что магазин принадлежал дедушке Веллингтону. «Сантехническое оборудование Веллингтона» оказалось вверено папиному попечению — крайне неохотно и недоверчиво — после первого инфаркта дедушки Веллингтона. Робин, разумеется, должен был проявить себя, и он вкалывал шесть дней в неделю, а по воскресеньям приносил домой бухгалтерские книги, чтобы мать Элис все проверила — на случай, если он где-нибудь опростоволосился. Будем откровенны: Робин не был прирожденным бизнесменом. Учился он на водопроводчика и, бывало, покупал всякие детали у Веллингтона, только чтобы хоть глазком глянуть на юную Мерси Веллингтон за прилавком. Мерси Веллингтон была самым очаровательным существом, какое он встречал в жизни, рассказывал он своим детям, и все сантех-

ники Балтимора сходили по ней с ума. У Робина не было никаких шансов, но иногда чудеса случаются. Мерси, со своей стороны, рассказывала детям, что ее покорило джентльменское поведение Робина.

А потом дедушка Веллингтон умер и магазин перешел к Робину — хотя юридически, конечно, к Мерси, — и все шло по-прежнему: он еще больше времени отдавал работе, навалилось еще больше обязанностей, приходилось следить за каждой гайкой, каждым болтом, и они все так же не могли уехать на каникулы. До того момента, как Робин нанял помощника, которого называл «юный Пикфорд», — добродушного парня, не слишком башковитого, но крепкого как скала. И тогда Мерси сказала: «Итак, Робин, а сейчас я категорически требую: мы всей семьей едем в отпуск».

Лето 1959 года. Неделя на озере Дип Крик. Маленький коттедж в ряду таких же коттеджей, до озера рукой подать. Не совсем у воды, потому что Робин сказал, что это чересчур дорого, но все же довольно близко.

В 1959 году Элис исполнилось семнадцать, то есть возраст, когда путешествие с семьей могло вызывать восторг, давно миновал. А ее сестре

Лили было пятнадцать, и она была страстно влюблена в Джампа Уоткинса, популярного в их школе старшеклассника и чемпиона по баскетболу. Лили заявила, что не может бросить Джампа на целую неделю. И спросила, можно ли Джампу поехать с ними, но Робин решительно отказал. Даже не потрудился объяснить почему, просто сказал: «Чего? Нет» — и все.

Так что девочки ничего хорошего от поездки не ждали. В их жизнях она случилась слишком поздно. А вот для их брата… Дэвиду было всего семь, идеальный возраст для недели на озере. Он был жизнерадостным ребенком, восторженно готовым участвовать в любом новом деле. Едва узнав, куда они едут, Дэвид принялся зачеркивать дни в календаре и планировать, что возьмет с собой. Он, наверное, представлял себе озеро чем-то вроде гигантской ванны, потому что предложил захватить пластмассовые кораблики, деревянную игрушечную яхту и заводного пластмассового водолаза. Мерси пришлось объяснять, что на большой воде они могут потеряться, просто уплыть от него. «Я куплю тебе пластмассовое ведерко и совок», — пообещала она. После этого малыш зациклился на другой идее и начал распевать морские песни. «Мой милый за море

уплыл…» — выводил он чистым детским голоском, а свою куклу-ковбоя переименовал в Бобби Шафто[2]. (Он вечно придумывал имена этому бедолаге, в обнимку с которым засыпал по сей день, но когда к нему в гости приходили друзья, прятал куклу в шкаф.) «Бобби Шафто уплыл по волнам, — пел он, волнообразно размахивая куклой над головой, будто та плывет. — Серебряные пряжки на его сапогах…»

Они выехали утром в субботу, заглянув сначала в собачий приют, где оставили на передержку своего пса Кэпа. За рулем сидела Элис. Она совсем недавно получила права и вечно клянчила, чтобы ей дали порулить, но отец чаще всего отказывал, потому что она слишком «безрассудная», как он говорил. Сегодня, однако, разрешил. Он сел рядом на переднем сиденье, указывая на знаки, повороты и встречные автомобили, которые она прекрасно видела и сама, спасибо большое. Сзади устроились Мерси, Дэвид и Лили — Дэвид в середине, потому что он был еще маленький и выступ на полу под ногами ему не мешал.

Все в семье Гарреттов были блондинами, но Мерси и Дэвиду достались светлые волосы с золо-

---

[2] Примечания: 2
Персонаж английской детской песенки, красавчик-моряк.

тистым оттенком и бело-розовая кожа — очень яркие и выразительные блондины получились (уж Дэвиду это точно ни к чему), а Робин и девочки — потемнее. У всех голубые глаза, и все они невелики ростом, даже Робин. Элис знала, что отец переживает из-за этого, потому что видела, как он расправляет плечи и вскидывает голову, когда в магазине приходилось обслуживать высоких мужчин. Только что не встает на цыпочки. Элис всегда огорчалась из-за этого, хотя и подозревала, что отец даже не осознает своих непроизвольных реакций.

Они ехали полдня — и почти все время по сельской местности. Дэвида забавляли лошади, коровы и их потомство, и еще они с мамой затеяли игру, кто увидит больше тракторов, но Лили хандрила, молча сгорбившись на заднем сиденье, и хмуро смотрела прямо перед собой. На подступах к озеру на некоторых домах стали появляться вывески ТУРИСТЫ, будки из рубероида, где торговали наживкой, и гравийные площадки, заставленные моторными лодками с выведенной на ветровых стеклах ценой. Кафешки размером с обычный гараж предлагали жареных цыплят, мясной рулет и ланчи за доллар. Гарретты взяли обед с собой, чтобы поесть, как только прибудут

на место, но все же остановились у придорожного фермерского ларька, а потом еще раз у бетонного кубика под громадной светящейся вывеской БАКАЛЕЙНАЯ ЛАВКА ТОЛСТОГО ГАРРИ. Лили не пошла с ними к Толстому Гарри, осталась сидеть в машине, упрямо скрестив руки на груди.

— Вот ты дура, — сообщила ей Элис по возвращении. — Мама разрешила нам купить мороженое, и мы выбрали со сливочной карамелью.

Лили терпеть не могла такое мороженое, она всегда говорила, что вкус у него неправильный. Но в этот раз никак не отреагировала, только продолжала смотреть в пространство.

Из-за всякой ерунды, что они накупили и к которой теперь добавилось еще и набранное в лавке, последние пять миль путешествия стали совсем уж тяжкими. Багажник был забит чемоданами, постельным бельем и всякой всячиной для художественных развлечений Мерси, поэтому покупки расталкивали по салону автомобиля, и пакеты от «Толстого Гарри» почти совсем скрыли Мерси и Лили, а Дэвиду на колени взгромоздили огромный арбуз. Пол перед Робином был почти полностью завален бумажными кульками из фермерской лавки, так что ему некуда было ноги пристроить.

Коттедж пришлось разыскивать, ориентируясь по отпечатанной на ротаторе инструкции, которую прислал им хозяин.

— «Поверните направо на Бак-Смит-роуд, — читал вслух Робин, — проезжайте еще две с четвертью мили. Поверните налево по указателю на “Слипи Вудс”».

«Слипи Вудс» оказался шестью бревенчатыми хижинами, выстроившимися вдоль шоссе, у пары из них на заднем дворе стояли лодки на прицепах. Хижина Гарреттов была номер 4. Маленький, но удобный коттедж, одноэтажный, одна спальня для девочек, другая для родителей, в родительской спальне стояла и раскладушка для Дэвида.

В гостиной, совмещенной с кухней, пахло дымком от камина, но в спальнях отчетливо воняло плесенью, и Мерси сразу же распахнула окна. Снаружи потянуло ароматом хвои и солнца. Сосновые деревья высились над головой, и под ногами было немножко скользко от опавших бурых иголок. Элис поняла, почему место называется «Слипи Вудс»[3]. И подумала, что здесь очень хорошо спится.

---

[3] Примечания: 3
Sleepy Woods — Сонный Лес (*англ.*).

Первым делом они пообедали, сидя за деревянным столом в кухне, — все умирали от голода. У них были с собой сэндвичи с салатом из тунца и морковные палочки, а на десерт персики из фермерской лавки. Потом Робин принялся разгружать багажник, а Мерси отправила девочек стелить постели, пока она разбирала продукты. Один Дэвид остался без дела, поэтому он пошел на улицу поучить Бобби Шафто лазать по деревьям. Малыш возил куклой по стволам и пристраивал на нижних ветках, напевая: «Он вернется и женится на мнеееe…»

Когда багажник опустел, Робин с Дэвидом переоделись и пошли к озеру попробовать воду — Робин в мешковатых красных шортах, футболке и обычных черных туфлях с черными носками, а Дэвид в белом махровом халате, купленном специально для этой поездки, и маленьких коричневых рыбацких сандалиях. Тропа к озеру оказалась грунтовкой в лесу, две песчаные колеи с полоской травы между ними. Еще несколько минут их удаляющиеся фигуры мелькали в прогалинах солнечного света: Робин с полотенцем на шее и Дэвид, бодро размахивающий своим ведерком, так что стук болтающейся внутри лопатки долетал даже до коттеджа.

Пока они застилали постели, Элис попробовала разговорить Лили — «Чур, я у окна» и «Надеюсь, эта койка удобнее, чем кажется на вид», — но Лили не отвечала и не меняла мрачного выражения лица. Закончив, Элис распаковала свои вещи и уложила их в комод («Чур, я занимаю два верхних ящика»), а Лили достала из чемодана блокнот и ручку, завалилась на кровать, подоткнув подушку под спину, и начала писать. Вероятно, Джампу, хотя она не потрудилась объясниться.

Элис сдалась. Она надела купальник, просторную рубашку, подхватила фотоаппарат — новенький «Кодак», который ей подарили на прошлый день рождения, — и вернулась в кухню, где Мерси рыскала по шкафчикам в поисках кувшина для чая, который она только что заварила.

— Я поищу, пока ты переодеваешься, — предложила Элис.

— О, спасибо, дорогая. — И Мерси скрылась в спальне. Спустя несколько минут она появилась в латексном купальнике с оборками — такой впору носить Эстер Уильямс[4], — персиковом кимоно, трепетно распахивающемся спереди, и шлепанцах на пробковой подошве и с огромны-

[4] Примечания: 4

Американская пловчиха и актриса, звезда «аквамюзикла» 1940-х и 1950-х годов, ее называли «Американской русалкой».

ми помпонами.

— Где Лили? — поинтересовалась она.

Элис, иронически поморщившись, ответила:

— Пишет письмо.

Мерси лишь весело хохотнула. Она, похоже, представляла Лили эдакой красоткой из «Унесенных ветром», с толпой поклонников, ходящих перед ней «на задних лапках», как она говорила.

Они вышли из дома и двинулись по тропе, по которой раньше ушли Робин с Дэвидом. Было жарко, но не то чтобы невыносимо — на добрых десять градусов прохладнее, чем в Балтиморе. В тенистых уголках жужжали насекомые, наверху в ветвях шебуршились белки.

Озеро оказалось больше, чем ожидала Элис. Другой берег видно, но очень далеко, здесь же береговая кромка изгибалась влево и скрывалась в зарослях кустов, а дальше, видимо, опять тянулось озеро. Грузная тетка разлеглась на полотенце, загорала; пожилой мужчина, полностью одетый, сидел в шезлонге в дальнем конце шатких мостков. В воде видно было только Робина, уверенным брассом плывшего параллельно берегу, лицо его выражало неумолимую решимость. Дэвид наблюдал с берега. Он снял халат, но стоял у края воды абсолютно сухой — совершенно оче-

видно, даже палец не намочил.

— Как тебе озеро? — спросила Мерси, подходя сзади.

Малыш обернулся и спросил:

— Папа утонет?

— Нет, нет, нет, — заверила она. — Папа *отлично* плавает.

Дэвид снова повернулся к воде и продолжил наблюдать за отцом.

— Собираешься окунуться? — спросила его Элис.

— Скоро.

— Хочешь, пойдем вместе?

— Нет, все нормально.

Элис сбросила рубаху на песок рядом с фотоаппаратом.

— Ну ладно. — И медленно вошла в воду.

У берега вода была совсем теплой, но чем дальше она заходила, тем прохладнее становилось, а когда Элис наконец погрузилась целиком, от холода даже перехватило дыхание.

Отсюда берег напоминал прелестную картинку из маминого альбома французской живописи: старик в гигантской соломенной шляпе на старом причале, дама на песке — просто цветная полоска; Дэвид, присевший на корточки перед

своим ведерком. Мерси, осторожно ступая, шаг за шагом входила все глубже в воду и наконец оттолкнулась и поплыла — гораздо более изящным брассом, чем Робин. В детстве она все каникулы проводила в Оушен-Сити, в этом все дело. И уверенно чувствовала себя в воде. Но, проплыв всего несколько ярдов, она остановилась.

— Давай же! — окликнул Робин.

— Не хочу голову мочить. — Волосы у нее сохли целую вечность, такие густые и вьющиеся, с локонами, выпадающими из пучка, уложенного на макушке. — Я, наверное, прихвачу скетчбук и прогуляюсь по лесу. Присмотришь за Дэвидом?

— Конечно. Поучу его плавать, как думаешь?

— Отлично. — Мерси развернулась и пошла к берегу, широко раскинув руки в стороны, и кисти чуть вспорхнули вверх маленькими птичками, а в это время далеко в стороне, на опушке леса, появилась маленькая фигурка Лили, которая, прикрыв глаза ладонью от солнца, наблюдала за ними. Но ближе не подходила. Она даже не стала надевать купальник и почти сразу развернулась и вновь скрылась из виду.

Вот в чем разница между этой сценой и теми, что у французских художников, подумала Элис, — на их картинах люди что-то делают вме-

сте, устраивают пикник или катаются на лодках, а здесь все по отдельности. Даже ее отец, который сейчас плывет к берегу всего в нескольких ярдах от нее. Со стороны ни за что не подумаешь, что Гарретты вообще знакомы друг с другом. Каждый сам по себе, и выглядят такими разобщенными, такими одинокими.

* * *

Все трое детей, даже Дэвид, знали, что их мать терпеть не может возиться на кухне. Сама она утверждала, что *любит* стряпать, но имелось в виду, что ей нравится готовить исключительно сладкое. И десерты у нее действительно выходили изысканные — не какое-то там печенье или шоколадный пудинг, а хрустящие трубочки, наполненные взбитыми сливками, или пышные меренги, усеянные засахаренными фиалками. Штучки, которые она подавала своим ухажерам в юности, подозревала Элис. На вид восхитительно, но дети такое обычно не едят.

Да и Робин тоже, хотя он никогда не сознавался. При виде очередной кружевной стряпни он, бывало, восклицал: «О, дорогая! Да как же ты это *сотворила*?» Но ограничивался всегда только маленькой ложечкой.

В итоге Элис играла на кухне гораздо более важную роль, чем большинство девочек ее возраста. Сначала она умела только открывать банки «Динти Мур»[5] и варить сосиски, но постепенно перешла к простым запеканкам и тушениям, а потом освоила рецепты из женских журналов и кулинарных разделов газет — блюда со словами *espagnol* или *à la française* в названиях. «Ух ты, милая! — говаривал отец, бедняга. — Неужели это ты приготовила?» Сам-то он был из простых любителей мяса с картошкой. Но Элис знала, как он благодарен, что она подключилась к кухонным делам.

На первый их ужин на озере — Мерси еще не вернулась с этюдов, а Дэвид от голода уже капризничал — Элис разогрела консервированную солонину, посыпала сверху тертым чеддером и сухой приправой из склянки, которую нашла в буфете. (Предыдущие жильцы оставили кучу всякой всячины: джемы, сухие бобы, соусы для барбекю и разные загадочные баночки, которые она намеревалась исследовать.) Она порезала несколько фермерских огурцов и заправила их смесью кукурузного масла и яблочного уксуса.

---

[5] Примечания: 5
Популярная марка консервированных супов.

А Дэвид клянчил хоть что-нибудь, чтобы не умереть с голоду прямо на месте. Крекеры, печенье, «хоть что-то!» — трагически восклицал он, но удовлетворился предложенным ломтиком огурца.

— Где твоя мать? — вопрошал отец. Это его постоянный рефрен: «Где она может быть?»

— Рисует, — отвечала Элис. — Давайте начинать без нее.

Она расставила на столе тарелки, пересчитала приборы и как раз искала салфетки, когда поняла, что они их позабыли дома, пришлось отрывать куски бумажных полотенец.

Элис любила воображать, что о ее жизни как будто бы пишут книгу. А рассказчик, с внушительным мужским голосом, описывает каждое ее действие. И довольно часто возникала ремарка «Элис вздохнула».

— Иди зови Лили ужинать, — велела она Дэвиду, а тот ответил:

— Ее нет.

Элис удивилась:

— Где же она?

А Дэвид сказал:

— Она ушла с парнем.

«Элис тяжело вздохнула», — прокомментировал невидимый рассказчик.

* * *

Лили и вправду ушла с парнем. Его звали Трент, они познакомились, вероятно, когда Лили брела мимо их семейного коттеджа. Они вдвоем явились как раз к концу ужина. К тому времени Мерси, с налипшими на подол юбки сосновыми иголками, уже вернулась с этюдов и все четверо приступили к поеданию мороженого со сливочной карамелью.

— Ты где *была*? — возмутилась Элис, а мама выпрямилась за столом и одарила Трента преувеличенно сияющей улыбкой.

Он был настоящий красавчик, этот парень с густыми бровями и в футболке с надписью «Университет Мэриленд», и, как прикинула Элис, на несколько лет старше Лили.

— Это Трент, — сообщила Лили. — И мы с ним собираемся в бургерную в городе, так что я не буду ужинать.

— Какая прелесть! — обрадовалась Мерси, а Робин тут же осведомился:

— И как вы туда доберетесь?

— У Трента есть машина, — сказала Лили.

— Ты надежный водитель, сынок?

— Папа! — рассердилась Лили.

Но Элис подумала, что он правильно спрашивает, и вообще ей не понравилось, с какой беззаботной готовностью ответил Трент.

— Да, *сэр*, отличный водитель, — сказал он.

Что-то в нем есть елейное, подумала Элис. Но Робин сказал:

— Тогда ладно. Верни ее не слишком поздно.

Лили небрежно сделала ручкой на прощанье, и они уехали.

Для Элис всегда было загадкой, почему парни липнут к Лили. Ну да, она симпатичная, с милыми ямочками на щеках, но это не объясняло, почему все мужчины делали стойку, едва она входила в комнату. Как будто она издавала некий загадочный сигнал, доступный только мужскому слуху. (Не только мальчишкам, но и взрослым мужчинам. Элис не раз замечала, как отцовские приятели посылали Лили такие же пристальные многозначительные взгляды.) Саму Элис приглашали на свидания только по особым случаям, на официальные мероприятия вроде школьных вечеров. Она знала, что ей недостает притягательности, которая в избытке имелась у Лили. И не была уверена, что хотела бы обладать такой силой. (И ей *действительно* не понравился этот Трент.)

— Что ж, — хмыкнул Робин, когда за ними закрылась дверь. — Не повезло Джампу Уоткинсу, хе-хе.

— Ну перестань, она просто любит общаться, — возразила Мерси.

И все вновь занялись мороженым.

Однако на следующее утро за завтраком от Лили только и слышно было: Трент то, Трент это. Трент приехал из округа Колумбия, играет в теннис за университет, а в следующем году станет партнером в отцовском бизнесе по продаже спортивных товаров.

— Сколько же ему лет? — удивилась Элис.

— Двадцать один. А что? — беззаботно отозвалась Лили и тут же принялась тарахтеть про их дом у озера, на самом берегу. Он такой громадный, рассказывала Лили, и принадлежит их семье, а над камином у них голова оленя.

— Ты что, была в самом доме? — спросила Мерси.

— Ну да, и познакомилась с двумя его сестрами и с их парнями.

Извинившись, она помчалась переодеваться, потому что они с Трентом собирались кататься на его моторной лодке.

Мерси хотела закончить работу над наброс-

ками, которые сделала вчера. Пока Элис мыла посуду после завтрака, Мерси разложила свой походный набор красок и холсты на кухонном столе — единственное доступное рабочее пространство.

— К обеду закончишь? — поинтересовалась Элис.

— О да, — сказала Мерси, но в голосе звучало сомнение.

Раз начав, мать с головой погружалась в свое рисование. Так что если дело так пойдет и дальше, то им, с большой вероятностью, придется обедать в гостиной, держа тарелки на коленях.

Элис пошла на озеро, захватив и Дэвида, а Робин обещал присоединиться, потому что «жаль пропускать купание», но сначала надо поправить сетку на окне в их с Мерси спальне. Он определенно чувствовал себя не в своей тарелке, не понимая, куда девать столько свободного времени.

Сегодня Дэвид потащил с собой на озеро кучу игрушек — полдюжины маленьких пластмассовых солдатиков, которые громыхали в его ведерке. Вот только называл он их «ветеринарами». Элис сначала подумала, что он имеет в виду «ветеранов», но нет, на берегу он вывалил

солдатиков на песок и сообщил сестре:

— Это вот Герман; он лечит *больших* животных, коров и лошадей. А это Дон, он лечит кошек и собак.

— А где же их пациенты?

— Еще не время принимать пациентов. Сначала у ветеринаров должно пройти совещание. Итак, Дон, — заговорил он низким утробным голосом, — я еду на ипподром Пимлико, взглянуть на ту лошадь со сломанной ногой. А чем ты займешься сегодня? — А потом продолжал, уже тоненьким голоском: — Мама-кошка, которую нам принесли, должна вот-вот родить котят, и я буду их принимать.

Элис не поняла смысла этой игры. Никаких действий, если не считать, что Дэвид поднимал каждого солдатика на пару дюймов, когда была его очередь «выступать». Но по крайней мере он сам себя развлекал, и постепенно истории болезней становились все более подробными, превращаясь в настоящие рассказы. К примеру, одного пса нужно было усыпить, потому что он покусал маленького мальчика, но ветеринар доказал, что мальчик лжет, и жизнь собаки была спасена, а ветеринар решил взять ее себе.

Элис намазалась специальной самодельной

мазью, детское масло с йодом, — по слухам, помогает быстрее загореть, потому что солнце здесь не такое жаркое, как в Оушен-Сити. А потом растянулась на полотенце, листая журнал «Мадемуазель» — студенческий номер, посвященный целиком тому, что будут носить этой осенью девушки в колледжах.

Наконец перед ней возникли отцовские ноги в туфлях и черных носках, она подняла глаза.

— Ты почему не купаешься?

— Хочу сначала прогреться как следует.

— Дэвид? Пойдешь со мной?

— Не могу, у меня тут срочное дело, — отозвался Дэвид.

Отец помолчал, вероятно пытаясь разобраться, что происходит. Потом стянул футболку, уронил ее на полотенце Элис.

— Ну а я иду в воду, — заявил он.

Элис села, провожая отца взглядом. Сегодня утром в воде были и другие люди — молодая парочка, мужчина с карапузом на руках, и вдалеке плыл еще кто-то, не разобрать. Робин разулся только у самой воды, аккуратно поставил туфли на песок, но, прежде чем войти в озеро, еще некоторое время разглядывал других купальщиков.

Отец все же не курортник по сути, подумала

Элис. Весь какой-то напряженный. Входя в воду, Робин поджал руки, локти приподнялись над водой, а лопатки торчали, как цыплячьи крылышки.

На пляже собралось гораздо больше народу, чем накануне. Грузная дама опять разлеглась на своем полосатом полотенце, будто и не уходила никуда, под гигантским зонтиком устроилась пара с малышом, а дальше еще одна пара, с целым выводком шумной ребятни. Среди них обнаружился только один мальчишка лет двенадцати или около того — явно старше Дэвида, но Элис все же решила попробовать, а вдруг.

— Мне кажется, тебе стоит поговорить вон с тем мальчиком, — предложила она Дэвиду.

Брат покосился на парнишку, который как раз направлялся к воде.

— Нет, — отрезал Дэвид. — Он слишком взрослый.

— Но на вид довольно славный.

Однако Дэвид уже вернулся к своим ветеринарам. Приподнял одного над головой, чтобы тот смог разглядеть моторку вдалеке.

— Я вижу три корабля, плывущих мимо, — напевал он. — Плывущих мимо, мимо…

Элис потянулась к своему «Брауни Старфл-

эш»[6], поднесла к одному глазу, прищурилась. Интересно, это не Трент с Лили там в лодке? Хотя отсюда не видно.

* * *

Учитывая страсть Мерси к подернутой дымкой расплывчатой французской живописи, можно бы подумать, что ее собственные картины будут такими же размытыми и неопределенными — не столько пейзаж, сколько намек на него. Но на самом деле все обстояло не так — или, по крайней мере, не совсем так. Взять, к примеру, картину, над которой Мерси работала, когда они втроем вернулись в коттедж. Сосны напоминали расплывшиеся зеленые пирамиды, а лесная подстилка — бурые потеки, но вдруг на переднем плане, в левом нижнем углу, — сброшенные шлепанцы с помпонами, выписанные так четко и детально, будто лежали под увеличительным стеклом. Каждый стежок швов на ремешках, каждая пора в пробковой подошве, даже крошечная пчелка, присевшая на помпон, — воображению не оставалось ни малейшего места. Элис такой контраст раздражал, из-за резкого перехода от

[6] Примечания: 6
Марка фотоаппарата.

туманной неопределенности к конкретной реальности болели глаза. Или шлепанцы должны были что-то означать? Это ключ к пониманию? Символ? О, она просто не может уловить смысл!

Впрочем, никогда не могла. Поэтому сказала то же, что обычно: «Очень мило, мам», и пошла переодеваться.

И уже в дверях услышала, как Дэвид спрашивает:

— А твои картины когда-нибудь будут в музее?

— О нет, нет, нет, — ответила Мерси, издав свой фирменный звенящий смешок. — Я рисую просто для себя. — И она отправила сына надевать штаны.

* * *

У Трента, разумеется, нет постоянной девушки, заявила Лили, потому что пряжка сзади на его слаксах не застегнута.

— Может, она случайно расстегнулась, — предположила Элис. — Может, он просто неряха.

— Шутишь? Это же заявление, — возмутилась Лили. — Все знают, что это означает.

— А ты не можешь прямо его спросить, встречается ли он с кем-нибудь?

Лили скептически посмотрела на сестру.

Шел четвертый день их пребывания на курорте, и каждый из этих дней Лили провела исключительно с Трентом. Судя по ее рассказам, они в основном торчали в их фамильном коттедже.

— И чем вы там занимаетесь? — недоумевала Элис.

— О, просто купаемся и все такое.

У Гарреттов Трент появлялся, только чтобы захватить Лили, — как правило, по утрам. И всегда приезжал на машине, хотя там пешком было два шага.

— Привет, красотка, — приветствовал он ее обычно. — Здрасьте, мистер Гарретт. Миссис Гарретт, вы прекрасно выглядите!

Робин, мусоливший свою третью чашку кофе, хрюкал в ответ что-то неопределенное, а вот Мерси радостно восклицала:

— Ой, спасибо, Трент! Как твои дела?

— Все отлично, спасибо.

Элис он, считай, практически игнорировал. Так, приподнимет в ее сторону ладонь на пару дюймов и тут же роняет. А Дэвиду коротко бросал:

— Привет, пацан.

— Привет, — отвечал Дэвид, не глядя на него и не отвлекаясь от своих дел.

Сегодня утром, едва Трент и Лили ушли, Дэвид

объявил:

— Трент говорит про то, чего нет на самом деле.

Мерси забеспокоилась:

— Что, милый? О чем это ты? Что он такое сказал, чего на самом деле нет?

— Не знаю, но так оно и есть.

— Ну, брось. Мне кажется, он славный.

Как странно, подумала Элис, что взрослая женщина не видит того, что очевидно даже семилетнему ребенку. Но, с другой стороны, Дэвид чертовски хорошо разбирается в людях.

А Робин только проворчал:

— Он, по крайней мере, воспитанный, это все, что могу сказать.

Все замолчали.

«Элис очень любила своего отца, — произнес внутренний рассказчик. — Но иногда он приводил ее в отчаяние».

Потом Робин поехал на заправку «Эссо» подкачать шины, а Мерси бродила по коттеджу, собирая свои художественные принадлежности. Дэвид, сидевший на коврике с раскраской, спросил Элис:

— Мне Джамп Уоткинс нравится больше, чем Трент, а тебе?

— Ну, Трент уже взрослый мужчина, в колледже учится.

— Он не *мужчина*, — отрезал Дэвид.

Прежде чем Элис успела уточнить, что это был сарказм, мать из кухни вставила свои два цента:

— Может, для тебя и нет, милый, но я понимаю, о чем говорит Элис. Трент гораздо опытнее и интереснее, чем Джамп Уоткинс.

Дэвид с Элис переглянулись, но промолчали.

В тот вечер Лили вернулась так поздно, что все, кроме Элис, уже спали. Элис слушала радио в гостиной. Телевизора в коттедже не было, и Элис с ума сходила от скуки. Она нашла что-то вроде программы по заявкам слушателей: ведущий читал вслух письма, а потом крутили песню, о которой просили в письме.

— Это для Джерри от Кейт, она очень по нему скучает, — говорил ведущий. И врубали «Человека в плаще».

Элис понравилась эта идея. (Интересно, что за тип этот Джерри, если слова «забрал мои деньги и смылся из города» напоминали Кейт о нем?) В темноте комнаты проплыла полоса света от фар, а мгновение спустя раздались шаги на крыльце и в комнату вошла Лили.

— Ты еще не спишь? — удивилась она. — А

который час?

— Это ты *меня* спрашиваешь? — взвилась было Элис, но тут же услышала себя со стороны — прямо мамаша, а не сестра, и поспешно добавила: — Вечер удался?

— Вечер был чудесный, — выдохнула Лили, шлепаясь рядом с сестрой на диван. От нее пахло сигаретами — скорее всего, сигаретами Трента, решила Элис, поскольку единственная попытка ее сестры покурить завершилась приступом рвоты. — Я ловко так разведала про постоянную девушку. Он мне такие комплименты говорил, прямо настоящие, не буду тебе повторять, тут я и выдала: «Спорю, ты своей девушке говоришь то же самое», а он и отвечает: «Какой девушке?» — а я ему: «Ой, ладно тебе, я знаю, что у тебя есть девушка», а он: «Тогда зачем бы я сидел сейчас тут с тобой?» Вот!

— Ничего это не значит, — вздохнула Элис.

Щеки у Лили пылали, губы слегка припухли. Она держалась крайне дерзко, на взводе — отчасти наигранно.

— Элис, — сказала она. — Могу я попросить тебя кое о чем?

— И о чем же? — неохотно откликнулась Элис.

— Мне кажется, Трент собирается, ну, не знаю,

типа сделать мне предложение или вроде того.

— Предложение!

— Это не точно. Вполне вероятно. Это же не какое-то мимолетное юношеское увлечение. У нас все серьезно! В общем, я что хочу сказать, вдруг ты что-нибудь об этом прознаешь. Ну, он спросит, какой у меня размер пальца или что-то в таком роде.

— Лили…

— Дай договорить! Если вдруг он с тобой это начнет обсуждать, не могла бы ты намекнуть ему, что я всегда хотела, чтобы мне сделали предложение в беседке?

– *Чтооо?*

Лили подалась вперед, умоляюще сложив ладошки.

— С самого детства, — продолжала она, — я представляла, как в какой-то беседке юноша просит меня выйти за него замуж. Понимаю, это звучит глупо, но… и знаешь что! Там, где стоит дом родителей Трента, рядом есть еще один, даже больше, и там на заднем дворе очаровательная маленькая беседка. Невероятно! Мы сидели у них в патио, я оглянулась и глазам своим не поверила!

— Лили, — устало перебила Элис, — Трент не

станет делать тебе предложение.

— Ты не можешь этого знать!

— Тебе пятнадцать лет. Тебе даже водительские права получать рано. И ты познакомилась с ним четыре дня назад. А кроме того… Трент не тот человек, которому можно доверять.

— Ты его даже не знаешь!

— Я знаю его достаточно, чтобы понять, что он просто парень, который ищет развлечений. Он застрял тут с родителями и всем семейством, друзей рядом нет, и вот он замечает несовершеннолетнюю девочку, мечтательную и наивную, и говорит себе: «Хо-хо-хо! А что это у нас здесь такое?»

— Это просто гадко, — обиделась Лили. — Ты просто завидуешь, что у тебя никого нет. Кто бы говорил про *застрять*! У тебя самой нет парня, и поэтому ты хочешь разрушить мои отношения.

И она вскочила, решительно прошагала в спальню и хлопнула дверью.

Сестра орала довольно громко, и Элис надеялась, что родители все слышали. *Нужно* было, чтобы они слышали. Она с надеждой глянула в сторону их комнаты, но дверь оставалась закрытой, и за дверью — тишина.

* * *

— Посмотрим, сможешь ли ты затащить своего ребенка в воду, — заявил Робин за завтраком на следующее утро, обращаясь к жене. — Похоже, он намерен торчать на суше и любоваться озером издали.

Мерси обернулась к Дэвиду. Ее сын как раз посыпал свои хлопья какао, он называл подобные эксперименты «кулинарией».

— Это правда? — спросила Мерси. — Ты не хочешь заходить в воду?

— Там дно топкое.

— Да откуда ты *знаешь*? — взорвался Робин. — Ты же до сих пор даже ног не замочил!

— Я мочил ноги, — ответил Дэвид, старательно размешивая хлопья.

— Да он разве что сандалии снимает, и все, — не мог успокоиться Робин. — Идет к концу причала с этой своей удочкой, как он ее называет, — кусок бечевки, привязанный к палке. Даже крючка никакого нет. Сидит, болтает ногами над водой и распевает свои дурацкие песенки. А вот зато Чарли, парень Бентли…

Бентли был новым приятелем Робина — отец тех самых шумных детишек, которых Элис и Дэ-

вид заметили на берегу на второй день отпуска. Мужчины как-то разговорились и обнаружили, что у них много общего; Бентли занимался строительными подрядами, вел свой бизнес, а недавно провел водопровод в пристройке собственного дома. Элис даже удивилась, что отец вообще заметил, заходит Дэвид в воду или нет, потому что они с Бентли вечно стояли по пояс в воде, сложив руки на груди, и обсуждали канализацию, сточные воды и все такое. Чарли то и дело проплывал мимо них эффектным классическим кролем, оставляя позади мощный кильватерный след и беспощадно брызгаясь, но Робин и Бентли лишь рассеянно вытирали лица и продолжали беседу.

— Может, Чарли научит Дэвида плавать? — предложила Мерси.

Дэвид замер с ложкой в руке.

— Чарли слишком взрослый, — возразил он.

— Да что ты такое говоришь? — удивился Робин. — Ему же максимум лет десять-одиннадцать.

— Я думаю, ему уже двенадцать.

— Одиннадцать, двенадцать… Он хотя бы не боится промокнуть!

— Так, Робин, хватит, — вмешалась Мерси. — Дэвид научится плавать, когда будет готов, как

девочки научились.

— Девочки научились *гораздо* раньше. Элис плавала, когда ей было четыре.

Вообще-то восемь. Но отца такие подробности не волновали.

Неплохо быть девчонкой, от которой ничего особенного не ожидают.

Другое преимущество состояло в том, что мама после завтрака объявила, что собирается взять девочек с собой в поход по магазинам в соседнем городке. (Элис обожала шопинг.) Тот факт, что Лили все еще валялась в постели, а когда они растолкали ее, заявила, что не может составить им компанию, потому что за ней заедет Трент, нимало не смутил Мерси.

— И что? Ему просто придется подождать, — сказала она. — Будет ценить тебя еще больше.

И добавила, что, может, они найдут там новый купальник для Лили. Лили жаловалась, что ее нынешний купальник совсем детский.

— Бикини? — с надеждой спросила Лили.

— Ну… раздельный, по крайней мере.

— Я не хочу просто раздельный. Только мамашки носят раздельный.

— Посмотрим.

— О, класс!

— Я сказала *посмотрим*.

— Пап, ты попросишь Трента подождать, если он приедет раньше? — попросила Лили.

— Не могу, дорогая. Я пойду на озеро, буду учить твоего брата плавать.

— Оставь Тренту записку, — предложила дочери Мерси. — Прикрепи на двери.

Лили огорчилась, но возражать и возмущаться не стала. Видимо, решила, что бикини стоит небольшого неудобства для ухажера.

Элис села за руль, мать рядом с ней, а Лили сзади, так глубоко втиснувшись в сиденье, что ее лицо даже не попадало в зеркало заднего вида. Они ехали по тому самому шоссе, по которому добирались сюда, чуть дальше в том же направлении. Вдоль дороги стояли маленькие пасторальные деревянные дома с резными вывесками: ГЕНИЙ РЫБАЛКИ или ПОМЕСТЬЕ ПЕНСИОНЕРА. Мерси радостно щебетала всю дорогу.

— Когда я была маленькой, — рассказывала она, — я представляла, как еду на шопинг с дочерью. И я даже не мечтала, что у меня будет две дочери! Я воображала, как мы вместе примеряем наряды, как пробуем разные оттенки губной помады и уговариваемся, где будем прятать от нашего папы кучу пакетов с покупками.

— А в Данвилле есть нормальные магазины? — встревожилась Лили. — Вдруг там одни только деревенские лавки?

— Ну конечно, там наверняка есть хорошие магазины. Это же курорт! Сюда приезжают богатые люди!

Выяснилось, что Лили правильно беспокоилась. Главная улица оказалась той же самой дорогой, по которой они ехали, разве что с тротуарами. Они увидели скобяную лавку и аптеку, сомнительного вида затрапезное кафе и магазин под названием «Высокая мода» с единственным манекеном в витрине — с пластиковыми локонами из 1940-х и в страхолюдном зеленом полотняном халате. Но они все равно зашли. Над дверью звякнул колокольчик.

— У вас бывают купальники? — спросила Мерси у дамы за прилавком, и дама — с добрым лицом и могучей грудью — оживилась и радостно воскликнула:

— О! Да! У нас есть купальники! Вон там, на вешалке!

Но все купальники оказались слитными, а многие вообще с юбочкой.

— Вот этот довольно миленький, — с надеждой предложила Мерси, показывая пальцем на сит-

цевое нечто в розовую полоску, с шортиками.

— Умоляю, — фыркнула Лили. Мерси не настаивала.

Поблагодарив даму, они вышли. Направились в аптеку, где помада лежала в запертом стеклянном прилавке, а утомлять молодого человека у кассы просьбой открыть отчего-то постеснялись.

— Зато правда же милые обручи для волос? — обрадовалась Мерси.

Обычные, в форме полумесяца, обтянутые тканью разных расцветок. Ничего особенного, но Элис вдруг бросился в глаза один — широкий, черный, шелковый. С вечерним платьем будет очень неплохо, подумала она, снимая ободок с крючка. «Элис беспечно распустила по плечам свои длинные волосы», — проговорил внутренний рассказчик. Но у нее уже есть ободок из черного бархата, и, откровенно говоря, он гораздо элегантнее. Она повесила вещь на место и направилась к выходу, а Мерси и Лили следом за ней.

Оказавшись на тротуаре, они еще раз оглядели улицу. Адвокатская контора, хиропрактик, обувная лавка с мужскими башмаками в витрине. Крошечный бакалейный магазин «У Робинсона» с сиротливо застывшими по центру витрины латунными весами.

— О боже, — устало протянула Мерси. — Иногда я думаю — *и это все*?

Дочери уставились на мать. Она думает так *иногда*? Не только в этом конкретном случае?

Но затем Мерси пожала плечами и сказала:

— Что ж, может, удастся найти что-нибудь вкусненькое в этой милой бакалее?

Поэтому они перешли через дорогу, и бакалея впрямь оказалась миленькой, с разными заграничными конфитюрами, специями и бутылочками с душистым уксусом.

— Как насчет шоколада на десерт после ужина? — предложила Мерси.

Пока мама с сестрой выбирали, Элис обошла всю лавку. Фрукты в овощном отделе, уложенные в уютные луночки из зеленой бумаги, оказались баснословно дороги, да и в любом случае у них уже было достаточно фруктов, купленных в фермерских лавках, но она все же решила взять авокадо, потому что в Балтиморе такое не часто встречается. Когда Элис положила его на прилавок, куда Мерси и Лили уже вывалили свои шоколадки, Лили скептически уточнила:

— Серьезно?

И Элис едва не передумала, но тут тетка, стоявшая впереди, — пожилая дама, покупавшая

крошечную баночку, завернутую в золотистую бумагу, — потянулась к авокадо рассмотреть поближе, и в Элис взыграло чувство собственника.

— Да, серьезно, — отрезала она. — А если ты не хочешь попробовать, нам больше достанется.

И Лили не нашлась что ответить.

Мерси расплатилась — сурового вида кассирша не произнесла ни слова, — и они вышли обратно на солнцепек. Мерси несла покупки в маленьком зеленом пакете «от Робинсона».

— Итак, поедем домой?

Ответ был очевиден, и девочки молча последовали за матерью.

В машине Мерси обернулась к Лили:

— Послушай, есть идея. Когда вернемся в Балтимор, купим тебе купальник в «Хатцлерс»[7], а?

— Бикини?

— Ну… да, хорошо, почему бы и нет?

Поправляя зеркало заднего вида, Элис успела заметить загадочно-довольное лицо Лили.

Красный «шеви» Трента уже стоял на обычном месте, когда они подъехали к коттеджу.

— Черт, — выругалась Лили и рванула ручку дверцы еще прежде, чем автомобиль остановил-

---

[7] Примечания: 7

Знаменитая сеть универмагов в Мэриленде, основанная братьями Хатцлер в Балтиморе в середине XIX века.

ся. — Он меня *ждет*.

— Вот и замечательно! — сказала Мерси. — Пусть поймет, что ты этого стоишь!

Но разговаривала она сама с собой; Лили уже пулей вылетела из машины и взбежала на крыльцо.

Не успели Элис с Мерси подойти к дому, как в дверях возник Робин. Он выглядел как-то странно. Босиком и без носков, сообразила Элис. Отец был в купальных шортах и футболке — и то и другое насквозь мокрое, облепило тело, — но бледные шишковатые плоские стопы были совсем голыми, а выражение лица такое робкое и жалкое, будто он в чем-то провинился.

— О, привет, дорогая! — радостно приветствовал он Мерси.

— Робин? — с подозрением спросила она, остановившись на верхней ступеньке крыльца.

— Как ваш шопинг?

— Что случилось?

— Случилось? Ничего не случилось!

— Почему ты так выглядишь?

— О, мы просто были на озере, ты же знаешь, и с Дэвидом произошла маленькая неприятность.

— Неприятность?

— Он запаниковал и подумал, что тонет.

– Чтоо?

Оттолкнув мужа, Мерси бросилась в дом. Элис и Лили следом; отец посторонился и побрел за ними, аккуратно прикрыв за собой входную дверь.

В гостиной на диване развалился Трент, небрежно вытянув одну ногу и листая журнал «Мадемуазель».

— Привет, детка, — лениво приподнял он руку, глянув на Лили.

— Привет, Трент!

— Где он? — спросила Мерси у Робина.

Тот молча указал на их спальню.

Дверь спальни была закрыта, хотя днем обычно стояла нараспашку. Мерси ринулась туда, все еще не выпуская из рук пакетик «Робинсон».

— Милый, ты в порядке?

Дэвид пробормотал что-то, Элис не разобрала. А Лили меж тем допрашивала Трента:

— Ты уже давно ждешь?

— Ну, дольше, чем я рассчитывал, скажем так.

Элис заглянула в спальню родителей. Дэвид в одних плавках свернулся клубочком на раскладушке, прижимая к груди свою куклу-ковбоя. Мерси сидела рядом и гладила его по спине.

— Ты немножко испугался? — ласково спросила она.

Малыш кивнул и всхлипнул.

— Пойдем со мной в гостиную, — предложила мать.

Он лишь крепче прижал к себе игрушку.

— Не хочешь пойти посидеть у меня на коленках? — уговаривала она. — Может, попробуешь шоколадку, мы с девочками привезли из города?

Дэвид лишь отрицательно качнул головой.

Мерси выпрямилась, внимательно посмотрела на сына, потом встала и вышла в гостиную.

— Что, черт побери, произошло? — потребовала она ответа у Робина.

— Ну, мы с Бентли стояли рядом, ты же понимаешь, и присматривали за ним…

— Ты бросил его в воду?

— Что?

— Ты бросил его в воду?

– *Нет*, что ты, не бросал я его в воду! С чего бы я стал это делать?

— Эти ваши штучки «тони или плыви»? Вы с Бентли затеяли свое дурацкое «будь мужчиной»?

— Да *о чем* ты вообще?

Мерси прошествовала к креслу-качалке, уселась. Трент к этому моменту уже освободил диван и ждал в дверях, глядя, как Лили сворачивает в

рулон полотенце вместе с купальником.

— Я иду к Тренту, — сообщила она, но мать едва скользнула взглядом в ее сторону.

— Ему ничего не угрожало, Мерси, клянусь, — убеждал Робин. — Мы с Бентли стояли рядом, на самом краю причала. Я тут же прыгнул в воду, подхватил его одной рукой, и он был *в порядке*. Разве что я туфли промочил.

— Пока, мам, — бросила Лили, и они с Трентом скрылись.

— Я что-нибудь достану к ланчу? — спросила Элис, но Мерси, ничего не ответив, уронила пакет с покупками на пол и принялась раскачиваться в кресле.

* * *

Дэвид действительно вскоре выполз из спальни. Он появился, как раз когда Элис с родителями обедали; тихонько пробрался в кухню, вскарабкался на свой стул и ухватил с блюда ломтик колбасы. Он так и не снял плавки, но натянул фуфайку и принес с собой игрушечного ковбоя, которого уложил себе на колени лицом вниз. Даже Мерси понимала достаточно, чтобы не поднимать шума. Она лишь подвинула корзинку с хлебом поближе к его тарелке и продолжила

рассказывать Робину про поездку в Данвилль.

— Правильнее было назвать его Даллвилль[8], — сказала она. — Я надеялась, что здесь учитывают интересы туристов, но нет.

— Не говоря уж об упущенной выгоде, — прокомментировал Робин. — Парень с минимальным деловым чутьем мог бы запросто сорвать тут куш.

— Ну, рано или поздно, думаю… Аккуратно, милый, — прервалась она, обращаясь к Дэвиду, — ты пачкаешь горчицей Бобби Шафто.

— Баскомба, — поправил Дэвид. (Баскомбом кукла была до того, как стать Бобби Шафто. Баскомбом звали почтальона Гарреттов.)

— О, прости, — извинилась Мерси перед куклой. Дэвид переложил Баскомба с коленей на стул и продолжил размазывать горчицу.

— В городе я купила нам авокадо, — сообщила ему Элис. — Подумала, что можем съесть его в пятницу, на прощальном ужине, что скажешь?

— Окей, — согласился Дэвид.

Но ему определенно было все равно.

— Вот авокадо я никогда не понимал, — сказал Робин. — Почему его считают фруктом? Оно же

---

[8] Примечания: 8
От англ. *dull* — скучный, унылый.

больше похоже на овощ, а? — И обернулся к Дэвиду: — Как *ты* считаешь, сынок?

Дэвид едва заметно пожал плечами и завинтил крышку на баночке с горчицей.

Малыша оставили в покое. Он придет в себя со временем. После обеда Робин пошел к Бентли помочь разобраться с какой-то проблемой с электричеством, Мерси разложила на кухонном столе свои художества, а Элис переоделась в купальник и пошла на озеро. Она позвала с собой Дэвида, но тот промолчал в ответ, и она не стала больше поднимать эту тему. Оставила его в обнимку с Баскомбом на раскладушке, а когда вернулась примерно через час, брат уже спал. Мерси сказала, что малыш проспал все это время.

— Это целительный процесс, думаю, — сказала она. — Очищающий его мозг от пугающих воспоминаний. А когда проснется, то будет прежним Дэвидом. — И, улыбнувшись Элис, продолжила смешивать краски на белой пластиковой палитре.

В последнее время Мерси рисовала различные уголки их коттеджа. Розовое пятно, как бы обои из комнаты девочек, и на этом фоне хрустальная ручка комода, с гранями, тщательно выведенными тончайшей кистью. Плинтус в

гостиной, переходящий в половицы, и мельчайшие крапинки на досках, которые Элис поначалу приняла было за песок, рассыпанный по полу, но Робин объяснил, что это следы работы жуков-древоточцев.

— Полагаю, я скорее художник интерьеров, чем пейзажист, — рассуждала Мерси. — Я думала, эта поездка несколько расширит мой взгляд, но, оказавшись в лесу, ощутила, как чувства захлестывают и переполняют меня, понимаешь? Как будто меня уносит в космос.

— И мне рисунки коттеджа больше нравятся, — согласилась Элис.

Она вдруг остро почувствовала себя старше матери — своей утонченной маленькой матери, которую уносит в космос. Потому что ужасная правда состояла в том, что Элис не нравились никакие мамины работы, но она никогда не станет настолько жестокой и бесчувственной, чтобы сказать ей об этом.

* * *

Утром пошел дождь. Больше всех переживал Робин.

— Эта неделя обошлась нам в целое состояние, а теперь мы потеряем из нее целый день, — воз-

мущался он.

— Совсем не потеряем, — урезонила мужа Мерси. — Мы все так же в отпуске, верно? И проводим время вместе, всей семьей.

— Хмм…

— И вообще тебе полезно немного отдохнуть от солнца.

Это правда, лицо Робина уже стало кирпично-красным (от стояния в озере на пару с Бентли). При таком раскладе только он и вернется домой с наглядным доказательством, что побывал в отпуске, потому что чудодейственная мазь Элис не дала особого эффекта, а Мерси с Дэвидом не слишком любили бывать на жаре. Что же касается Лили, тут Элис стоило задуматься, какую часть времени из тех часов, что сестра торчит у Трента, они посвящают купанию в озере. Она все еще совсем не загорела. Утром, когда Лили появилась за завтраком — последней, как обычно, — Мерси спросила:

— Что собираешься делать сегодня, раз уж придется остаться дома?

— С чего бы мне оставаться дома? — удивилась Лили.

— Потому что идет дождь.

— Правда? — Лили выглянула в окно. — Вот

блин.

— Может, останешься хоть раз дома, поиграем все вместе в настольные игры. У них тут есть все что угодно. «Монополия», «Парчизи»… Загляни в мой шкаф!

— Ну, мы с Трентом что-нибудь придумаем, — беспечно произнесла Лили и потянулась за клубничным джемом.

Мерси внимательно посмотрела на нее и сказала:

— От Джампа не было вестей, с тех пор как ты здесь?

— Какие могут быть вести от Джампа? Он же не знает моего адреса.

— Да, но ты собиралась написать ему сразу, как разберешься со здешней почтой.

— Ну, не написала. И даже если бы написала, сомневаюсь, что он успел бы ответить, я раньше домой вернусь, — ответила она, размазывая джем по тосту.

Мерси многозначительно приподняла бровь и отхлебнула кофе.

После завтрака Робин отправился в город проинспектировать скобяную лавку, Дэвид занялся своими ветеринарами, Мерси прибиралась в спальне, пока девочки мыли посуду.

— Главное, чтобы завтра дождя не было, — заметила Лили, вытирая тарелки.

— А что такого случится завтра?

— Это будет наш последний день, глупышка. И я проведу его с Трентом. Посидим у них в патио, я уже все спланировала. Рядом ты знаешь с чем. С беседкой.

Элис замочила сковородку в тазике с водой.

— Послушай, — сказала она, — я ничего не говорила Тренту про беседку, так что не обольщайся.

— Да ладно, думаю, все получится само собой. Мы будем сидеть во дворе, он спросит, куда я смотрю, обернется и увидит беседку…

Элис вдруг представила, как Лили многозначительно переводит взгляд с Трента на беседку, опять на Трента, опять на беседку, прямо как Кэп: пес тоже любил поглядывать то на людей, сидящих за столом, то на ростбиф, лежащий на буфете. И весело фыркнула.

— Что такого? — возмутилась Лили. — Что тут смешного? Ты мне не веришь? Мы же с ним одинаковые. Он романтик до мозга костей, как и я.

— В этом я *очень* сомневаюсь.

— Элис, я серьезно. Если Трент не сделает мне предложение до нашего отъезда, я просто умру. Правда умру, клянусь.

— Этого не будет, Лили.

— Будет, — настаивала Лили. — Потому что так должно быть. И все, не желаю больше говорить об этом.

Она швырнула посудное полотенце на стол и гордо удалилась, хотя оставалось еще полно работы.

Дэвид, как выяснилось, хотел играть исключительно в «рыбалку», что вполне устраивало Мерси, но не Элис, потому что «рыбалка» могла затянуться надолго. Так оно и вышло. Им пришлось раздавать карты с полдюжины раз, и когда появился Трент, они еще играли.

— Присоединяйтесь, Трент! — позвала Мерси. Ей, наверное, казалось, что на дворе старые добрые времена, когда ухажеры должны были соглашаться на такие предложения. Трент тактично сделал вид, что не расслышал.

— Готова, крошка? — спросил он Лили, та кивнула и вышла из дома следом за ним. Она захватила с собой привычный рулон полотенце-купальник, как будто надеялась, что погода изменится.

Элис подождала, пока Дэвид отвлечется на карты, и тихо спросила у матери:

— Как ты думаешь, за ними кто-нибудь при-

сматривает там, у него дома?

— «Присматривает»! — воскликнула мать. Вопрос ее, похоже, позабавил, как будто про «старые добрые времена» вспомнила Элис. — Господи, да там все семейство вокруг. Думаю, у них нет недостатка в компании.

И Элис отступилась. Тем более что пришла ее очередь сдавать.

* * *

В пятницу солнце вернулось. Все воспряли духом. Лили сбежала с Трентом, Элис и Робин пошли плавать, а Мерси с Дэвидом уселись на подстилке на берегу. Элис предложила отцу сплавать на другой берег, но он сказал, что слишком далеко. Она втайне обрадовалась.

Вскоре явился и Бентли, так что Элис предоставила озеро мужчинам, а сама отправилась на сушу. Дэвид и Мерси начали строить замок из песка, она расстелила свое полотенце поблизости и принялась наносить крем для загара.

Песок здесь не очень годился для сооружения замков, но благодаря вчерашнему дождю его можно было сейчас утрамбовать в ведерко Дэвида и получить вполне приличную круглую башенку. Обнаружив это, Мерси сбегала в коттедж и при-

несла дополнительное оборудование — чайные чашки, формочки от пудинга и прямоугольные пластиковые контейнеры, чтобы построить целый город. Мерси всегда очень увлекалась процессом, если дело касалось изготовления чего-либо. Она собирала упавшие веточки, чтобы Дэвид сделал из них деревья, начала возводить городскую стену из гальки. Лицо ее блестело от пота и крема, пряди волос выбивались из пучка, а она даже не замечала.

Подошли остальные члены команды Бентли — его жена и вся банда ребятни. Таня, жена, расстелила полотенце, а дети помчались играть в воде. Малышня радостно плескалась на мелководье, а Чарли, ну как же иначе, ринулся на глубину и поплыл к мужчинам, а потом и дальше, поднимая волны вокруг.

Это, видимо, напомнило Робину, что он так и не научил Дэвида плавать.

— Сынок? — окликнул он из воды. Сложил ладони рупором и громко проорал: — Дэвви? Иди сюда, сын!

Но Дэвид, повернувшись спиной к озеру, продолжал возиться с веточками, «сажая деревья».

— Скажи своему сыну, чтобы шел сюда! — заорал Робин Мерси.

— Папа тебя зовет, — сообщила Мерси Дэвиду.

— Я хочу обратно в коттедж, — ответил мальчик. Встал, отряхнул ладошки.

— Прямо сейчас? — удивилась Мерси. Она оглянулась на озеро, но Робин и Бентли уже были поглощены очередным разговором.

— Он и вправду слегка подгорел, — проговорила Таня, лежа на полотенце. — Ты захватила ему панамку?

— Нет, зачем…

— У меня наверняка найдется. Где-то же она была тут…

Таня рылась в своей сумке. Дэвид умоляюще посмотрел на Элис.

— Я тебя отведу, — спасла она брата.

Встала, взяла его за руку. Мерси уселась на корточки, все еще держа в руках камешки:

— Не хочешь закончить наш город?

— Нет, спасибо.

— Ну… ладно. Тогда я закончу, — решила мать.

И стала укладывать гальку в будущую городскую стену, а Дэвид с Элис ушли.

* * *

К ланчу Элис достала кучу всякой всячины — все, что нужно было доесть до отъезда. Пол-

упаковки колбасы, полконтейнера капустного салата, гамбургер от вчерашнего ужина, разогретый на сковородке… Бургер съел Робин.

— Получилось неплохо, а? — похвалился он Мерси, поскольку накануне он самолично жарил бургеры на гриле во дворе, прикрывая их от дождя картонкой.

Робин обедал прямо в купальном костюме, как и Мерси с Элис. А вот Дэвид, едва оказавшись в коттедже, тут же переоделся в шорты и майку. Он определенно не планировал возвращаться на берег. Мерси, должно быть, это поняла, но не подала виду.

— Погоди, вот увидишь, какой город я нам построила, — сказала она. — Я тебе покажу после обеда. Настоящий шедевр!

— Спасибо, мам, — тихо прошептал Дэвид.

Мерси вопросительно наклонила голову, но промолчала.

— В следующий раз, — объявил Робин, — подержу угли чуть подольше, прежде чем класть мясо. Сегодня, когда буду жарить… Что у нас сегодня для гриля?

— Свиные отбивные, — подсказала Элис.

— Сегодня, когда буду готовить свиные отбивные, дождусь, пока угли полностью погаснут,

совсем, без малейших язычков пламени.

— Я уже замариновала мясо, — сообщила Элис.

— Замариновала?

— Сделала маринад из того, что нашлось в буфете. Чистая импровизация, но, думаю, получится вкусно.

Робин нахмурился.

— Ты такой изобретательный кулинар, дорогая, — поддержала Элис мама.

— Я нашла в буфете даже вино. Красное. Совсем немножко, на донышке бутылки, но со всем тем, что я еще добавила, оказалось вполне достаточно.

— Вино было *старое*? — с подозрением спросил Робин.

— Не *старое*, пап. То есть, конечно, старое, но для маринада как раз то, что надо. Так во всех журналах написано.

Он продолжал хмуриться:

— Я еще не забыл те баклажаны.

Элис однажды приготовила «баклажаны пармиджана». Отец тогда храбро отправил в рот большой кусок, но тут же перестал жевать и с полным ртом спросил:

— Что *это* такое? Такое склизкое?

— Это баклажан, — пояснила Элис.

— О господи, — вздохнул он и отложил вилку.

Мерси, вероятно вспомнив об этом же случае, успокоила:

— Маринады прекрасны тем, что усиливают естественный вкус мяса. Они не придают ему *свой* вкус, просто обогащают вкус мяса.

Вообще-то Элис не была в этом убеждена. В ее маринаде присутствовало много необычных ингредиентов, включая масло черного кунжута и всякие разные перцы из маленьких баночек с длинным итальянским названием. Но она уверенно сказала отцу:

— Тебе обязательно понравится.

— Ладно… — обреченно протянул он.

Мерси ласково похлопала мужа по руке.

После обеда Мерси и Робин вернулись на озеро — Мерси согласилась окунуться с ним вместе, раз уж это их последний день, — а Элис сказала, что они с Дэвидом придут потом, когда она приберется в кухне. Произнося это, она не смотрела на брата, а тот не возражал.

Родители ушли, Элис выбросила остатки, которые они так и не смогли доесть, и занялась посудой. Потом они с Дэвидом сыграли несколько партий в «Крейзи Эйтс». Дэвид сказал, что им обязательно нужно вести счет — играть до тех

пор, пока один из игроков не наберет сто очков. Обычно они не считали очки, а просто прекращали, когда у кого-то заканчивались карты. Элис поняла, что брат пытается оттянуть момент похода на озеро.

— А знаешь что, — проговорила она, отодвигая колоду, — почему бы нам с тобой не придумать, что делать с авокадо.

— Точно! — просиял Дэвид, как будто только об этом и размышлял все это время.

— Я думаю, салат. А ты как считаешь?

— Салат. Отлично.

— А что еще будет в нашем салате?

— Нууу… листья салата, бананы…

— Бананы!

— Или… не знаю…

— Может, помидоры?

— Ага, помидоры.

Элис поднялась, подошла к холодильнику, заглянула в отделение с овощами.

— Надо же, — хмыкнула она, — салат у нас есть, а вот помидоров нет. Надо бы прикупить.

Это не было совсем уж надуманным поводом, на самом деле она заранее сочинила гарнир. Но сейчас была еще и рада, что удастся избежать купания.

— Давай-ка я переоденусь, — сказала она Дэвиду, — и мы с тобой съездим в город.

— Отлично!

Итак, она переоделась, взяла сумочку, отцовские ключи с каминной полки, и они уехали.

Трава вдоль дороги ярко зеленела, умытая вчерашним дождем. Курортники на велосипедах катили по обочинам, и Элис вела машину предельно осторожно, объезжая их.

— Я соскучился по велику, — сообщил Дэвид.

— Завтра уже будем дома.

— Я и по Кэпу соскучился, и по соседскому Джимми, и по своей лампе с нарисованным фургоном.

— Ты всех их скоро увидишь.

Она покосилась на брата. Он сидел рядом с ней на переднем сиденье, отвернувшись к окну, так что виден был только затылок. И этот худенький детский затылок казался ужасно печальным.

Улицы города были пустынны. Сегодня для многих наверняка тоже последний день отпуска. Элис смогла припарковаться прямо перед «Робинсоном». И в магазине они оказались единственными покупателями. Элис сразу прошла в овощной отдел, разрешила Дэвиду выбрать два помидора. Больше не нужно, наставляла она,

помидоры убийственно дорогие.

— Грабеж среди бела дня! — прошептала Элис. (Любимая фраза их отца.)

— У нас хватит денег? — заволновался Дэвид.

— Да, думаю, справимся.

Сейчас, когда она вдвоем с младшим братом, магазин казался совершенно иным. Суровая кассирша, едва завидев Дэвида, просияла и подхватила банку с леденцами на палочке.

— Бери два, — уговаривала она.

Дэвид никогда не любил леденцы — говорил, у него от них зубы становятся будто мохнатые, — но выбрал красный и зеленый.

— Спасибо, мэм, — вежливо сказал он.

Элис не представляла, где он научился говорить «мэм». В их районе Балтимора детей такому не учат.

В машине по дороге домой он спросил:

— А я люблю авокадо?

— Любишь, — заверила сестра.

— А когда я их пробовал?

— Э-э… не знаю. Но я не сомневаюсь, тебе непременно *понравится*, потому что ты в душе авантюрист.

Он выпрямился на сиденье, гордо вскинул голову и широко улыбнулся.

Около коттеджа стоял «шеви» Трента, все окна в машине были открыты.

— Почти беседка, — хмыкнула Элис.

— Что?

— Ничего.

В доме никаких признаков Трента и Лили. Наверное, ушли на озеро. Элис положила пакет на кухонный стол.

— Вот, возьми. — Дэвид протянул ей леденцы, которые она сунула на полку в буфете — для тех, кто поселится тут после них. И понесла сумочку на место в спальню.

Вот только дверь в спальню оказалась заперта и, когда она повернула ручку, не открылась. Элис навалилась плечом, еще раз подергала ручку. Безрезультатно.

Изнутри донеслись звуки — резкий шорох, бормотание. Она вновь взялась за дверную ручку, но на этот раз ее схватили изнутри, резко повернули, дверь распахнулась, и из комнаты вышел Трент, заправляя рубашку в брюки.

Элис посторонилась. Трент пересек гостиную, бросив Дэвиду:

— Привет, малыш.

— Привет, — отозвался тот.

Трент вышел, хлопнув дверью.

Элис заглянула в комнату — Лили сидела на самом краю кровати и застегивала блузку. Глаз на сестру она не подняла. Тогда Элис развернулась и ринулась следом за Трентом. Она вылетела на крыльцо, как раз когда он садился в машину, и успела подскочить к нему, прежде чем захлопнулась водительская дверь.

— Погоди-ка.

Парень помедлил.

— Сейчас ты свалишь отсюда и никогда не вернешься, — прошипела она. — Никогда в жизни больше не увидишь Лили. Мой дядя полицейский, и мои родные попросят его арестовать тебя, если мы хоть раз застанем тебя рядом с ней.

С опозданием она сообразила, что надо было сказать «судья». Что дядя судья. У судьи больше власти. Но Трент и так занервничал.

— Да ладно, я уезжаю! — сказал он.

Хлопнул дверцей и молниеносно завел двигатель, машина дернулась назад, потом вперед и, вильнув, выкатилась на дорогу.

Элис вернулась в дом. Ее трясло. Дверь спальни опять была закрыта, но она не стала даже пытаться туда войти. Вместо этого пошла на кухню. Положила сумочку на стол.

— Мы забыли купить заправку для салата, —

сказал Дэвид.

— Сами сделаем, — едва слышно ответила она.

Голос ее дрожал, но Дэвид, кажется, не заметил.

* * *

Маринованные свиные отбивные получились восхитительными. Даже Робин признал. Сначала он скривил рот, увидев мясо — влажное, темное какое-то, обсыпанное крошками специй, — но на гриле отбивные обрели ароматную хрустящую румяную корочку, а откусив первый кусочек, Робин протянул:

— Что ж…

— Вкусно, да? — обрадовалась Элис.

— Вынужден признать, да.

А Мерси добавила:

— Очень вкусно!

Дэвид, который частенько недоверчиво относился к мясу, отрезал себе маленький кусочек, опасливо пожевал одними передними зубами, но уже через минуту взял еще ломтик, из чего Элис сделала вывод, что ему тоже понравилось. И еще он съел гору салата.

Лили ужинать не пришла. Она сидела в комнате за закрытой дверью. Ее звали дважды, она

не откликалась, и Мерси даже постучала в дверь. Никакого ответа. Мать решилась заглянуть:

— Дорогая?

Лили ответила что-то. Мерси помолчала, потом вздохнула:

— Ну, дело твое. — Прикрыла дверь и вернулась за стол. Ее эта ситуация, кажется, не столько огорчила, сколько позабавила. — Первая любовь, — улыбнулась она Робину, берясь за вилку.

— И что, неужели ты позволишь ей пропустить ужин? — возмутился Робин.

— Все будет в порядке. — Мерси беззаботно наколола на вилку ломтик помидора.

— Почему ты ей потакаешь, Мерси? Это последний вечер нашего отпуска! У нас праздничный ужин! Она должна выйти к нам и присоединиться к семейному событию, как нормальный цивилизованный человек!

— Ну, Робин. Она страдает, ее сердце разбито. Ты же помнишь, каково это.

— Нет, я *не* помню. Ей пятнадцать лет. Она втюрится в следующего парня еще до конца недели, вот увидишь.

— Она говорит, что ее никто не понимает и ей незачем жить, — пояснила Мерси. — Можно я доем твой салат?

Она имела в виду три кусочка авокадо, сиротливо лежавшие на его тарелке. Робин аккуратно объедал салат вокруг них так же брезгливо, как Кэп обходил любые овощи в своей миске.

— На здоровье. — И чуть отодвинулся, чтобы жене удобнее было орудовать вилкой в его тарелке.

Итак, о Лили забыли, и это, наверное, к лучшему. Сидела бы тут, надутая и зареванная, портила всем настроение. А оно было по-настоящему праздничным. Мерси дразнила Робина кусочком авокадо на вилке, Робин отстранялся в притворном ужасе, а Дэвид смеялся над ними обоими.

«Элис откусила кусочек отбивной, — произнес внутренний рассказчик, — и наслаждалась изысканным вкусом приправ».

3

Утром 6 сентября 1970 года — воскресенье, солнечное и прохладное, но пока ничуть не похоже на осень — Робин и Мерси Гарретт отвезли своего сына Дэвида, новоиспеченного первокурсника, в Ислингтон, штат Пенсильвания, в Ислингтонский колледж. Они помогли ему заселиться в общежитие, познакомились с соседом по комнате (с виду милый мальчик, но, конечно, совсем не такой славный, как ее малыш, подумала Мерси), попрощались и уехали.

По пути домой они по большей части молчали. Время от времени произносили вдруг что-нибудь вроде «Стены можно было бы покрасить, как по мне» (это Робин) и «Интересно, Дэвид запомнил хоть слово из моих инструкций по стирке» (Мерси). Но в целом погрузились в то молчание, которое источают невысказанные мысли, — сложные, противоречивые мысли клубились в салоне автомобиля.

На Балтиморской окружной, в пятнадцати минутах от дома, Робин сказал:

— Думаю, сегодня вечером нам вроде надо бы

оторваться по полной, мы ведь вновь остались только вдвоем, ты и я. Сходить куда-нибудь поужинать или, не знаю, заняться безумным сексом на полу в гостиной или вроде того. — Сухой короткий смешок. — Но знаешь что? Честно говоря, я чувствую себя опустошенным.

— Ну конечно, дорогой, так и должно быть, — успокоила мужа Мерси. — От нас улетел последний птенчик, остававшийся в гнезде. Естественно, нам грустно.

И она вправду печалилась, несомненно. Дэвид был самым близким ей ребенком, хотя раньше она представляла, что дочери должны быть ближе. Когда Элис и Лили уехали из дома, с родителями остался один Дэвид, привычный хаос угас, все затихло, и иногда Мерси даже удавалось поговорить с сыном по душам. Кроме того, Элис всегда была такой уверенной в себе, такой властной, Лили же такой, ну право слово, взбалмошной, а Дэвид оказался таким спокойным, невозмутимым, он умел внимательно слушать — качество, которое Мерси начала очень ценить в последние годы.

Но. Тем не менее. У Мерси в голове имелся план, и среди множества эмоций, которые она переживала по пути домой, доминирующим чувством

было предвкушение.

* * *

Утром в понедельник, как только Робин ушел на работу, Мерси ринулась в свою гардеробную и вытащила оттуда картонную коробку от упаковки газировки, которую прихватила в супермаркете. Открыла, укрепила дно клейкой лентой и начала заполнять коробку одеждой.

Не *всей* одеждой. Нет-нет. Заглянув в ящики ее комода, после того как она уже порылась в них, вы бы ни за что не заподозрили, будто что-то пропало. Вязаные маечки на месте, но только те, которые она редко носила — выцветшие, некрасивые. Трусы тоже остались, однако исключительно те, что с растянутыми резинками. Коробка не то чтобы очень большая, но ведь придется нести ее несколько кварталов, и Мерси набивала не слишком плотно. Почти все наряды остались висеть на вешалках в шкафу, куда Мерси пока не заглядывала.

Но в ее распоряжении сколько угодно времени.

Она аккуратно сложила створки крышки, закрыла коробку, вскинула на бедро, дотащила до кухни и вышла из дома через заднюю дверь.

Был День труда, и хотя Робин, как обычно, пошел на работу, соседи все еще спали. Мерси до самого конца улицы не встретила ни единого человека, а прохожие на Бельведере были ей незнакомы и только скользнули по ней взглядом.

На Перт-роуд она свернула направо к третьему дому от угла — белый, обшитый вагонкой коттедж с сиротливой заплаткой газона у входа — и прошла по выщербленной дорожке к гаражу за домом. Ветхая на вид лестница вела вдоль наружной стены наверх. Мерси вскарабкалась по ней и отперла дверь в свою студию.

Это не такая студия, в какой предполагается жить постоянно. Возможно, ее соорудили для сына-подростка, который рвался уйти из дома, или, может, построил для себя муж, тосковавший по собственной берлоге. Не считая крошечной ванной в дальнем углу, пространство представляло собой одну большую комнату с окном, выходившим во внутренний дворик. Вся кухня — покрытая линолеумом стойка с раковиной, небольшая электрическая плитка над ней и миниатюрный холодильник сбоку. Еще имелся маленький пластиковый стол и одинокий стул, на который Мерси никогда не садилась, потому

что любила рисовать стоя. На столе были разбросаны тюбики с краской и куски холста разного размера, стояли банки с кистями — единственный вид беспорядка, который она себе позволяла. Диваном служила кушетка с выцветшей коричневой вельветовой обивкой и вельветовым же покрывалом, а для лампы с абажуром, что стояла на комоде рядом с кушеткой, годилась лишь лампочка не больше сорока ватт. Пол тоже покрыт линолеумом, но не таким, как кухонная стойка. Никаких штор — только желтые бумажные жалюзи. Никаких ковров. Никаких шкафов.

Мерси тут нравилось.

Робин сначала уперся, когда она предложила снять эту студию. Это было три года назад, обе девочки тогда уже давно съехали. Он сказал:

— Почему ты не можешь рисовать в комнате девочек? Она же пустует!

— Комната девочек — это наша гостевая, — возражала она.

Гости у Гарреттов никогда не оставались на ночь. Немногочисленные родственники Мерси жили совсем рядом, а из родни Робина почти все умерли, и за пределами города у них друзей не было.

Робин не стал спорить дальше, поскольку пусть

только он в семье и зарабатывал, но магазин принадлежал Мерси, и потому она имела право распоряжаться семейными деньгами. Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы дело обстояло иначе. Он, конечно, гордился женой, которая пишет картины, но считал это просто хобби — вроде вышивания или вязания крючком.

Ситуация вот-вот изменится, если Мерси отважится объясниться.

Она вытащила кое-что из комода — разные мелочи для рисования и старые журналы «Лайф» — и положила на их место принесенную с собой одежду. Мерси захватила еще зубную щетку и тюбик пасты, шапочку для душа, расческу и бутылочку шампуня. Все это она отнесла в ванную, в которой прежде имелся только кусок мыла да полотенце. Потом села на кушетку и уставилась в окно. Именно этим она и планировала здесь заниматься: сидеть и думать, в полном одиночестве. Или *не* думать. Быть пустой. Это кроме рисования, разумеется.

Со своего места она видела только верхушку дуба, торчавшую над задним двором Моттов. А за ним только небо, но сейчас неба не видно, потому что дуб пока покрыт листвой, и листья даже не начали желтеть. Глубокий глянцевый зеленый

вселял чувство умиротворения.

В конце концов она встала, собрала свою пустую коробку и вернулась домой.

* * *

Во вторник Мерси принесла банное полотенце, мочалку, постельное белье и фланелевое одеяло. Она стянула покрывало с кушетки, застелила ее и снова накрыла покрывалом, оставив на комоде наволочки до того времени, как появятся подушки. Она и позабыла, что здесь нет подушек — только ряд диванных валиков, прислоненных к стене. Надо будет купить в субботу, когда ей достанется машина.

А если в субботу Робин будет возиться в своей мастерской в подвале, ей, может, удастся прихватить и что-нибудь тяжелое из дома — несколько тарелок, пару кастрюлек, радиоприемник из комнаты девочек — и по пути забросить все это в студию.

При этой мысли она даже мысленно захлопала в ладоши. Такого воодушевления Мерси не испытывала уже много лет.

Среда была первым днем, когда можно было надеяться получить письмо от Дэвида. Это если считать, что письмо из Пенсильвании идет

всего один день. Но поскольку там Западная Пенсильвания, то, возможно, и дольше. Ну и нет уверенности, что он напишет прямо сразу. Хотя она его просила, практически умоляла. «Черкни нам хоть строчку, как устроишься, — говорила она. — Просто сообщи, что все в порядке». А Робин добавил: «Ты же помнишь, какая беспокойная у тебя мать, сынок». Но с Дэвидом никогда не знаешь наверняка.

В общем, так или иначе, с утра она торчала дома в ожидании почтальона. Напрасно, как выяснилось. Даже Робин позвонил с работы — выходит, не одна она такая беспокойная.

— Жаль, что мы не можем ему позвонить, — сказала она. — Хотя я записала номер его комнаты.

— Вот еще, — возмутился Робин. — И слушать, как щелкают в телефонной трубке наши денежки, пока они там будут его разыскивать и звать к телефону?

— Да, знаю, ты прав, — вздохнула она.

Вместо этого Мерси позвонила девочкам. Элис теперь была матерью-домохозяйкой — их с Кевином малышке исполнилось девять месяцев, — поэтому до нее легко дозвониться, но трудно разговаривать.

— А чего ты ожидаешь? Дэвид же парень, — по-

учала дочь. — Еще повезет, если сможешь… нет! Робби! Вынь это изо рта! (Они назвали ребенка Робин, хотя она девочка.) Отдай это маме, дорогая. Мам, мне нужно бежать. Она ест сухой корм из собачьей миски.

До Лили дозвониться гораздо труднее. Что удивительно, поскольку сейчас дочь сидит без работы. (Мерси казалось, что Лили чертовски часто сидит без работы.) Но, может, ей подвернется что-нибудь новенькое. Как бы то ни было, в телефонной трубке звучали бесконечные длинные гудки, и в конце концов Мерси сдалась и отправилась к себе в студию.

Сегодня она захватила с собой целый набор юбок. Она никогда не любила брюки, носила юбки или платья. Но для платьев нужны вешалки, шкафа в студии нет, а юбки можно просто разложить на полке. Мерси все обдумала и уже освободила место для них в длинном нижнем ящике комода.

Со вчерашнего дня в студии пахло по-другому. В ней поселился легкий цветочный аромат, который Мерси называла своим запахом. Или как минимум запахом ее стирального порошка.

Из студии она попыталась еще раз позвонить Лили. На этот раз Лили сняла трубку.

— Алло? — В голосе чудилось какое-то напряжение, как будто она боялась услышать дурные новости.

— Привет, дорогая! — радостно воскликнула Мерси. — Как дела?

Пауза. И потом:

— Я как раз собиралась тебе сказать, мам… Я в положении.

— О! — Мерси помедлила. — В положении… в смысле, ждешь ребенка?

Фырканье в трубке отдаленно напоминало смех.

— Но это же чудесно, дорогая! — обрадовалась Мерси. Лили всегда заявляла, что их с БиДжеем не интересуют дети, но люди же меняются.

— Я хотела сообщить об этом на прощальном ужине Дэвида, — призналась Лили, — но потом струсила.

— Представляю, как БиДжей рад… — прозондировала почву Мерси.

— Это не от него.

Мерси онемела.

— Я знала, что ты именно так отреагируешь, — сказала Лили.

— Да ты что! Никак я не реагирую! Я просто привыкаю к новости, и все. Что ты собираешься

делать?

— А что я *могу* сделать?

— Он знает?

— Нет.

— Он не знает, что ты в положении, или не знает, что ребенок не его?

— Ни то, ни другое.

— Что ж, — сухо проговорила Мерси, — это, конечно, объясняет, почему ты не захотела сообщить нам эту новость в его присутствии.

— Именно поэтому я *хотела* сообщить ее при всех. Чтобы все вы стали… не знаю… буферной зоной.

— Другими словами, он может взбелениться? — поинтересовалась Мерси.

— БиДжей? Никогда.

С чего она так уверена? — усомнилась Мерси. БиДжей был мотоциклетным механиком, обожал черные кожаные жилеты и кожаные башмаки с цепочкой. Но вслух сказала:

— Ладно, это *немного* утешает.

— Почему, черт побери, — взорвалась Лили, — ты всегда, всегда умудряешься не понимать самое главное!

— Не понимать главное! А что главное? Ты сообщаешь мне, что ждешь ребенка, и я, естественно,

интересуюсь реакцией его отца… В смысле, *формального* отца.

— Вообще-то БиДжей и не отец, и не формальный отец.

— Ладно, тогда кто отец?

Мерси была довольна, что сумела говорить так невозмутимо. Но на Лили это, похоже, не произвело впечатления.

— Ой, он просто парень из «Додд», — безмятежно бросила она.

— Из… агентства недвижимости? — переспросила Мерси. Это было последнее место работы Лили, откуда она ушла или ее уволили, — секретарша в «Додд».

— Ага. Он там агентом работает.

— А, — ошарашенно произнесла Мерси. Агент по недвижимости совсем не похож на тот тип мужчин, что нравятся Лили. — А как его зовут?

– *Мам!*

— Что? Он отец моего внука! Я должна знать его имя!

— О господи. — И Лили расплакалась.

— Лили, дорогая, — принялась утешать Мерси. — Лили. Перестань. Нам нужно все обсудить. Надо обдумать спокойно и вместе. Ты *ему* уже сказала о ребенке?

— Он женат.

«Он же гад» — вот так это прозвучало сквозь рыдания.

Настал черед Мерси выдохнуть «О господи».

— Ну *разумеется*, ты возмущена и шокирована.

Мерси пропустила выпад мимо ушей. Подождала, пока Лили высморкается.

— Итак, — заговорила она наконец, — если рассмотреть проблему с разных сторон… БиДжею действительно нужно знать, что не он отец ребенка?

— Что?! Хочешь сказать, я должна ему солгать?

Мерси почувствовала, что краснеет.

— Не солгать. Просто не рассказывать всей правды. По отношению к нему это… забота.

— Но это неправильно!

— Да, прости, я…

— Кроме того, — продолжала Лили, — если бы БиДжей оказался отцом, это было бы непорочное зачатие.

— Ох.

— Мы как бы разошлись.

Мерси удивилась, почему сама этого не заметила. С родственниками молодые редко виделись — поженились потихоньку, когда Лили училась

на втором курсе муниципального колледжа, куда БиДжей даже не думал поступать, и поселились в маленькой квартире в центре, — но она всегда думала, что у них все хорошо.

Ладно, как бы там ни было…

— Если бы я могла просто сбежать отсюда, — говорила Лили. — Сбежать куда-нибудь и немножко подумать. В круиз или типа того.

— Круиз! — воскликнула Мерси. Идея была настолько дикой и абсурдной, что ей на миг показалось, что она ослышалась.

— Ну или хотя бы сбежать от них обоих, от БиДжея и Морриса, пока в голове не прояснится.

Моррис. Мерси мысленно записала имя. Столько разных неожиданных людей проникают в жизнь, если у человека есть дети.

— Я тут ночью думала, могу ли я попроситься пожить немножко в твоей студии, — сказала Лили. — Спать на кушетке, разогревать на плитке консервированный суп…

Мерси нервно передернулась.

— Ну вообще-то ваша с Элис старая комната гораздо больше подойдет. Там хотя бы есть нормальные кровати.

– *Моя* комната! Ты что, не понимаешь, насколько раздавленной я себя буду чувствовать,

вернувшись в свою детскую комнату?

— В любом случае не стоит принимать поспешных решений, — осторожно произнесла Мерси. — Послушай! А может, тебе сходить к врачу, выяснить, ты на самом деле беременна или нет. Вдруг у тебя просто задержка.

– *Три месяца* задержки?

— Ой.

В голове пронеслись последние визиты Лили: вот Лили заскакивает за блендером, вот на прощальном ужине Дэвида. На ней была какая-то особенно свободная одежда? Но Лили всегда носит балахоны.

— Ладно, все равно надо сходить к врачу. Как ты себя чувствуешь, кстати?

— Нормально. От Дэвида что-нибудь слышно?

Мерси вспомнила, почему, собственно, позвонила.

— Ни словечка. Думала, сегодня получим письмо, но почтальон уже приходил и ничего не принес.

— Я бы не обольщалась на твоем месте.

— Ну…

— Так, обещай, что ничего не скажешь папе насчет сама-знаешь-чего, да? Подожди, пока я решу, что делать.

— Хорошо, дорогая, — согласилась Мерси. — Я знаю, ты со всем разберешься.

И они распрощались.

Сколько всего надо переварить, размышляла Мерси, — не только беременность Лили, но и катастрофическое состояние ее брака и внезапное появление… как там его?

Моррис, да.

И стыдно было признаться самой себе, что больше всего ее заботило, как бы отговорить Лили переезжать в студию.

* * *

Когда и в четверг от Дэвида не пришло вестей, Мерси отправила ему открытку из своих запасов музейных открыток — Сера. «Мы скучаем по тебе! — написала она. — Нам нужно знать, что все в порядке! Напиши, пожалуйста». Она намеренно ни словом не упомянула об их новостях, чтобы он сам поинтересовался. Кроме того, и не нашлось никаких новостей, которыми можно было бы поделиться. Положение Лили пока секрет, а о своем переезде в студию нужно сначала объявить его отцу.

И это вселяло ужас.

Мерси опустила открытку в почтовый ящик на

углу по пути в студию. Сегодня она переносила обувь. На смену картонной упаковке пришла холщовая сумка, в которую поместились пара выходных туфель, пара босоножек и шлепанцы. А вот о чем Мерси не подумала заранее, так это где будет их хранить. Она оглядела комнату, по-прежнему умиротворяюще голую. Принципиально важно не добавлять никакой мебели. В итоге она затолкала все в самый глубокий ящик под кухонной стойкой. В конце концов, готовить всерьез она здесь не собирается. Можно пожертвовать одним ящиком.

Сегодня, впервые за всю неделю, Мерси подошла к столу и внимательно рассмотрела единственную картину, которая стояла, прислоненная к банке с кистями. Не набросок. Полностью законченная работа. Изображен ее собственный дом — точнее, столовая. Смутные контуры обеденного стола, размытое пятно ковра и лес тонких ножек стульев, за исключением одного — высокого детского стульчика, на котором когда-то сидели все ее дети, вот его ножки были микроскопически детально выписаны, каждый бугорок, каждая царапина, как и игрушечный заяц в комбинезоне, зайчик малышки Робби, повисший мордочкой вниз на перекладине, куда Робби его уронила.

Рядом лежала стопка открыток с уменьшенной копией этой картины. На белой полоске внизу написано имя Мерси и номер телефона студии, а дальше: «Профессиональный художник напишет портрет вашего дома».

Она же и вправду профессионал. Разве нет? Или нужно было написать «опытный художник»? Мерси довольно долго обмозговывала варианты и не была уверена, что выбрала правильный.

Она училась в «Школе Ласалля» на 26-й улице, целых полтора года, мечтала когда-нибудь стажироваться в Париже. Сейчас она и представить не могла, каким образом это могло бы осуществиться. Ее отец с любой точки зрения был человеком небогатым. Может, она думала, что получит какой-нибудь грант? Или пойдет в ученицы к знаменитому французскому художнику? Мерси припоминала лишь образ мансарды, в которой, как она нафантазировала, она могла бы жить, — наклонный потолок и узкое окно с видом на парижские крыши.

Но все же «Школа Ласалля» была очень уважаемым заведением.

Мерси планировала разложить открытки по соседним магазинам, прикрепить на досках объявлений в прачечных и рядом с кассой в «Сан-

техническом оборудовании Веллингтона». Но сначала надо обо всем рассказать Робину.

* * *

В пятницу пришло письмо от Дэвида. Наконец-то! Сын написал его на линованном тетрадном листке и отправил в одном из тех конвертов, которые Мерси заранее подписала и наклеила марку, — она затолкала стопку таких конвертов в карман его чемодана. «Дорогие мама и папа, — писал он, — мне тут очень нравится, но мне пришлось дополнительно заниматься математикой, и я расстроен. С любовью, Дэвид».

Она позвонила в магазин Робину и прочла письмо вслух.

— Что ж, — хмыкнул он, — полагаю, теперь парень жалеет, что недостаточно уделял внимание математике.

— Он уделял! — возмутилась Мерси. — Он не виноват, что у него нет склонности к математике!

— Угу.

Робин все еще переживал, что Дэвид выбрал специализацией английскую литературу. (Он хотел стать драматургом.) Послушать Робина, так литература самый бесполезный предмет из всех возможных. (Насчет драматургии даже не

начинайте.)

Потом она позвонила Лили. Письмо от Дэвида, помимо прочего, давало благоприличный повод поговорить с дочерью.

— Ну вот, — сказала она, зачитав письмо вслух. — Как ты себя чувствуешь, солнышко?

— Я чувствую себя прекрасно.

— Я имею в виду…

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Так ты… ты подумала насчет…

— Не *дави* на меня, мам! Ладно? Я в состоянии разобраться сама!

— Конечно, в состоянии, просто…

— Я уже жалею, что рассказала тебе.

Ну хотя бы больше не рыдает. Уже лучше. Мерси кашлянула и осторожно проговорила:

— Я просто интересуюсь, не думала ли ты по душам поговорить с БиДжеем, рассказать ему всю правду и предложить начать все сначала.

— Мам, ты не имеешь ни малейшего понятия, каково мне тут.

— Нет, — согласилась Мерси. — Не имею. Совершенно верно. Но тебе нужен рядом человек, который тебя поддержит, милая. И я отлично знаю: брак проходит разные стадии. И порой переживает новое рождение. У тебя может быть

прекрасный брак, у тебя может быть ужасный брак, и это может быть один и тот же брак, просто в разное время.

— Мой брак ужасен и с каждым днем становится все ужаснее, — заявила Лили.

— О, это неправда!

— У нас нет абсолютно ничего общего.

— У многих пар нет ничего общего.

— Может, для тебя это нормально, мам, но я не собираюсь смиряться с этим.

— Смиряться! — взорвалась Мерси. Ее здорово задело. — Можно подумать, ты *особенная*!

В трубке щелкнуло. Лили повесила трубку.

Ну и слава богу, подумала Мерси. А потом некоторое время металась по дому, огорченно цокая языком и придумывая, какие еще, гораздо более резкие и точные слова она могла бы сказать Лили.

* * *

С тех пор как Робин смог позволить себе помощника, он взял за правило устраивать выходной в субботу. Это была идея Мерси. Она заявила, что он должен больше времени проводить со своими детьми. Впрочем, выяснилось, что дети постоянно заняты собственными делами, и в итоге

Робин спускался в подвал, где радостно копошился с разной ерундой, пока Мерси, взяв машину, разъезжала по делам. А потом вечером они мило ужинали, иногда в ресторане, но чаще дома. Робин говорил, что рестораторы с такими ценами ведут себя как грабители с большой дороги.

В эту субботу они остались дома. Мерси приготовила его любимые польские сардельки с хаш-брауном и без лишних вопросов открыла бутылку «Нэтти Бог»[9]. Себе она налила бокал кьянти, включила запись Фрэнка Синатры, а еще надела платье с V-образным вырезом, которое ему нравилось, и слегка подкрасилась — ровно настолько, чтобы он мог сказать, что предпочитает ее естественный вид. Робин заметил ее старания.

— О, какая прелесть, — сказал он, усаживаясь за стол. — И даже ваза с цветами!

— Это ведь наша первая суббота в статусе *пожилой* пары, — пошутила она. — Я подумала, это надо отметить.

— Дорогая, ты никогда не станешь пожилой.

Мерси развернула салфетку, расстелила на коленях.

---

[9] Примечания: 9
Местное пиво из Балтимора.

— Кстати, о старости, — заметила она. — Боюсь, мне предстоит слоняться без дела, раз уж больше не о ком заботиться.

— Но у тебя есть я!

— Да, но… мне пришло в голову, что я могла бы заняться развитием своих художественных навыков.

– *Великолепная* идея, — согласился он, накладывая себе горчицы.

— Даже попробовать зарабатывать этим, если получится.

Робин отставил баночку с горчицей:

— Мерси, у нас нет проблем с деньгами. Тебе незачем работать.

— О, я же не собираюсь выходить на работу! Я просто подумала, что могла бы продавать свои картины.

Робин нахмурился:

— Ладно, дорогая, но я не уверен…

— Давай я тебе объясню. Ты же знаешь, как люди гордятся своими домами. Даже мы с тобой! Как я радовалась, когда наша глициния у крыльца начала цвести и прохожие останавливались и говорили, какая красота.

— Помню, но…

— Ну вот! Портрет дома! Понимаешь? Портреты

домов! Я придумала рекламу, вроде, скажем, «Художник придет в ваш дом и откроет его ауру».

— Это что за штука такая?

— Это особые, уникальные черты. Как тебе объяснить… Ну вот, к примеру, если бы я рисовала наш дом, то изобразила бы ту самую глицинию. Или помнишь ту картину, со стульчиком Робби в столовой?

Он вопросительно вскинул голову.

— Там сама комната очень приблизительно изображена, в общих чертах, а акцент на высоком стульчике, его ножках, которые прорисованы детально, будто бы выгравированы.

— Выточены, — вставил Робин.

— Правильно, выточены, и плюшевый зайчик Робби валяется внизу.

— Я понимаю, о какой картине ты говоришь, — сказал Робин, но все еще продолжал хмуриться.

— Я показала бы ее клиентам и спросила: «А что есть такого особенного в *вашем* доме? Хотите, я это нарисую?» И, думаю, им было бы важнее, чтобы я сама уловила дух дома. Чтобы я *прочла* их дом, как читают гороскоп или линии на ладонях, и сказала бы: «Вот она, душа вашего дома. Его отличительная черта. Его суть».

— Ясно. — Лоб Робина разгладился, он кив-

нул: — Да, конечно, дорогая. Отлично, займись этим.

И, подхватив вилку, принялся намазывать горчицей сардельки.

— К сожалению, это означает, что мне придется больше времени проводить в студии, — осторожно произнесла Мерси.

— Ну, у тебя теперь полно времени.

— Может, иногда даже оставаться там на ночь.

— Для чего это? — Он отложил вилку.

Так, самая сложная часть.

— Понимаешь, когда я начинаю работу и вся поглощена ею, погружена в нее…

— Хм.

— Вот я и подумала, что если у меня под рукой в студии будет одеяло, я могу просто прилечь на кушетку и вздремнуть, вместо того чтобы тащиться домой по темноте.

За столом повисло молчание, если не принимать в расчет Синатру, напевавшего *Strangers in the Night*.

— Мерси, — наконец проговорил Робин. — Ты уходишь от меня?

— Нет, что ты! — И она потянулась через стол нежно взять его за руку. — Нет, дорогой, я никогда от тебя не уйду! Как ты мог такое подумать?

— Но ты говоришь, что больше не хочешь спать со мной.

— Я имела в виду — только иногда. Если у меня вдруг будет срочный заказ или в этом роде.

Робин молчал, внимательно изучая ее лицо. Губы его слегка приоткрылись, он явно был потрясен услышанным. Ей стало ужасно жалко мужа. Мерси крепче сжала его руку:

— Родной мой. Ты же мой муж. Неужели я могу оставить тебя?

— Но никто не устанавливает жесткие сроки для какой-то *картины*, — возразил он.

Жалость мгновенно улетучилась. Она отпустила руку Робина.

— У художников тоже бывают дедлайны.

— Это просто твой способ меня бросить.

— Вовсе нет, это мой способ обрести немного… независимости.

— Ты хочешь быть *независимой*? — поразился он. Само слово он произносил так, словно брезговал им, считал его непристойным.

— Робин. Послушай. Помнишь свадьбу Элис, когда она составляла список гостей? И она мне сказала: «Новая жена отца Кевина, кажется, совсем простушка, не могла бы ты взять ее под крыло, развлечь всякими разговорами о хозяй-

стве, хорошо?»

— И что…

— Как будто бы я тоже совсем простушка! Понимаешь?

— Она вовсе не имела в виду…

— Она пригласила других учителей и даже директрису школы, «но слава богу, *ты* будешь рядом», говорила она, потому что я-то всего лишь домохозяйка.

— Это просто слова, — постарался успокоить жену Робин. — Она не хотела тебя обидеть. А я просто сантехник, и что? Мы все наклеиваем ярлыки на других людей. Это лишь символ, обозначение, и ничего больше.

— Это символ, означающий «никто». Понимаешь?

Хватит уже повторять «понимаешь», поскольку проблема именно в том, что он *не понимает*, вообще не соображает, о чем речь.

— Я не переживу, если ты бросишь меня, Мерси.

— Да не собираюсь я тебя бросать. Обещаю.

— Не уверен.

«Дуби-дуби-дуу», — напевал Синатра.

Болван.

* * *

Какое-то время Мерси продолжала ночевать дома. Она вставала утром, готовила Робину завтрак, прибиралась и хлопотала, пока муж не отправлялся на работу. «Да иди уже, иди! — мысленно внушала ему она. — Сколько можно собираться?» А едва он выходил за порог, она срывалась к себе в студию. Перевозить туда больше ничего не нужно было. Все существенные вещи уже на месте, и даже те, что она считала излишними, поскольку представляла течение своей будущей жизни исключительно в пространстве пустой комнаты. С некоторым раздражением Мерси обнаружила, что часть барахла все же просочилась, по необходимости: чайник на плитке, посудное полотенце на краю раковины.

Она успела распространить довольно много своих открыток. И даже получила ответ, не по телефону, а лично, когда одна из покупательниц случайно заметила, как Мерси прикрепляет свою визитку в химчистке.

— Вы рисуете портреты домов? — спросила женщина.

— Да! — радостно ответила Мерси. — А вам это интересно?

— Знаете, я спрашиваю, потому что мы с мужем только что купили дом в Гилфорде.

— Я могла бы его нарисовать! — предложила Мерси. — Приеду к вам, пройдусь по дому, почувствую его индивидуальность…

— О, я пока только думаю об этом…

— Возьмите визитку. — Мерси вложила даме в руку одну из своих открыток. — Здесь номер телефона моей студии, почти всегда меня можно там застать. Если сразу не отвечу, просто перезвоните еще разок.

И ушла, чтобы не показаться слишком навязчивой. Но два дня спустя дама и в самом деле перезвонила. Сказала, что как только они сделают в доме ремонт и устроят там все так, как им хочется, они, вероятно, пригласят Мерси, и Мерси согласилась, что это прекрасный вариант, что нужно дать дому время обрести его истинную сущность.

— Истинную сущность, — задумчиво повторила дама, и одобрение, прозвучавшее в ее тоне, вселило в Мерси надежду.

А Дэвид меж тем так и не писал. Мерси отправила пару писем с конкретными вопросами: «Как у тебя с математикой?»; «Ты ладишь с соседом по комнате?» — но не получила ответа. Обычное

дело, как сказал Робин. «Мальчик хочет отстраниться от нас, — объяснял он. — Я тебе говорил, что так и будет».

— О, Робин! Как ты можешь даже произносить подобное! Он всегда был так близок с нами!

— Да сразу после начальной школы не был он близок, — возразил Робин, и Мерси сменила тему, потому что насчет Дэвида они с Робином никогда не сходились во мнениях.

Элис и Лили тоже не получали от него вестей. Но сестры беспокоились гораздо меньше, поскольку у каждой были свои проблемы. Маленькая Робби заболела краснухой, и Элис три ночи подряд не спала. До Лили почти невозможно было дозвониться, а когда она все же снимала трубку, то отвечала коротко «нет» — нет, она не получала писем от Дэвида, и нет, она не приняла никакого решения. До свидания.

А потом, вечером пятницы ближе к концу месяца, когда Мерси с Робином смотрели по телевизору местные новости, Лили позвонила в дверь. (Обычно за Лили такого не водилось, она всегда просто открывала дверь и входила.) Открыл ей Робин, и Мерси услышала его радостное «Лили!», а следом озадаченное «Привет?».

Мерси вскочила с дивана и поспешила на

помощь. Лили как раз представляла мужчину средних лет, в строгом костюме.

— Папа, это… привет, мам! Мама и папа, это Моррис Дрю.

— Привет, Моррис, — вопросительно приветствовал Робин.

Мерси пришлось выступить на передний план и протянуть руку Моррису:

— Здравствуйте, Моррис. Пожалуйста, проходите.

Пожатие Морриса было крепким и деловым. Совершенно обычный мужчина — среднего роста, слегка полноват, круглые очки с толстыми стеклами, — и Мерси поняла, что трудно будет запомнить его лицо.

— Очень приятно, миссис Гарретт, — сказал он. Выговор абсолютно бесстрастный, как у дикторов радио.

Входя, Моррис символически пошаркал подошвами по коврику, хотя на улице было сухо. Мерси пробежала вперед выключить телевизор. (Вроде в Друид-Хилл-Парке заметили человека, похожего на волка.)

— Что ж… — Робин деловито потер ладони. Лили с Моррисом уселись на диван бок о бок. Робин предпочел свое кресло, но вместо того, чтобы рас-

слабленно откинуться на спинку, напряженно выпрямился, словно готовясь вскочить по тревоге в любой момент. Мерси выбрала кресло-качалку.

— У нас с Моррисом есть для вас новости, — выпалила Лили. — Мы женимся.

— Как это… — обалдел Робин.

«Как это увязать с тем, что ты уже замужем?» — хотел он сказать. Мерси же знала вполне достаточно, чтобы, в свою очередь, поинтересоваться браком Морриса. Вообще-то многое нужно было объяснять, улаживать и устраивать. Но Лили, должно быть, решила, что самый простой вариант — пропустить все эти детали.

— Это не прямо сейчас, — продолжала она. — Но я подумала, лучше вам быть в курсе. Моррис пока мониторит рынок жилья, выбирает нам дом.

Робин молча вытаращился.

Мерси ринулась на амбразуру.

— Когда вы найдете подходящее жилье, — сказала она, — я обязательно напишу его портрет в качестве свадебного подарка.

— Чего? А, ладно. — Лили не стала задавать лишних вопросов. — Спасибо, мам.

И Моррис добавил:

— Благодарю вас, миссис Гарретт.

* * *

Видимо, подход Лили сработал. Все неудобные вопросы и препятствия исчезли.

Как минимум внешне исчезли. Оставшееся время их визита Робин хранил молчание, предоставив Мерси поддерживать беседу, а когда Лили собралась поцеловать отца на прощанье, молча встал и подставил щеку. Но в действительности он был страшно возмущен и расстроен и, как только за гостями закрылась дверь, стремительно обернулся к Мерси и напустился на жену, как будто это она была во всем виновата.

— Что здесь происходит? — негодовал он. — Как это замужняя женщина может заявиться на порог родительского дома и представить своего жениха, а мы и глазом не моргнули?

— Дорогой, — попыталась успокоить его Мерси, — со стороны никогда и никто не поймет, что там на самом деле происходит *внутри*, ты и сам это прекрасно знаешь.

— Не знаю я ничего подобного, — пыхтел в ярости Робин.

Разумеется, он не знал. Их собственный брак прозрачен как стекло, ясен, как открытая книга, и является именно тем, чем выглядит. Если не

считать того факта, что вот уже несколько ночей Мерси провела в другом доме.

В первый раз она сказала мужу, что, возможно, задержится, потому что работает над замысловатой картиной. Во второй раз — примерно неделю спустя — сказала то же самое. Прокатило. В этом был расчет. Она хотела, чтобы он начал мало-помалу привыкать. Сработало, потому что когда Мерси осталась ночевать в студии в третий раз, ничего не объясняя заранее, Робин даже не позвонил узнать, где она, и не заявился туда скандалить. Нельзя сказать, что муж был рад такому положению дел. Робин встречал ее дома насупленный, обиженный и неприветливый, по утрам бросал на нее косые взгляды, открывал рот, чтобы заговорить, но обрывал сам себя.

Но Мерси всегда приходила по утрам. Старалась вернуться до того, как Робин проснется, и когда он спускался, на столе уже ждал завтрак.

В какой-то момент она намеревалась прекратить эту практику. Но еще не сейчас.

На следующий день после знакомства с Моррисом позвонила Элис.

— Итак! — начала она. И, не дождавшись ответа, продолжила: — Насколько я знаю, вас навещала Лили.

Элис и Лили никогда не были близки. Уж слишком ее дочери разные, считала Мерси. Но, видимо, они периодически обсуждали своих родителей — не в открытую, а среди прочего, полунамеками, как водится между сестрами и братьями, — поскольку Лили явно попросила Элис прозондировать почву. И сейчас Мерси отвечала уклончиво.

— Ну, хммм… — вот и все, что она выдавила из себя.

— Так что ты думаешь про Морриса?

— На вид приятный, — рассеянно заметила Мерси. — А ты с ним встречалась?

— Да.

Сколько раз? По какому поводу? Он показался ей симпатичным? Внушающим доверие? Что вообще она думает обо всем происходящем?

Мерси не задала ни одного из этих вопросов. Она сказала:

— Наверное, я приглашу его на общий семейный ужин.

— Ладно… — Элис ждала продолжения.

— Вы с Кевином свободны в это воскресенье?

— Мы собирались в гости к его матери.

— Тогда в следующее?

— В следующее можно.

— Хорошо. Я поговорю с Лили. — И Мерси попрощалась, так и не вынеся никакого вердикта по поводу Морриса.

Ей понравилось, как она провела этот разговор.

Вот только Робин был против семейного ужина.

— Погоди-ка, — сказал он, — это как? Ты собираешься пригласить в дом любовника своей дочери?

— Любовника! — всплеснула руками Мерси. Надо же, он знает такое слово. — Он ее жених, милый. Мы хотим приветствовать его как будущего члена семьи.

— Но как у нее может быть жених, когда у нее уже есть муж? Где тут место для БиДжея?

Робин всегда недолюбливал БиДжея. За глаза он звал его Элвисом. Когда БиДжей и Лили тайно поженились, Робин божился, что им «пришлось», и был крайне разочарован, когда никакого ребенка в итоге не оказалось.

А кстати…

Если бы Мерси могла хоть намекнуть на беременность Лили, возможно, он стал бы более покладистым.

С другой стороны, мог и взбеситься оконча-

тельно.

Именно такая возможность, а не столько ее обещание Лили удерживало Мерси от обнародования новости.

Она позвонила Элис и сказала, что семейный ужин придется отложить.

— Да? — Элис нужны были объяснения.

— Я все не могу сообразить, *когда* именно его устроить, — придумала Мерси и поскорее перешла к обсуждению успехов маленькой Робби.

Робби уже научилась вставать на ножки, подтягивая себя руками, но пока не понимала, как сесть обратно. И стояла, рыдая, в своем манеже в полном изнеможении, пока Элис не согнет ей коленки и не опустит на пол. После чего бедняжка тут же опять вставала. Элис могла рассказывать об этом бесконечно. И совершенно забыла про неудобную тему семейного ужина.

* * *

Женщину, которую Мерси встретила в химчистке, звали Эвелин Шепард, она позвонила в середине октября и пригласила Мерси осмотреть дом.

— Думаю, мы уже обустроились, — сказала она. — И я хотела бы понять, как вы предпочтете

нарисовать наш дом.

— С радостью приду, — согласилась Мерси.

— Вот если бы вы могли заглянуть к нам, когда муж тоже будет на месте…

— Да, я могу.

— И, может, принесете несколько ваших работ для примера? Я показывала ему картину с вашей визитки, но…

— Конечно. Я принесу свое портфолио.

И Мерси сделала мысленную пометку порыться дома в ящиках письменного стола, где она хранила кожаную папку с работами, оставшимися со времен учебы в «Школе Ласалля».

Для встречи выбрали субботнее утро, а значит, в распоряжении Мерси была машина. Она припарковалась в конце квартала, чтобы составить себе более полное представление о пространстве, — хотела прибыть во всеоружии, так сказать. Дом оказался обычным трехэтажным особняком в колониальном стиле, красный кирпич и зеленые ставни. Ладно, неважно, она же все равно предпочитает интерьеры. Мерси нажала на кнопку звонка, а потом внимательно присмотрелась к нему. Зрение ее и в самом деле обострилось, она начала замечать мельчайшие детали. Но звонок был совершенно заурядным, белая пластиковая

кнопка на медной пластинке.

Дверь открыла Эвелин Шепард:

— Доброе утро, миссис Гарретт!

— О, прошу вас, зовите меня Мерси.

— А я Эвелин. Входите!

На Эвелин были туфли на каблуках. В субботу, в собственном доме. Каблуки не очень высокие, но все равно. Она была чуть моложе Мерси, но выглядела уже почтенной дамой. Темные волосы тщательно завиты, а модное цветастое платье туго обтягивает талию.

— Кларенс? — позвала она. — Художница уже здесь.

Через просторный холл — персидский ковер, хрустальная люстра — она провела Мерси в гостиную, необъятную и официальную, с роялем в дальнем конце. Взгляд Мерси словно фотокамера — *щелк, щелк, щелк* — фиксировал все, что попадалось на глаза.

— Какой очаровательный у вас дом, — вежливо сказала она и села куда ей предложила Эвелин — на скользкий, обитый шелком диван, но тут же вновь встала, когда в комнату вошел Кларенс.

— О, Кларенс! — воскликнула его жена, словно удивляясь появлению супруга. — Это Мерси Гарретт, художница.

Кларенс был старше жены — седовласый и усатый, с пластроном, топорщащимся в расстегнутом вороте рубашки. Мерси до сих пор видела пластрон только в английских фильмах. И эта деталь придала ей уверенности. Она мгновенно все поняла про этих людей: недавно обосновались в доме, обставленном так, чтобы произвести впечатление, носят одежду, которая куплена специально, с целью соответствовать тому образу, который, по их мнению, от них требуется.

— У вас прекрасный дом, — повторила Мерси, и на этот раз голос звучал увереннее и она доброжелательно улыбалась.

Дальше было легко. Шепарды уселись по обе стороны от нее, а она вытащила из папки рисунки — застекленная терраса, кухонный уголок и то, что она назвала «музыкальной комнатой». (На самом деле никакая не музыкальная, а гостиная в доме Элис и Кевина, но Мерси инстинктивно подправляла свой словарь, дабы соответствовать обстоятельствам.) Всякий раз, как только основной элемент картины проступал сквозь окружающую размытость, Эвелин восклицала «Ах!», но Кларенс хранил молчание.

— А вот эта, — спросила Эвелин про так называемую музыкальную комнату, — с фотографией

на краю стола? Полагаю, это портрет хозяина дома, я права?

Она имела в виду фото, стоящее рядом с большой ракушкой, — то ли отец Кевина, то ли его дядя, а может, еще кто-то — в армейской фуражке, воинственно смотрит из серебряной рамки, усеянной крошечными серебряными бусинами.

— Да, это предок со стороны мужа, — сказала Мерси и перешла к следующей картинке: их с Робином спальня. Прямоугольник кровати, косые линии досок пола, а затем фрагмент кресла-качалки, на ручке брошен пеньюар, каждая складка и шов скрупулезно выписаны.

— Сущность этого дома — *пеньюар*? — поинтересовался Кларенс.

— А вот здесь детская моей внучки, — показала Мерси. («Детская»! А что, неплохо звучит.) Кроватка Робби лишь схематично набросана отдельными линиями, зато плетеный тряпичный коврик, на котором она стояла, прорисован настолько тщательно, что на одном из жгутов ткани можно различить даже розовый бутон — лоскут от старого сарафана Мерси.

— Мне кажется, это так необычно… — со вздохом протянула Эвелин.

— А вы никогда не пробовали детально нари-

совать всю картину, а не только одну ее часть? — спросил Кларенс.

— Ну конечно! — улыбнулась Мерси. — Но так может кто угодно. А я стремлюсь к несколько более содержательному изображению. Я хочу сконцентрироваться на одной-единственной детали, которая раскрывает душу дома.

Он явно встревожился.

— А если вы решите, что душа дома — это ванная комната или еще что-нибудь эдакое?

Мерси рассмеялась.

— Могу вас заверить, это маловероятно, — успокоила она.

Хотя на самом деле одна из картин, которую она не успела показать, изображала зеленую, обшитую вагонкой перегородку, отделявшую крошечный «туалет для прислуги» в мастерской у Робина. Она захлопнула папку и еще раз ослепительно улыбнулась Кларенсу:

— В любом случае вы всегда можете сказать «нет», когда увидите, что у меня получилось. У вас абсолютное право вето.

Эвелин выпрямилась, сложила ладошки и выжидательно посмотрела на мужа.

— Что ж… — вздохнул он. — И… могу я узнать, каковы ваши расценки?

Увидев рояль, Мерси прикинула, не поднять ли цену с одной сотни до двух, но, судя по всему, хозяин дома был не слишком высокого мнения о ее работе.

— Сто долларов, — пролепетала Мерси.

Кларенс взглянул на Эвелин.

— Хорошо, — согласился он. — Договорились.

— Да! — шумно выдохнула его жена.

— Разумеется, в случае одобрения того, что получится, — уточнил он.

— Разумеется, — согласилась Мерси.

* * *

Первого ноября, в воскресенье, Мерси позвонила Дэвиду. Она выбрала послеобеденный час, рассчитывая, что в это время сын с большей вероятностью будет у себя, но все равно парень, который снял трубку, довольно долго искал его. «Гарретт? — слышала она в трубке, а потом еще раз, чуть глуше: — Эй, Гарретт! Куда ты подевался, чувак?»

Она звонила из кухни и теперь, дожидаясь, села за стол. Хороший знак, подумала Мерси, что парень зовет Дэвида «чувак». Это подразумевает, что они друзья. Мерси хотела было поделиться этим соображением с Робином, но тот стоял

спиной к ней перед открытым холодильником, как будто зашел в кухню исключительно взять что-нибудь перекусить. И Мерси вдруг почему-то разозлилась, передумала и промолчала.

Соединение оказалось параллельным — это когда в ваш разговор отчего-то прорываются другие разговоры с других линий. Мерси слышала чей-то тихий смех, неотчетливое «*Что? Как?*». Сколько же счастливой беззаботной жизни происходит где-то там.

— Алло? — Дэвид наконец взял трубку.

— Привет, милый!

— Привет, мам.

— Как поживаешь?

— Нормально. Что-то случилось?

— Ничего, кроме того, что от тебя ничего не слышно.

— А, да, прости. Я просто ужасно занят, правда.

— Много задают?

— Да, задают много, но я справляюсь.

— Приятно слышать.

— Как там все?

— У нас все хорошо! Хочешь поговорить с папой?

— Конечно.

— Робин? — позвала она, протягивая трубку.

Робин отвернулся от холодильника с деланым удивлением. — Это твой сын.

Он захлопнул дверцу холодильника и медленно поплелся к жене, якобы нехотя, отчего она нетерпеливо цокнула языком.

— Алло? — И сразу же: — Ой, привет, сынок.

Довольно громкий голос Дэвида, и Робин ответил:

— Мы в порядке. А как у тебя?

Опять что-то говорит Дэвид.

— Спроси насчет Дня благодарения, — пронзительным шепотом велела Мерси.

— А? Что? Твоя мама спрашивает про День благодарения.

Бормотание в трубке.

— Да я не понял. Хочет знать, приедешь ли ты домой на праздник, полагаю, — усмехнулся Робин, и Мерси, не выдержав, вновь с досадой цокнула языком и выхватила трубку у мужа.

— Дэвид? Ты ведь знаешь, что на праздники будет ходить автобус? От колледжа до автовокзала Грейхаунд, в среду перед Днем благодарения.

— Да, но мне кажется, нет смысла ехать в такую даль всего на пару дней.

— Это не *пара* дней: среда, четверг, пятница…

— Я думал в это время разделаться с работой по

истории, — промямлил Дэвид.

— А в Балтиморе ты разве не можешь этим заняться? — поинтересовалась Мерси.

Робин изучал выражение ее лица.

— Ну, здесь библиотека и все такое.

— Ясно.

— Как там Робби? Она уже научилась ходить?

— Ходить? Не знаю. Почти. — Какая трудная работа этот разговор. — Передаю трубку папе. — Она сунула трубку обратно Робину, но тот отодвинулся и протестующе замахал руками. Мерси опять прижала трубку к уху. — Кажется, он уже сказал все, что хотел.

— Окей, тогда пока, мам.

— Пока, дорогой.

Она повесила трубку.

— Он не приедет? — спросил Робин.

Мерси покачала головой.

— Ну, это естественно. У него там друзья, учеба…

— Я знаю.

— Вообще это очень хорошо.

— Я знаю.

* * *

А вот кто *явился* на День благодарения, так это Моррис Дрю.

Как-то утром Лили заявилась к Мерси прямо в студию — не застав ее дома, как она сказала, — и, едва усевшись на кушетку, тут же объявила, с чем пришла.

— Мам, — сказала она, — в этом году я не приду на День благодарения, если нельзя взять с собой Морриса.

Не то чтобы совсем неожиданно. Они, конечно, общались по телефону в последние недели — может, и не так часто, как хотелось бы Мерси, но вполне достаточно, чтобы она усвоила, что Лили и Моррис теперь настоящая пара, что БиДжей согласился на развод, как будто ему вообще все равно, а развод Морриса уже в процессе. Сейчас Лили сообщила, что они купили дом с тремя спальнями в Сидаркрофт и переедут туда, как только там поменяют крышу.

— Потому и вышло ужасно дешево, — рассказывала она. — Моррис выторговал грандиозную скидку. Он отлично разбирается в таких делах.

А как же бедная жена Морриса? И куда денется БиДжей? И что с ребенком?

Но спросить Мерси решилась только о малыше.

С ребенком все хорошо, равнодушно бросила Лили. (По ней все еще не видно было беременности, но ведь она носила свои обычные бесформенные блузы, так что наверняка не скажешь.) Лили вытащила из кармана полароидное фото: стандартный белый коттедж с навесом над крыльцом.

— На будущий год вы сможете прийти на День благодарения к нам, — мечтательно объявила она. — Разве не чудесно?

— Да…

— Но в этом году мы пока к гостям не готовы. — И сунула фотографию обратно в сумочку. — Я знаю, что ты собираешься сказать. Я в курсе, что папа злится. Вчера он мне сказал по телефону, что на День благодарения я могу прийти только вместе с БиДжеем. Как будто у меня есть такая возможность! БиДжей переехал в Феллс-Пойнт.

— Ты разговаривала с папой?

— Да, и он сказал, что ты работаешь допоздна. Он что, не передал тебе, что я звонила?

— Думаю, не успел, — смутилась Мерси. (Прошлую ночь она провела в студии и сегодня утром впервые не вернулась домой к завтраку.)

— Но ты же можешь переубедить его, мам, я знаю, что можешь. Можешь заставить его передумать. Он же вечно называл БиДжея безответственным, помнишь? А Моррис *очень* ответственный. Он будет настоящим кормильцем семьи и хорошим отцом, он всегда хотел детей. Ты же уговоришь папу разрешить нам прийти на День благодарения?

— Ну конечно, я его уговорю, солнышко, — успокоила ее Мерси и произнесла эти слова очень уверенно.

Робин ни при каких обстоятельствах не захочет утратить контакт со своей любимой дочерью. Семья для него важнее всего на свете! Потому что слишком большую часть своей молодости он был одинок.

— Ему просто нужно, — объяснила она Лили, — чтобы Моррис рассказал о себе чуть больше, наверное. Понимаешь, ты застала папу врасплох. Давай вот как поступим: вы сегодня вечером загляните к нам, мы с тобой оставим мужчин в гостиной, а сами уйдем готовить закуски. И Моррис сможет пока побеседовать с папой, объяснить, что он осознает, какой это для него шок, что он и сам никогда не думал, что так получится, но просто потерял голову, едва тебя увидел, влюбился

без памяти, и все. А потом скажет про ребенка: он, мол, понимает, что момент не самый удачный, но он так взволнован, так дорожит тобой и ценит тебя, хочет целиком и полностью посвятить себя тебе… Ну ты понимаешь.

Лили горячо закивала:

— Да, это он может. Моррис мастак в таких разговорах.

Мерси не сомневалась. Жаль только, никак не могла припомнить его лица.

В общем, план сработал. Робин сначала сидел с каменной физиономией, даже вообще пытался сбежать на кухню вслед за Мерси и Лили, однако Мерси строго приказала ему остаться в гостиной. И когда женщины вернулись с кофе, Моррис уже объяснял Робину, почему лучше покрывать крышу шифером, а не битумом, а Робин кивал, приговаривая:

— Точняк, парень. Ну точно, слушай.

В итоге Моррис пришел на День благодарения.

Он явился в коричневом костюме и с галстуком, а Лили — в модной блузе для беременных. Элис прочла Лили целую лекцию о естественных родах. Кевин рассказал Моррису и Робину о преимуществах специальных торговых центров. Малышка Робби отказалась сидеть в своем

стульчике и ковыляла по столовой, вскинув высоко сжатые кулачки, — осваивала искусство прямохождения. А Мерси сидела во главе стола и улыбалась, улыбалась им всем.

* * *

На портрете дома Шепардов Мерси решила изобразить холл второго этажа, а точнее, дедовские часы, которые стояли в простенке между двумя дверьми в хозяйские спальни. Откровенно говоря, на часах она остановилась не сразу. Сначала хотела рисовать «будуар» — темный уголок комнаты для рукоделия Эвелин Шепард: видавший виды рундук, оставшийся со времен военной службы Кларенса, разбросанные повсюду лоскутки ткани всех возможных цветов, размеров и рисунков. Но все же ей хватило ума не выбирать дамское помещение в качестве натуры.

Часы были массивными, резными, медный маятник тяжело покачивался за прямоугольником толстого стекла, а циферблат из кремового фарфора был увенчан дугой из сверкающих латунных дисков, изображающих разные фазы луны. Кларенс рассказал Мерси, что очень дорожит ими, давая понять, что часы передавались в семье из поколения в поколение. Эвелин же поведала

Мерси, что они отыскали часы в антикварном магазине в Нью-Маркете, штат Мэриленд, года полтора назад. Но, похоже, оба не заметили — или просто не хотели замечать, — что слева внизу, ровно над резным орнаментом, каким-то острым предметом были коряво нацарапаны буквы СТМ. Нечего и говорить, что Мерси не упустила этой детали в портрете.

Она долго спорила сама с собой, прежде чем показать Шепардам окончательный вариант. Если они попросят убрать буквы, надо ли отказаться? Глупо, конечно, — такая ерунда не стоит возвышенной дискуссии о свободе творчества. Но тем не менее… Она колебалась. И напрасно, как выяснилось. Эвелин Шепард картина понравилась, и Кларенс сказал, что очень мило. Казалось, на нарисованные инициалы они обращали не больше внимания, чем на настоящие.

Изначально Мерси возмечтала, что Шепарды пустят слух о ней и этот заказ приведет новых клиентов, когда их друзья увидят картину. Но нет. (Может, Кларенсы повесили картину в укромном месте, подальше от чужих глаз? У Мерси не было объяснений.) А вот кто на самом деле, к ее удивлению, занялся рекламой, так это Моррис Дрю. Через пару недель после Дня благодарения

он позвонил ей в студию и спросил, нельзя ли принести несколько визиток в его офис.

— Люди, покупающие новое жилье, — пояснил он, — обычно очень гордятся своим домом. Я буду вкладывать открытки в папки с их документами, и, возможно, они решат заказать портрет.

Мерси была тронута. И его предложение имело результат: молодые супруги из нового многоквартирного дома позвонили ей с вопросом о цене и сказали, что подумают, а потом позвонила пожилая дама заказать картину для сына и невестки, которые только что купили очаровательный викторианский особняк по ту сторону Роланд-Парка.

Нет, на жизнь этим Мерси не зарабатывала по-настоящему. Но со временем, надеялась, получится.

На Рождество наконец приехал Дэвид. Он выглядел более уверенным в себе и спокойным; волосы так отросли, что падали на лоб пшеничным снопом, и у него появилась новая привычка повторять «Верно? Я же прав?» после почти каждой фразы. Но как же радостно было его видеть! Мерси под любым предлогом норовила его обнять или хотя бы мимоходом погладить по спине. Он много времени болтался бог знает где с приятелями, но она все равно чувствовала, что сын дома.

За те три недели, что Дэвид провел у них, Мерси ни разу не ночевала в студии и даже днем заскакивала туда лишь изредка. Она вынуждена была удовлетвориться той одеждой и косметикой, которая оставалась дома, и это заставило ее осознать, насколько основательно она, оказывается, сменила место жительства. Она фактически съехала. Дошло до того, что Робин спрашивал: «Ты сегодня здесь ночуешь?» — не принимая больше этот факт как должное, и если она отвечала «да», он радовался и вздыхал с облегчением. А когда Элис и Лили звонили матери, они сначала набирали номер студии, даже не задумываясь. Но ни одна из девочек не спросила напрямую, что происходит. Ни одна не удивилась: «Ты что, *ушла*? Вы с папой расстались?» Может, просто не хотели этого знать. Может, как Шепарды, предпочитали не замечать инициалы, выцарапанные на часах. А у Дэвида, разумеется, не было никаких причин задавать подобные вопросы, поскольку для него ничего не изменилось.

Ей вспоминался первый раз, когда Лили привела в гости Морриса, — как решительно дочь объявила, что выходит за него замуж, беспечно игнорируя тот факт, что она уже замужем, да и Моррис женат, и ни словом не упомянув о своей

беременности. Неужели и в самом деле так легко убедить мир, будто жизнь продолжается как ни в чем не бывало?

Да, очевидно, так.

* * *

В январе наступили холода, и Мерси купила электрическое одеяло. Сначала хотела плед, но толстый плед бугрился бы под вельветовым покрывалом. (Ей крайне важно было завуалировать тот факт, что кушетка служит заодно кроватью.) Блок регулировки температуры она спрятала за подушкой, так что никто и не заподозрит правды.

Линолеумный пол был настолько ледяным, что холод ощущался даже сквозь подошвы туфель, поэтому пришлось купить тяжелые замшевые башмаки и вставить в них стельки из искусственной шерсти. Студия отапливалась единственным электрическим радиатором, закрепленным на стене, и Мерси передвинула стол поближе к нему, чтобы совсем не застыть во время работы.

С пожилой парой, у которой она снимала студию, Мерси почти не общалась — короткий обмен приветствиями, если случайно встречались во дворе, когда она шла к себе, — а сейчас, зимой,

хозяева и вовсе куда-то пропали. Но однажды вечером она услышала, как кто-то грузно карабкается по ее лестнице, распахнула дверь и обнаружила на площадке устало пыхтящего мистера Мотта.

— Добрый вечер, миссис Гарретт, — поздоровался он.

— Здравствуйте, — удивилась Мерси. — Что привело вас сюда?

— Хотели просить вас о небольшом одолжении.

— Да?

Она шагнула назад, пропуская его в комнату; старик, войдя, снял вязаную шапочку. Крупный тучный мужчина с пышными седыми усами, и выглядел он не слишком здоровым.

— Это насчет нашей дочери, Элизы, — начал он. — Ей предстоит диагностическая операция.

Последние два слова он выговорил очень старательно, как иностранные.

— О, как я вам сочувствую, — сказала Мерси.

Вероятно приняв это за приглашение, мистер Мотт прошел через всю комнату и уселся на кушетку. Почти *рухнул* на нее. Мерси села напротив.

— Она в Ричмонде, — продолжил рассказывать

старик. — Она и ее мальчик, и у них никого больше нет. Муж умер два года назад. Поэтому нам с миссис Мотт придется побыть с Дикки, пока Элиза в больнице.

— Ну да, разумеется, — согласилась Мерси.

— И мы хотели спросить, не присмотрите ли вы за нашим котом.

— У вас есть кот? — спросила Мерси, чтобы потянуть время. Она никогда не имела дела с кошками.

— Десмонд, — многозначительно произнес дед.

Она непременно рассмеялась бы, услышав имя, если бы не была так сосредоточена, пытаясь понять, чего от нее хотят.

— То есть, — замялась Мерси, — то есть вы хотите, чтобы я… кормила его каждый день?

— Мы думали, может, вы возьмете его к себе, сюда. — Он окинул взглядом комнату.

— Сюда!

— Я заметил, что вы тут почти все время. А нам было бы тревожно оставлять Десмонда в одиночестве надолго. В смысле, на выходных-то он может побыть один, но…

— Надолго вы планируете уехать? — спросила Мерси.

— Да в том-то и дело, что пока не знаем. Может,

и вообще почти сразу вернемся. Мы не знаем. А Десмонд, он такой неприхотливый, но все-таки… Один в доме, днями и ночами, и его никогда не выпускали во двор, потому что мы не хотим, чтобы он охотился на птиц…

— Но здесь вообще-то тесновато… — промямлила Мерси.

— Ну не *настолько*. Вы можете поставить его лоток в ванной, запросто.

— Лоток!

— Я принесу все его игрушки.

Они что, не могут отдать его на передержку куда-нибудь? Разве не существует специальных приютов для котов? Но Мерси решила не уточнять. Мистер Мотт сверлил ее неподвижным изучающим взглядом. Глаза у него были светло-карие, нижние веки набрякли и покраснели.

— С радостью присмотрю за ним, — произнесла Мерси.

Потому что если делаешь людям одолжение, учил ее отец, делай это любезно.

* * *

Десмонд оказался серым котярой шотландской породы, с квадратной мордой и короткими толстыми лапами. Он прибыл в небольшой сумке с

сетчатым окошком в торце, но выпрыгнул оттуда, как только мистер Мотт поставил переноску на пол и открыл крышку. Кот недовольно двинулся в сторону кухни; хвост, трубой торчащий вверх, едва заметно подергивался. У Мерси создалось впечатление, что подрагивающий хвост у кота значит совсем не то же самое, что виляющий хвост собаки.

Пока мистер Мотт ходил к себе домой за барахлом Десмонда, Мерси сидела на кушетке и наблюдала, как кот обнюхивает плинтус. Затем он ловко вспрыгнул на кухонный стул и исследовал кисти и краски на столе. К Мерси кот повернулся задом, но напряженная трепещущая готовность его позы заставляла думать, что все он прекрасно чует. Наконец кот с глухим стуком спрыгнул обратно на пол — точнее, грузно плюхнулся, так что задрожал весь гараж. А она-то всегда думала, что кошки такие изящные!

Вернулся мистер Мотт — еще громче пыхтя — с пластиковым корытом в руках, нагруженным всяческими пакетами и мисками.

— Десмонд у нас ест только один сорт кошачьей еды, — сообщил он. — Из-за почек. Почти во всех магазинах продается. Консервы ему категорически нельзя. Он будет вас уговаривать, убеждать,

что можно, но нет.

Мерси стало любопытно, каким образом кот будет ее уговаривать. Однако это прозвучало бы так, словно мистер Мотт планировал отсутствовать настолько долго, что ей придется покупать кошачью еду. Как-то это тревожно. И вслух Мерси сказала:

— Мы отлично поладим, мистер Мотт. Не берите в голову. Надеюсь, с вашей дочерью все будет хорошо.

И с улыбкой выпроводила его за дверь, даже помахала на прощанье.

Лоток и впрямь поместился в ванной, но впритык, и к нему еще прилагалась специальная пластиковая лопаточка, которую она положила рядом. Миску для еды и миску для воды — обе неуместно громоздкие, по ее мнению, — пришлось поставить в кухонном уголке рядом с раковиной, где их было видно из любого конца студии. Грубое нарушение ее политики «никакого хлама». Мерси расстроилась. Она уговаривала себя, что со временем привыкнет и перестанет их замечать, но от этого расстроилась еще больше.

Впрочем, Десмонд оказался гораздо менее навязчивым, чем она опасалась. Он не был ни капризным ворчуном, ни нытиком, на руки то-

же не лез. Когда Мерси садилась на кушетку, он садился рядом, а не на ее колени. Сворачивался клубочком, как ракушка-наутилус, и мурчал. Ночью он спал у нее между лодыжек, но поверх одеяла, так что чувствовала она его, только когда шевелилась во сне или поворачивалась на другой бок. Зато ощущала теплый груз его тела, мягко придавливающий одеяло.

Она завела привычку болтать с котом во время работы. Просто отрывочные замечания; никакого сюсюканья, ничего подобного. «Ох, блин, — вздыхала она, — только взгляни, что я натворила». Или: «Как тебе, Десмонд? Мне кажется, чересчур *слащаво*». И Десмонд окидывал работу внимательным взором, прежде чем вернуться к вылизыванию левой лапы.

Рисуя, она часто возвращалась мыслями к прошлому, блуждая в воспоминаниях, как порой человек бродит по старому дому. Вспоминала отца, который гулял с ней по воскресеньям, чтобы мама, уже тогда тяжело болевшая, могла немного отдохнуть. «Видишь ржавые потеки под тем карнизом? — показывал он. — Под карнизом у миссис Уэбб. Уж сколько раз я ей твердил, что нужно почистить водосточный желоб». А однажды, когда начался дождь, он спросил:

— Ты когда-нибудь задумывалась, откуда берется дождь?

— Не-а, вообще-то, — честно призналась она.

Но он все равно рассказал — про испарение, конденсацию… Сейчас Мерси понимала, что отец души в ней не чаял, и всем сердцем сожалела, что не осознавала этого раньше.

Мерси вспоминала Робина, каким он был, когда ухаживал за ней, как постоянно наведывался в магазин и покупал всякие пустяки, лишь бы хоть глазком на нее взглянуть. Такой робкий он был, молчаливый и почтительный. Тогда среди парней принято было обращаться к девушкам «чувиха» и разговаривать с ними с отрешенной небрежностью в манере Хамфри Богарта, флиртующего с киногероинями. А Робин называл Мерси «мисс Веллингтон», пока она сама со смехом не попросила его прекратить. Говорил он иногда по-деревенски — «мощч» вместо «мощь» или «ниче» вместо «ничего», — но очень старался следить за правильным построением фразы и специально употреблял слова гораздо более сложные и длинные, чем требовалось. «Позвольте поинтересоваться, не пожелаете ли вы как-нибудь посетить общественно-культурное мероприятие», — однажды предложил он. Оказы-

вается, имелось в виду сходить в кино, но Мерси уже не помнит, на какой именно фильм. Вечер был таким жарким, что едва они заняли свои места, как она вытащила из сумочки маленькую коробочку с ватными дисками и промокнула верхнюю губу. Потом, поразмыслив, похлопала Робина по руке и предложила коробочку и ему; он сначала удивленно посмотрел на нее, потом вытащил один диск и положил его в рот. Мерси поспешно отвернулась, сделав вид, что ничего не заметила. Она волновалась, не попытается ли парень теперь проглотить это, чтобы сохранить лицо, но мгновение спустя услышала тихий шорох в темноте, когда он украдкой вытащил вату изо рта и, наверное, сунул в карман или просто бросил под сиденье.

У него были необыкновенно голубые глаза, ясные, как ни у кого на свете. Из-за этих глаз он выглядел очень искренним, доверчивым и полным надежд. Губы у него были четко очерчены, с двумя вершинками по центру, что казалось ей ужасно интригующим. Он знал все, что можно знать, — как будто бы от рождения — о любых механизмах. В этом отношении он был точной копией ее отца.

Робин пригласил ее в Кантон познакомиться

с единственной родственницей, двоюродной бабушкой, у которой он жил — в домике двенадцать футов шириной. Бабушки — остролицей неулыбчивой дамы — запросто можно было испугаться, если бы она не обращалась с Мерси невероятно почтительно. Настаивала, что Мерси должна сесть в единственное удобное кресло, и тысячу раз извинилась за ужин, который приготовила для них, — свекольный суп и какие-то рулеты из капустных листьев с мясным фаршем внутри.

— Понимаю, это, конечно, не высший класс, — причитала она.

А Мерси смущенно возражала:

— Да что вы, у моего отца просто маленький магазин.

— А я знаю, — отвечала тетушка Элис.

Мерси признала тщетность своих усилий, и впоследствии тетушка Элис до самого конца своей жизни — а прожила она еще восемь лет — не могла полностью расслабиться в присутствии Мерси. На их свадьбу, скромное домашнее событие, она торжественно прибыла в шляпке, украшенной птичкой, и в праздничном платье более нарядном, чем даже платье невесты.

Поженившись, Мерси и Робин сняли верхний этаж в небольшом доме в Хэмпдене, и Мерси

погрузилась в домашнюю жизнь, как будто родилась для нее. Как оно и было на самом деле. Никто из ее окружения не представлял, что жена может заниматься чем-то еще, кроме домашнего хозяйства и воспитания детей. Когда началась война и многие женщины пошли работать, Мерси уже была беременна Элис. А потом, через два года, появилась Лили, и Мерси подавно некогда было думать, чем бы заняться, она и так была занята дни и ночи напролет. Иногда Мерси впадала в панику, а Робину и в голову не приходило помочь ей, даже если был рядом, хотя рядом он бывал редко. Порой по вечерам они и пары слов друг другу не успевали сказать, падали в кровать совершенно обессиленные.

Робин был хорошим мужем. Много работал и любил ее. И Мерси его любила. Но время от времени, без всякого повода, она мечтала, как сбежит из дома. Не всерьез, конечно. Это были такие дурацкие фантазии из серии «вот тогда он пожалеет», которые мелькают в голове у всех женщин, особенно в те дни, когда они чувствуют, что их не ценят. Мерси нравилось воображать, как она изменяет внешность — красит волосы в угольно-черный, к примеру, — переодевается в черные брюки с безупречно заглаженными

стрелками, а возможно, даже прихватывает сигареты, потому что кому придет в голову, что Мерси Гарретт может курить? Она небрежно продефилирует по кварталу, выпуская колечки дыма, до самой Пенн-стейшн, и никто даже не покосится в ее сторону.

Она ведь не осуществила своих фантазий, думала Мерси сейчас. По крайней мере, ответственно торчала в Хемпдене, приготовила несчитаные тысячи обедов, каждый божий день драила дом, а на следующий день с утра пораньше точно так же принималась драить тот же самый чертов дом. И сейчас она оглядывалась на то время даже с нежностью, хотя, черт побери, ничуть не желала пережить его вновь. Она ощущала мягкость детских щечек, прижимающихся к ее щеке. Чувствовала тепло детских ладошек, обхватывающих ее ладонь. Слышала потешный «страстный» голосок Лили, распевающей «Мелкий паучок», и кашель болеющего Дэвида. О, а та открытка, что Элис сделала для нее в третьем классе! «Дорогая мамочка, обещай, что ты никогда-никогда-никогда не умрешь». И чудесная безмятежная неделя на озере Дип Крик, их первые семейные каникулы — и на самом деле последние, потому что девочки к тому моменту

уже совсем выросли. Как стремительно прошла жизнь, думала Мерси, а казалась бесконечной. Но в целом она неплохо справилась. Ей не в чем себя упрекнуть.

И все равно Мерси порой воображала, как живет в каком-нибудь полицейском государстве и идет по мрачной серой улице в гигантской черной шубе. Ее останавливает человек в форме и говорит, что шуба похожа на шубу, принадлежащую некоему Икс, знаменитому революционеру, и что же ему теперь с ней делать?

А она говорит: «Знаете, давайте сойдемся на том, что будет очень-очень непросто связаться с этим Икс».

И выпускает длинную струйку сигаретного дыма, и они оба злобно смеются.

Мистер Мотт звонил дважды — первый раз примерно через неделю пребывания у нее Десмонда, просто спросить, как дела у кота, и сообщить, что их дочери сделали операцию, но ей придется пробыть в больнице дольше, чем они рассчитывали, а второй раз в начале февраля, с извинениями, что задерживаются так надолго, но насколько именно, не уточнил. А Мерси и не спрашивала — поняла, что не стоит.

— Не волнуйтесь за *нас*, — сказала она. — У нас

все в порядке.

И так оно и было.

Однажды воскресным утром она проснулась и увидела, что выпал снег, фута полтора. На круглом металлическом столике в патио у Моттов образовался снежный купол, похожий на иглу, а цвет крыши настолько сливался с цветом жемчужно-белого неба, что Мерси не могла различить, где заканчивается одно и начинается другое. Мансардные окна словно висели в пустоте.

Ей было уютно и спокойно; Мерси приготовила плотный завтрак и завтракала, завернувшись в халат. Кот меж тем взгромоздился на подоконник и зачарованно уставился на снег.

— Неожиданно, да? — окликнула его Мерси, а Десмонд обернулся, чуть приподняв брови.

Зазвонил телефон — Робин, разумеется.

— Ты там в порядке?

— Отлично, — ответила она. — Как дела дома?

— Нормально. Хотя дороги еще не расчистили. Пойду пешком и заодно принесу тебе сапоги, вернемся домой вместе.

— Ой, не надо! Я справлюсь!

— Да мне не трудно, мне полезно прогуляться.

— Робин. Ну правда. У меня работа в разгаре,

ответственный момент. Я все равно собиралась весь день рисовать, у меня полно еды и вообще всего. Я тут могу много дней продержаться!

— Ну, я просто думал, не разжечь ли камин дома.

— Да, разожги, конечно! Разожги огонь, устройся в тепле и радуйся, что тебе никуда не надо идти. *Я* вот точно рада!

— Вот как.

— Мне столько всего нужно сделать!

— Ясно.

— Приду попозже. Пока!

* * *

«Попозже» вылилось в три дня. К тому времени дороги уже расчистили, но тротуары нет, и ей пришлось идти прямо по проезжей части. Когда Мерси вернулась домой, Робина еще не было: ровно середина рабочего дня. В кухне небольшой беспорядок — банка с какао оставлена на столе, в раковине грязная посуда, — и, судя по пледу и подушке, валяющимся на диване, как минимум одну ночь он провел перед телевизором, вместо того чтобы подняться в спальню.

Для начала она загрузила стиральную машину, добавив к вещам, найденным в корзине для

грязного белья, то, что сама принесла из студии, потом отмыла кухню и приготовила мясной рулет из фарша, который обнаружила в холодильнике. Она собиралась поставить его в духовку в полпятого-пять, чтобы к ужину как раз поспел. Но сейчас не было и двух, и потому, просмотрев почту, пропылесосив ковер в гостиной и переложив вещи из стиральной машины в сушилку, она изменила план. Написала Робину записку: «Выпекать в течение часа при 350 град.»[10], прилепила ее к противню с мясным рулетом и поставила рулет в холодильник на уровне глаз, чтобы он точно не пропустил. А затем надела теплые сапоги и вернулась в свою студию.

В тот год весна выдалась ранняя, в самом начале марта. Лиловые крокусы испещрили газон, проклюнувшись даже там, где их вроде не должно было быть. Однажды утром на громадном дубе у Моттов появилось такое множество крошечных птиц, что, казалось, голые пока ветви дерева внезапно покрылись густой листвой, а щебет, который они издавали, напоминал треск сотен маленьких ножниц. Десмонд таращился в окно абсолютно круглыми обалдевшими глазами, и

---

[10] Примечания: 10
Около 180 градусов по Цельсию.

подбородок у него мелко подрагивал.

У Лили родился ребенок, мальчик, они с Моррисом переехали в новый дом и планировали скромную тихую свадьбу, как только завершат свои бракоразводные процессы. Маленькая Робби начала говорить, а начав, не могла остановиться; Элис завела блокнот, чтобы записывать ее смешные фразы. Дэвид написал, что его скетч поставят в студенческом театре.

В апреле Мерси пригласила трех ближайших подруг на чай в студию — свою еще школьную приятельницу Дарлин и Кэролайн с Брайди, чьи дети учились вместе с ее детьми. Никто из них не знал, что Мерси больше не живет у себя дома. В те последние несколько раз, когда они встречались — ходили вместе в кино или пообедать в кафе, — не было нужды объяснять, откуда она пришла или куда идет после.

Приглашая подруг в студию, Мерси сказала, что хочет показать свои картины, но подавала чай в настоящем чайном сервизе и с печеньем из «Джайнт»[11], как всегда поступала, принимая гостей дома. Все три дамы уселись рядком на кушетке и прихлебывали чай из чашек, которые

---

[11] Примечания: 11
Сеть супермаркетов.

Мерси притащила сюда в хозяйственной сумке. Все дружно согласились, что портреты домов им очень нравятся. Ну а что еще они могли сказать, в общем-то, но потом Брайди спросила:

— А если бы ты решила рисовать *мой* дом, какую деталь ты подчеркнула бы?

— Обычно я не могу сказать сразу, — ответила Мерси. — Я делаю наброски на месте, а позже возвращаюсь в студию и уже здесь выбираю.

— Почему так? Почему бы тебе не рисовать главную деталь прямо там, в доме?

— Главная деталь становится главной именно потому, что она — то единственное, что я хорошо помню, — терпеливо растолковала Мерси. — В студии становится ясно, что это та самая деталь, которую я отчетливо увидела. И, полагаю, именно потому, что она и есть самая важная.

— Понятно, — протянула Брайди, хотя, судя по голосу, не очень.

Когда дамы ушли, Десмонд выскользнул из ванной, где он прятался, и обошел по периметру всю комнату, подтверждая свое право собственности.

* * *

Благоуханным майским вечером Мерси услышала, как кто-то поднимается к ней по лестнице.

Она решила, что заявился Робин, потому что девочки в этот час готовят ужин своим семьям. Мерси торопливо вскочила с кушетки и выключила радио (она же, согласно легенде, оставалась тут ночевать, чтобы работать, а не развлекаться). Но за дверью оказался мистер Мотт — пыхтящий и взмокший в тонкой льняной рубашке мистер Мотт.

— О, мистер Мотт! — воскликнула она. — Вы вернулись!

— Не совсем *вернулся*, — пропыхтел он. — Только заехал взять кое-что из дома.

— Как ваша дочь?

— Неважно.

— О, как печально.

— Она проходит лечение, курс химиотерапии. Кажется, процесс распространяется по организму.

— Боже мой.

— Да, — вздохнул он. Глянул ей за спину и обрадовался. — *Вот* он ты! — окликнул он Десмонда, который невозмутимо взирал на хозяина со своего привычного места на кушетке. — Как дела, дружище?

— О, с Десмондом все хорошо. Мы прекрасно ладим, — сказала Мерси. — Вы не войдете и…

— Так что нам придется переезжать туда, — перебил ее мистер Мотт. — Переехать к дочери в Ричмонд. Помочь с нашим внуком. Элиза не может о нем заботиться. Прямо сейчас ему даже нельзя навестить ее в больнице, потому как малейший микроб ее убьет. А Дикки всего восемь лет, вы же знаете. Вот и выходит, что нам с миссис Мотт надо туда переезжать.

— Но… может, когда все наладится… — растерялась Мерси.

Он только молча посмотрел на нее.

— Мой племянник поживет у нас, — сказал он наконец. — Он сейчас в процессе развода. Вы можете опускать деньги за аренду в почтовый ящик, как всегда, а уж он передаст нам.

— Да, конечно.

— Вы не против оставить у себя Десмонда?

— Оставить? В смысле, навсегда?

— Ну да.

— О нет, простите, не получится.

— Мы не можем взять его с собой в Ричмонд, потому что у Дикки аллергия. А мой племянник терпеть не может котов, я у него уже спрашивал.

— Видите ли, мой образ жизни не предполагает возможности держать кошку, — пояснила Мерси.

— Но до сих пор-то вы справлялись, а? От него же не было никаких проблем, верно?

— Нет, никаких. Но я просто *не хочу* кота.

— И что мне теперь делать? Как мне с этим разбираться? Слишком много всего навалилось! Со всех сторон, как снег на голову, не знаешь, за что хвататься. Теперь еще выяснилось, что водонагреватель протек и весь подвал заливало бог знает сколько времени, а племянник божился, что присмотрит тут за всем. А я… как в угол загнанный.

Так и было. Мерси это ясно видела. Он не справлялся. О, это чувство беспомощности, отчаяния, затравленности, это гнетущее чувство, что на тебя навалилось абсолютно все и душит тебя, и от тебя все время что-то требуется, и все одновременно!

Она положила ладонь на его руку, на дряблую старческую кожу.

— Хорошо, я возьму Десмонда, — согласилась она. — Не беспокойтесь о нем. Я с радостью вам помогу.

— Благодарю вас.

И потом просто развернулся, собираясь уходить. Мерси не обиделась — она понимала, что у старика не осталось сил на вежливую болтовню.

Она убрала ладонь с его руки, он открыл дверь и вышел.

* * *

Очередным субботним утром Мерси отправилась к себе домой за машиной, как делала каждую субботу. Она знала, что осталась единственной среди своих знакомых, у которой не было собственного автомобиля, но она и не желала никакой обузы, да и Робин счел бы это экстравагантным. Она прошла прямиком в гараж, села в машину и завела двигатель.

В студии она вытащила переноску Десмонда из угла за дверью. Хотя Мерси и не привыкла иметь дело с кошками, но знала, что лучше не позволять ему заметить эту штуку раньше времени. Она поставила переноску на кухонную стойку и открыла крышку, прежде чем подхватить кота с кушетки. Десмонд почти не сопротивлялся — кажется, он скорее удивился, чем огорчился. Мерси опустила кота в переноску, стремительно захлопнула крышку и потащила сумку за дверь и дальше вниз по лестнице. Все равно что нести шар для боулинга — перекатывается внутри из стороны в сторону, сумка наклоняется, вздувается с одного боку, — но она держала крепко. Десмонд

молчал. Она ждала, что кот начнет мявкать. Но и молчание было крайне выразительным, эдакая ощетинившаяся тишина. Вплоть до того момента, когда Мерси припарковалась у приюта для животных и открыла дверь со стороны пассажирского сиденья, чтобы забрать переноску, кот не издал ни звука, и только сейчас прозвучало короткое вопросительное «мяу?».

Она захлопнула дверцу и поспешила к зданию приюта с переноской в руках.

Вернувшись в студию, собрала кошачье имущество — две миски, пакеты с наполнителем для лотка и кошачьей едой, лоток и совок, — отнесла к мусорному баку на улице и выбросила. Потом поднялась к себе. Невероятная тишина. Непонятно почему. Десмонд вовсе не был шумным котом.

Пора было отправляться за покупками, потом надо вернуть машину Робину, но сначала она решила просто немного посидеть в покое. Села на кушетку, сложила руки, не пытаясь делать вид, что у нее есть чем заняться. Даже радио не включала. Просто сидела и слушала тишину.

* * *

Наступило лето, но Дэвид приезжал только на несколько дней, потому что нашел работу в театральной труппе. В округе повсюду носились дети, они смеялись, пели и ссорились. Листва на дубе у Моттов стала такой густой, что даже птичек, щебечущих в ветвях, не было заметно, но в небе над ним часто появлялись птицы покрупнее (ястребы? или какой-то вид соколов?), кружили и кружили. В первый раз, увидев их, Мерси подумала, что, может, некоторые птицы знамениты среди прочих пернатых из-за их особенной манеры летать — они, к примеру, горделиво демонстрируют особенно изящную дугу или закладывают захватывающий дух вираж, пока остальные просто восхищенно наблюдают.

Но в конце концов равнодушно дернула плечом, отвернулась от окна и занялась картиной, над которой работала. Бочкообразная балясина. Шарик на бахроме на шторах. Дверная пружина в форме черного чугунного пса с хвостом завитком.

«Неужели я что-то упускаю? — спрашивала она себя. — Неужели проглядела что-то?»

Но отбрасывала прочь внезапные мысли и

вновь тянулась за кисточкой, тоненькой, как ресница.

4

Пасха не вызывала особенного воодушевления ни у кого из Гарреттов. Ну да, если вдруг попадались на глаза в супермаркете недорогие праздничные корзинки, они покупали их в подарок детям, могли даже заглянуть к соседям поиграть в «поиски яйца», исключительно для поддержания социальных контактов, но и только.

Поэтому когда в апреле 1982 года Дэвид вдруг позвонил и сообщил, что намерен заглянуть на воскресный пасхальный обед, новость застала семейство врасплох. С братом разговаривала Лили. Она как раз была на работе: теперь именно она управляла отцовским магазином, после того как юный Пикфорд стал экстремалом и переехал в дикие горы Монтаны.

— «Сантехническое оборудование Веллингтона», — ответила она на телефонный звонок.

— Лили, это ты? — послышался в трубке голос Дэвида.

— Дэвид? Все в порядке? — удивилась Лили, поскольку Дэвид не жаловал телефонные разго-

воры, мягко говоря.

— Да, все хорошо, но я чертову уйму времени пытаюсь разыскать хоть кого-нибудь. Сначала позвонил маме — без ответа. Потом Элис — она тоже не отвечает.

— Неудивительно. Застать Элис труднее, чем кого-либо из нас. — Она сказала так только потому, что ее задело, что брат сначала решил поговорить с Элис, а не с ней. Потому как на самом деле до Элис довольно легко дозвониться. Но Лили обиженно продолжила: — Каршеринг, мамские группы, Ассоциация учителей и родителей…

— Поэтому потом я решил связаться с папой, — не унимался Дэвид, еще глубже травмируя ее чувства. — Рад, что *хотя бы* тебя застал.

— Угу.

— Хотел узнать насчет Пасхи.

— Пасхи? А что с ней?

— Ну, думаю, я мог бы заехать на пасхальный обед. С подругой.

— Подругой? — Усики антенн резко выпрямились.

— С моей подругой Гретой.

— Ага. — Лили судорожно озиралась, выискивая взглядом Робина. Куда он подевался? В такой

ответственный момент.

— Там ведь все соберутся, как думаешь?

— Ну разумеется, все! — заверила она.

Отменят свои планы, лишь бы собраться — вот это она точно могла гарантировать.

— Думаю, мы приедем примерно к полудню, — сказал Дэвид. — На ночь остаться не сможем, у нас нет выходного в понедельник.

— Вот как… А Грета работает в твоей школе?

— Точно. Так ты передашь остальным?

— Ну конечно! Ты же знаешь, как они будут…

— Отлично. Пока.

— Не терпится познакомиться с Гретой!

Но брат повесил трубку.

* * *

Ему было уже тридцать, он преподавал английский и драматургию в школе в пригороде Филадельфии. Работал там уже несколько лет. Снимал дом с перспективой последующей покупки. Иными словами, остепенился. Устроился. И никогда, ни единого раза, ни по какому поводу не приводил девушку, чтобы познакомить ее с семьей. О его личной жизни они догадывались только по случайно оброненным фразам, а когда требовали подробностей: «Весенние каникулы

с подругой Лоис? А Лоис — она не просто подруга?» — Дэвид сразу замыкался и менял тему.

Неудивительно, что его пасхальные планы вызвали переполох. Первым делом Лили сообщила папе, которого отыскала в кладовке. «Да ты что!» — только и сумел выдохнуть он. (Но не сводил с нее пристального взгляда, впитывая новость всем существом.) Потом она позвонила маме в студию. По-прежнему тишина. Пришлось звонить Элис, которая к тому времени уже вернулась домой и отреагировала на всю катушку.

— Какого черта! Он не сказал *зачем*? Не упомянул чего-нибудь вроде «познакомиться с семьей»? Типа «не хотите ли вы все познакомиться с этой дамой»?

— Он только сказал, что приедет с подругой.

— Может, она и вправду *просто* подруга.

— Да, но… он спросил, все ли смогут быть. Да, а еще он говорил «мы». Что-то такое было в этом его «мы».

Элис помолчала. А потом задумчиво проговорила:

— Грета… Хм…

— Интересно, она иностранка? — задумалась Лили.

— Я совсем не против, если она окажется ино-

странкой.

— Да, конечно. Я просто пытаюсь…

— Обед устроим здесь, — заявила Элис.

— Что? У вас дома?

— А где еще?

— Но если он намерен ввести Грету в семью, так сказать, — рассуждала Лили, — разве это не должно происходить в родовом гнезде? Разве не в этом смысл?

— Да брось, Лили. Когда мама в последний раз готовила?

— Но… я имела в виду… Ладно, тогда вы все должны прийти *ко мне*. Я, в конце концов, живу в городе.

Сама Элис в городе больше не жила — они с Кевином переехали в округ Балтимор. Все семейство недоумевало: как можно поселиться в такой дали, на отшибе, практически в изоляции? И бедные дети вынуждены расти без представления о настоящей жизни.

Но Элис нашла аргумент:

— А если будет тепло, мы можем обедать на террасе.

Их каменная терраса по размерам вполне могла сравниться с домом. Полноценная кухня-столовая, даже с кладовками и шкафами. Лили считала

это чистым выпендрежем, но вслух, конечно, не говорила.

— Им и так придется торчать в праздничных пробках, зачем же заставлять тащиться еще *к тебе*?

— Потому что у нас есть место? Потому что соберется два, четыре… потому что за столом должны будут сесть одиннадцать человек, считая детей? А у тебя всего лишь крошечная столовая.

Элис и Лили не часто разговаривали — только если нужно было обсудить дела, касающиеся родителей, или общесемейные. Они практически не общались. И сейчас Лили вспомнила почему. (Как правило, они виделись, когда приезжал Дэвид. Забавно, что именно брат служил связующим звеном в их семействе. Дэвид, который, по сути, олицетворял собой противоположность каких-либо родственных связей!)

— Я могу организовать фуршет, — предложила Лили.

Элис саркастически рассмеялась — смехом, который был совсем не похож на смех.

— Нет-нет-нет, — усмехнулась она. — Лили, никаких фуршетов в присутствии детей.

— Но я…

— И потом, у нас есть гостиная, — добавила

Элис. — Если будет холодно, детей можно усадить там. Ты же знаешь, как они себя ведут, когда оказываются в тесном помещении.

— Ладно, это все неважно, — прекратила спор Лили. — Потому что я уверена — мама скажет, что по поводу такого важного события…

— Она скажет, что просто не представляет, что приготовить по поводу такого важного события. — Элис любила заканчивать фразы вместо Лили.

— Я ее спрошу. Как только сумею до нее дозвониться.

— Удачи тебе.

* * *

Мерси сказала, что просто не представляет, что приготовить по поводу такого важного события.

— Но я тебе помогу, — успокоила ее Лили. — Я могу принести горячее и тот же салат. А тебе останется только приготовить один из твоих замечательных десертов.

— Дело не только в этом, — продолжила волноваться Мерси. — Еда — это самая меньшая из проблем. А уборка, а украсить дом, расставить цветы, погладить скатерть и салфетки… Должна признаться, последнее время я совсем не занима-

юсь домашним хозяйством.

Ужасно нелепо, как говаривал муж Лили, что нечто столь очевидное никогда не обсуждается: ее мать ушла из дома. Иногда Лили обращала ее внимание на что-нибудь исключительно важное, как, например: «Мам, думаю, ты должна знать, что у папы мучительный сухой кашель, а я не могу уговорить его сходить к врачу или хотя бы взять отпуск на несколько дней. Боюсь, это может быть пневмония». И мама отвечала: «Ужасно это в нем раздражает, да?» — как будто все это время ее очень беспокоил его кашель, хотя уже недели две никто из родни ее в глаза не видал. «Хорошо, — говорила она, — я устрою ему выволочку, идет?» И разумеется, уже вечером Робин звонил Лили: «Твоя мама заставила меня сходить завтра к доктору Фишу, так что поработай с утра без меня. Неловко просить, но ты же знаешь, какая она тревожная». От его смущенно-хвастливого тона Лили становилось горько. Он так гордился, что жена заботится о его здоровье.

— А кто-нибудь спрашивал ее? — как-то поинтересовался Моррис. — Спрашивал: «Вы с папой расстались? Развелись? Или что вообще происходит?»

— Я не против, если *ты* спросишь, — предло-

жила Лили.

— Я?! У меня нет такого права.

— А у меня?

— Ну ты все же дочь.

Именно «все же»…

Вообще-то Лили не чувствовала себя дочерью Мерси. Или, точнее, не чувствовала, что Мерси ей мать. Мерси, по ее ощущениям, напоминала кошку, которая не узнает своих котят, когда те подрастают.

Сейчас же она сказала:

— Хорошо, мама, тогда, может, соберемся *у нас*? Тебе нужно будет просто прийти, и все.

— А если у Элис? — предложила Мерси.

— Элис! А почему не у меня?

— Но ты же работаешь, дорогая. У Элис больше свободного времени. Давай попросим ее взять это на себя.

— Ты говоришь так просто потому, что не доверяешь мне.

— Как не доверяю, что ты!

— Ты не собираешься менять свое представление обо мне, верно? Я же проблемный ребенок. Колледж так и не окончила, неверная жена и разрушительница чужой семьи, вышла замуж по залету. Ты просто не в состоянии признать,

что люди способны меняться. Но мне тридцать восемь! Я управляю большим магазином! У меня счастливый брак и сын, который на доске почета!

— Ну конечно, все так, дорогая, — успокаивающе проговорила Мерси. — И *я* знаю это.

Вот сейчас, вне всяких сомнений, они разговаривали именно как мать и дочь.

Моррис охарактеризовал предстоящее событие как «одобрение намерения».

— Принарядись-ка, дружище, — скомандовал он сыну пасхальным утром. — Нам предстоит одобрение намерения.

— Чего?

— Предстоит знакомство с девушкой твоего дяди Дэвида.

— Мы же не уверены, что она его девушка, — вмешалась Лили. — Он ведь не сказал это напрямую.

— Само собой, девушка, иначе с чего бы он хотел познакомить ее с нами?

Моррис завязывал галстук перед зеркалом в прихожей. Лили надевала парку (день, к сожалению, выдался холодный). Она и наполовину не была такой нарядной, как Моррис, — просто брюки и водолазка. А Робби, который до последней

минуты сидел в пижаме и смотрел мультики, наконец натянул джинсы, фуфайку и теперь пытался засунуть ногу в кроссовок, одновременно разворачивая зефирину. Лили неодобрительно цокнула языком и наклонилась помочь.

— Ты же помнишь дядю Дэвида? — уточнила она.

— Конечно.

— Он придет со своей подругой Гретой.

— Она красивая?

— Пока не знаем.

Она завязала шнурки на кроссовке сына и потянулась ко второму, только тут догадавшись добавить:

— Но это не имеет значения.

— Для *меня* — имеет.

Ему только что исполнилось одиннадцать, но выглядел он младше — круглолицый пухлый очкарик, копия отца. Лили удивилась, что он вообще задумывается о девушках.

В машине она пожаловалась Моррису:

— Вот увидишь, Элис обязательно скажет, что я положила в салат лишнего.

— Лишнего?

— Скажет, что не нужно было класть помидоры, потому что она приготовила томатное желе

или что-то такое. Но я спрашивала заранее. Сказала: «Просто расскажи про свое меню, чтобы я не повторялась». А она в ответ: «Я пока не придумала». Говорит: «Я ни разу в жизни не готовила пасхальный обед, откуда мне знать, что принято подавать?»

— Может, окорок? — предположил Моррис, включая поворотник. — Кажется, это традиционное пасхальное блюдо.

— Ненавижу помидоры, — внес лепту Робби с заднего сиденья.

— Я знаю, милый, — согласилась Лили. — Просто не ешь их. — Она взглянула на миску, которую держала в руках, хотя та была завернута в фольгу и содержимого все равно не видно. — Ну, по крайней мере, ветчины в моем салате нет.

Они влились в Окружную Балтимора, где движение оказалось на удивление плотным. Лили предполагала, что в такое время все должны быть в церкви.

— Надеюсь, мы не опоздаем, — сказала она. — Элис хочет, чтобы все собрались до приезда Дэвида. Планирует организовать, так сказать, торжественную встречу.

— Нормально успеваем, — ответил Моррис. — Не забывай, Дэвиду тоже придется пробираться

через пробки.

Моррис был ее опорой. На него всегда можно рассчитывать, если нужно успокоиться.

— А грибы там есть? — вдруг спросил Робби.

— Где?

— В твоем салате есть грибы?

— Ты что, совсем меня не знаешь? — в притворном возмущении обернулась к сыну Лили. — Разве я способна на такое?

Мальчик не рассмеялся. Поправил очки на переносице — у него это признак нервозности.

— А еще, — объявил он, — мне не нравится, когда взрослые говорят «Малыш Робби».

— Они вынуждены называть тебя Малыш Робби, чтобы не путать с Малышкой Робби, — объяснила Лили. — Ты же не хочешь, чтобы тебя путали с девчонкой, правда?

— А почему у Малышки Робби нет своего имени?

— Вообще-то это и есть ее имя. И ее так назвали раньше, чем тебя.

— Но это мужское имя, потому что Робином зовут дедулю.

Именно это Лили и сказала, когда семейство явилось к ней в гости впервые после рождения сына. Элис обвинила Лили в плагиате, а Лили

возразила: «Но *мой* ребенок — мальчик, ему это имя подходит больше».

— Робин — не только мужское имя, — спорила Элис. — Вообще-то у девочек оно встречается даже чаще.

— Но тем не менее нашего отца зовут Ро-бин!

— И потом, — не унималась Элис, — я старше.

— А какое это имеет отношение к делу?

— Старшие выбирают семейные имена.

— Вот это новость, — возмутилась Лили, но тут вмешалась Мерси:

— Господи, вы только послушайте себя! Это я должна обижаться. Двое внуков, оба названы в честь отца и ни один в мою честь.

— Ну, едва ли меня можно упрекать, что не назвала сына Мерси, — фыркнула Лили, но спор на этом закончился.

А действительно, почему Элис не подумала про имя Мерси? Может, оно ей просто не нравилось? Но сейчас Лили задумалась, что мать и вправду могла обидеться. Хотя в ее тоне не было никаких претензий, тон вполне жизнерадостный.

Моррис свернул налево, на Гарден-Гейт-Гарт, аллею с длинным рядом одноэтажных особняков на просторных газонах. Около усадьбы Элис, в середине квартала, он начал было поворачивать

во двор, но Лили остановила:

— Погоди, давай припаркуемся на улице. Не хочу, чтобы за нами кто-то встал.

— Точно, вдруг придется срочно сматываться, — усмехнулся Моррис, но сдал назад и поставил машину вдоль бордюра. Выключив двигатель, обернулся к Лили: — Готова?

— Готова.

Она хотела было ободряюще улыбнуться Робби, но тот уже вылезал из машины. Он всегда любил встречаться с кузенами.

Дверь им открыл Кевин.

— С Пасхой вас! — приветствовал он. Кевин, безупречно выбритый блондин, загорелый даже в апреле, в узких штанах и розовой рубашке поло. — Здорово, парень, — обратился он к Робби.

— Привет, — смутился мальчик.

— Пробки на Окружной? — поинтересовался он у Морриса.

— Еще какие, — отозвался Моррис, и все последовали за Кевином в гостиную.

Малышка Робби и Эдди сидели на коленках за кофейным столиком и складывали гигантский пазл. Малышка Робби только покосилась в сторону Робби, который подошел к ним, зато Эдди радостно предложил:

— Робби, привет, хочешь помочь с пазлом?

— Давай, — согласился Робби.

Эдди было всего девять, но одет он был в том же гольф-стиле, что и его отец. Одежда Малыша Робби, напротив, всегда была максимально мешковатой. (Он утверждал, что у него аллергия на швы.)

В такие моменты Лили так сильно любила своего мальчика, прямо до физической боли.

— Элис в кухне, — сообщил Кевин, и Лили, поблагодарив, направилась со своей миской салата в дальнюю часть дома.

Стол в столовой был разложен во всю длину, накрыт фамильной скатертью матушки Кевина, а по центру в ряд расставлены букетики розовых и лиловых гиацинтов.

— Цветы очаровательны, — сказала Лили сестре, входя в кухню.

Элис склонилась у открытой духовки, колдуя над здоровенным куском мяса.

— Что? А, спасибо. — Она захлопнула духовку, выпрямилась и сбросила рукавицы-прихватки. На Элис был строгий брючный костюм, темно-синий, волосы недавно «мелированы» — так это, кажется, называется. — Можешь поставить салат вон там, — указала она подбородком. — Ты

принесла заправку или сделаешь ее здесь?

— Он уже заправлен.

— Уже заправлен!

— Я все сделала дома.

Элис скривилась.

— Что не так?

— Ничего, — беспечно отозвалась Элис. — У нас будет ягненок, я так решила.

— Отлично. — Лили порадовалась, что не окорок.

— И я попросила маму принести ее фирменный десерт.

— Блестящая мысль.

— Еще мы поставили охлаждаться пару бутылок шампанского, на всякий случай. Вдруг Дэвид решит сделать торжественное объявление, типа того.

— Он что-то сказал, когда ты ему звонила? — спросила Лили. — В смысле, насчет Греты?

— Ни слова. Я сообщила, что мы собираемся у нас дома, и он сказал: «Хорошо». Я сказала: «Нам не терпится познакомиться с Гретой!» — а он только: «Повтори, как называется твоя улица?»

— Как обычно, — хмыкнула Лили.

— Он такой… каменная стена!

— Ну да, парни такие.

Лили тут же пообещала себе, что ее Робби таким никогда не станет. Впрочем, от нее это не зависело.

Элис вытащила из холодильника маленькую фарфоровую плошку:

— Я тут приготовила домашнее мятное желе.

— Ух ты! Много пришлось возиться?

— Ну, я хотела сделать нечто особенное.

— Думаю, мама потому и отказалась от стряпни, — сказала Лили. — Она точно не стала бы связываться с чем-то особенным.

— Бог мой, точно нет. — Элис с удовлетворением взглянула на желе.

— Помнишь? — продолжала Лили. — Когда мы ныли, что невкусно, она говорила: «Знаете, ваш *отец* никогда не жаловался». А потом принималась длинно и нудно рассказывать, как он пришел в восторг от ее…

— Пирога с лососем! — закончила за нее Элис.

— Запеканки, — поправила Лили.

— Что?

– *Запеканка* была из лосося.

— А, верно, — согласилась Элис. — Надо же! Запеканка из лосося в качестве первого блюда их брака. Их свадебный ужин в маленькой квартирке на Гикори-авеню, и что же она подает мужу?

Запеканку с консервированным лососем, — Элис покачала головой, — и с майонезом из банки, не иначе.

— Ага, не иначе, — выдавила Лили. (А что не так с майонезом из банки?)

В дверь позвонили. Сестры переглянулись. И пулей помчались встречать.

Но это были всего лишь родители. Кевин уже вел их в гостиную.

— Как пробки? — вежливо спрашивал он Робина.

— Да нормально, — отвечал Робин.

Он постарался принарядиться — клетчатая рубашка, чистые вельветовые штаны, — но выглядел все равно буднично. Робина непросто заставить вырядиться.

А вот пышная белая блузка Мерси, шерстяная юбка и туфли на каблуках соответствовали моменту. Она вручила Элис коричневый бумажный сверток:

— Мороженое.

— Ого! — Элис покосилась на Лили.

— Они еще не приехали?

— Еще нет, — ответила Элис и ушла с мороженым на кухню.

— Как жизнь, ребятня? — приветствовал Робин

трех своих внуков. На миг оторвавшись от пазла, они пробормотали свои «привет», и только Малышка Робби вскочила на ноги и обняла деда.

— Привет, дедуля, — обрадовалась она.

— Привет, милая.

— Привет, бабуль. — Она обняла Мерси, а та чмокнула внучку в макушку. Они были ужасно похожи — светло-золотистыми волосами, которые, к сожалению, не достались дочерям Мерси.

— Небольшой затык на Сорок третьем шоссе, — рассказывал Робин Моррису, и тут Малышка Робби громко сказала:

— Кажется, это они.

Все разом повернулись к окну, занавешенному прозрачной белой кисеей, через которую можно было различить лишь смутные контуры окружающего. Но вполне достаточно, чтобы Моррис шепнул Лили:

— Смотрю, *они* тоже припарковались на дороге. — И лукаво улыбнулся.

Одна, две, три фигуры появились на дорожке, ведущей к дому.

— Трое? — изумилась Элис. Никем не замеченная, она возникла из кухни. — Кого это они с собой прихватили?

Ребенок. Кто-то маленький, в юбке.

Все переглянулись.

— Так, собрались! — скомандовала Элис.

В дверь позвонили.

Кевин с Элис вместе вышли встречать.

— Привет! — услышали они голос Кевина.

И тут же Элис:

— Добро пожаловать! — А потом особым тоном, каким она всегда общалась с маленькими детьми: — Ну, здравствуй!

Неразборчивое бормотание. Женский голос, пара слов всего, затем Дэвид:

— Надеюсь, мы не опоздали.

— Нет, нет…

И вот они входят в гостиную, Дэвид впереди.

Всякий раз, увидев Дэвида, Лили вздрагивала. Мысленно она все еще представляла брата подростком — с золотистыми волосами и робким любопытным взглядом. Но волосы его давно потемнели и свисали длинными неаккуратными прядями, словно их уже пару недель как пора было подстричь, а лицо обрело твердость. Сегодня он был в джинсах и фланелевой рубашке с чуть потертыми манжетами. Типичный учитель, подумала она. Учителя всегда небрежно одеваются.

Женщина, вошедшая следом, была несколько старше Дэвида — лет на десять, а может, и боль-

ше. Она вела за руку девочку лет пяти-шести, и на лице у обеих абсолютно одинаковое выражение: обе сосредоточенные, серьезные, почти хмурые. Кевин и Элис вошли за ними, Элис смотрела изучающе.

— Всем привет, — начал Дэвид. — Позвольте представить Грету Торнтон и ее дочь Эмили. Грета, это мои родители, Робин и Мерси; моя сестра Лили…

Грета оказалась светлой шатенкой, короткие волосы завивались прямо надо лбом, а ее коричневое шерстяное платье запросто могло сохраниться еще с 1940-х. Светлые волосы Эмили были заплетены в косички так туго, что даже кожа на висках натянулась. И ее наряд тоже был старомодным — темное ситцевое платье с длинными рукавами, узкие ботинки на шнурках и гольфы.

— Как поживаете? — проговорила Грета, протягивая руку Робину. Она обошла всех, пожимая руки, даже детям, которые смущенно вскочили на ноги. Эмили рук хозяевам не пожимала, но держалась с таким достоинством, следуя за матерью и награждая каждого пристальным взглядом, будто бы обменялась рукопожатиями со всеми присутствующими.

— Рады познакомиться с вами, Грета, — сказала Мерси.

А Робин сказал:

— Как движение на I-95, сынок?

— Довольно оживленное, — рассеянно отозвался Дэвид. — Эмили, не хочешь помочь ребятам с пазлом? Эмили мастер в этом деле, — сообщил он племянникам.

Малышка Робби опустилась на коврик и гостеприимно похлопала ладошкой рядом с собой, но Эмили, обогнув кофейный столик, села на диван, на самый краешек, с идеально ровной спиной. Она взяла деталь пазла, из крайних, на которой был только кусочек синего неба, внимательно рассмотрела его, а потом перевела взгляд на всю картину.

Мужчины обсуждали бессмысленность перекрытия некоторых полос по выходным. Мерси расспрашивала Грету, бывала ли та прежде в Балтиморе. Элис выскользнула из комнаты как можно более незаметно — организовать еще одно место за столом, подозревала Лили.

Грета, как оказалось, никогда не бывала в Балтиморе.

— Я родом из Миннесоты, — сообщила она Мерси. Слова Грета выговаривала без явного ино-

странного акцента, но очень четко и аккуратно, а в «Миннесоте» произносила «т» жестко, как англичане.

— Вы преподаете в школе у Дэвида? — спросила Лили.

Грета перевела взгляд на Лили. Глаза у нее были светло-серые, излучавшие невероятное спокойствие — почти невозмутимость.

— Я школьная медсестра, — сказала она. Без малейшего смущения.

— О, медсестра!

— Работаю там всего год.

— То есть вы знакомы с Дэвидом уже год.

— Да.

Грета спокойно смотрела на Лили. Повисла небольшая пауза, во время которой из столовой донеслось звяканье приборов и стук посуды.

— Грета, позволите предложить вам хереса? — внезапно вмешался Кевин.

Лили с матерью смущенно переглянулись. Коктейли, днем? И херес! Неужели у Кевина с Элис имеется дома бутылка хереса?

— Нет, благодарю, — отказалась Грета.

Опять пауза. Больше никому Кевин хереса не предложил. Как будто эта мысль вообще вылетела у него из головы.

— Я сказал Грете, что по пути домой мы должны проехать через центр, чтобы она смогла посмотреть Харборплейс[12], — сказал Дэвид.

— Ой, да, ты обязательно должен показать ей Харборплейс! — воскликнула Мерси. — Балтимор очень гордится Харборплейсом, — обернулась она к Грете. Хотя Лили точно знала, что Мерси считает Харборплейс всего лишь помпезным универмагом.

— А на Четвертое июля там бывают фейерверки, — присоединилась к беседе Малышка Робби, и мальчики энергично закивали.

Эмили подалась вперед едва на пару дюймов и уложила деталь пазла, идеально соединив две длинные полоски неба.

— Думаешь, стоит толкаться в праздничных пробках около Харборплейс? — усомнился Моррис.

— Да ладно, мы попытаемся, — улыбнулся Дэвид.

А вот это что-то новенькое, удивилась Лили. Брат выглядел гораздо более спокойным, чем обычно. И, кажется, прибавил в весе несколько фунтов. А всегда был из задохликов.

---

[12] Примечания: 12
Знаменитый торгово-развлекательный центр в гавани Балтимора.

В дверях появилась Элис.

— Обед подан! — объявила она.

Атмосфера разрядилась. С видимым облегчением все встали и отправились к столу. Лили вдруг заметила, что Грета как будто слегка прихрамывает, чуть медлит, поставив на пол правую ногу, и оттого кажется старше своих лет — не только слишком стара для Дэвида, но определенно старовата для такого маленького ребенка. Откровенно говоря, эта женщина была полной загадкой.

Ягненок возвышался в центре стола, прямо перед Кевином, на блюде, украшенном петрушкой и миниатюрными красными перчиками, а вокруг были расставлены горы разнообразных гарниров, включая салат Лили.

— Грета, — сказала Элис, — вы садитесь справа от Кевина. Мама, ты слева…

— Я, должно быть, именно поэтому никогда особенно не праздновала Пасху, — заметила Мерси. Она разглядывала ряд гиацинтов. — Розовый и лиловый вместе. И кто *это* придумал, интересно.

— Эмили, милая, ты садись вон там, рядом с Эдди, — распорядилась Элис.

— У меня нет выбора? — тихим голосом спросила Эмили. Она обращалась к матери, не отрывая

взгляда от ее лица.

— У тебя нет выбора, — твердо сказала Грета.

— Грета, если вы предпочитаете, чтобы девочка села рядом с вами… — засуетилась Элис.

Но Грета сказала:

— Все в порядке.

И Эмили уселась рядом с Эдди, сложив руки на коленях.

Лили попыталась припомнить, слышала ли она когда-нибудь, чтобы ребенок так формулировал вопрос: «У меня нет выбора?»

Ее сын спросил бы: «Это обязательно?»

Ей самой отвели место рядом с Робби. Она даже могла незаметно касаться рукава его толстовки. Сын смеялся над историей, которую рассказывала Малышка Робби. Дети скучковались в дальнем конце стола, и три кузена тут же принялись болтать между собой, а Эмили молча наблюдала со стороны. Малышка Робби рассказывала про свою толстую учительницу музыки. Почему дети считают тучность забавной?

Или, по крайней мере, большинство детей. Не Эмили.

Отец Лили встряхнул салфетку, сложенную крылом.

— И что она приготовила? — тихонько обра-

тился он к Лили. — Ростбиф?

— Ягненка, — шепнула Лили в ответ.

— Хм.

Для Робина даже баранина была экзотическим блюдом.

Поскольку Грета и Лили оказались по одну сторону стола, Лили не могла наблюдать за ней в процессе обеда. Зато отлично было видно Дэвида, наискосок от нее. И она следила, как Дэвид постоянно поглядывает в сторону Греты, даже когда слушает рассуждения Морриса о текущем состоянии рынка недвижимости. И видела, как помягчело его лицо, когда Грета рассмеялась какой-то шутке Кевина. Брату определенно было важно, чтобы она чувствовала себя спокойно.

Никаких шансов, что Грета ему просто подруга.

С другой стороны, не прозвучало и никаких заявлений, которые потребовали бы шампанского. Разговоры вертелись вокруг последних новостей: Кевин внес предложение о строительстве торгового центра около Тоусона, а Мерси похвасталась, что «Коффе-кафе» согласились вывесить четыре ее картины. «Мама рисует портреты домов», — пояснил Дэвид Грете, потому что большинство тем, вообще-то, были подняты именно ради Гре-

ты. Эдакая презентация «Вот мы какие». Впрочем, периодически возникала и тема «А вы кто?». Элис, например, с напряженным вниманием осведомилась:

— Скажите, Грета, а вы всегда работали школьной медсестрой?

И Грета отвечала — с подчеркнутой доброжелательностью:

— Нет, до рождения Эмили я работала в отделении реанимации.

— О, представляю, как трудно было бы работать в реанимации, имея маленького ребенка, — посочувствовала Элис.

— Очень трудно.

Последовала пауза. Потом Элис спросила:

— А ее отец?..

— Мы в разводе.

— Ясно.

Вновь пауза.

— А кстати! — решительно сменил тему Моррис. — Дэвид, ты все еще не расстаешься со своим «фольксвагеном»?

— Именно так. И намерен сохранить его навеки, если получится.

— Должен признаться, завидую. Если бы не политика компании, я бы уже завтра купил себе

«жука». Я занимаюсь недвижимостью, — добавил он специально для Греты, — нам нужны вместительные автомобили, чтобы возить клиентов. — Таким образом, разговор вернулся в формат «Вот мы какие».

Дэвид, со своей стороны, рассказал, как его ученики поставили пьесу, которую он написал к выпускному. А Робин (в ответ на вопрос Дэвида) сказал, что нет, он не думает о выходе на пенсию в ближайшее время.

— Да я и так почти не работаю, — улыбнулся он. — Сейчас, когда у меня есть Лили. Лили — мой менеджер, — объяснение для Греты.

— Это, должно быть, очень славно.

Лили казалось, что обед тянется целую вечность.

* * *

Мороженое от Мерси оказалось шоколадным. Полгаллона домашнего шоколадного мороженого. Она, похоже, намеренно выбрала самый заурядный десерт. И фактически сама созналась.

— Я знаю, вы терпеть не можете вычурную еду, — произнесла она, пока Элис подавала сладкое.

Элис издала свой типичный несмешной смех.

— Мааа-ха-хаааам! Не то что мы терпеть не можем, у нас просто… обычные вкусы, в нашей семье.

— Вот именно, — подтвердила Мерси и обернулась к Грете: — Я закончила курсы французского кондитерского искусства, еще до свадьбы.

— Да что вы! — вежливо восхитилась Грета.

— Но, как выяснилось, совершенно напрасно.

— О, разумеется, нет.

Дети меж тем радостно зарылись в вазочки с мороженым — кроме Эмили, которая едва притронулась к своей порции и теперь слушала шутливую перепалку между остальными, переводя взгляд с одного лица на другое и улыбаясь лишь краешком губ. На ее фоне Робби выглядел на редкость общительным.

Когда Элис предложила кофе пить в гостиной, Лили подскочила и принялась было убирать посуду, но Элис сказала: «Не надо, брось!» А вот Грета просто встала из-за стола и поковыляла в гостиную, не сделав ни малейшей попытки помочь. Это было замечено. По крайней мере, Лили и Элис заметили и коротко переглянулись, якобы невозмутимо.

В гостиной Робин плюхнулся на диван и провозгласил:

— Вот не знаю, присесть или *прилечь* после такой еды.

Но Дэвид с Гретой остались стоять.

— Нам, пожалуй, пора, — сообщил Дэвид хозяйке дома.

— Как это? Сейчас? А как же кофе!

— У нас впереди долгая дорога, и если мы хотим заглянуть еще и в Харборплейс…

Все уже успели рассесться — на те же самые места, что и до обеда, — но теперь опять вскочили и суетливо толклись в общей неуверенности и растерянности.

— Эмили, — спокойно сказала Грета, — пора уходить.

Эмили, которая занялась было пазлом, тут же встала и подошла к матери.

— Не забудешь поблагодарить?

— Спасибо за обед, — проговорила Эмили ритуальную формулу, обращаясь к Элис.

— О, на здоровье, милая.

— Это было очень любезно с вашей стороны, — церемонно продолжила Грета и взглянула на Дэвида, передавая эстафету.

— Да, роскошный обед, Элис! Рад был повидаться со всеми. — И, махнув рукой на прощанье, Дэвид вышел в прихожую, а Кевин поспешил

следом подать им пальто.

К счастью, они не были особо сентиментальным семейством. Но обычно Дэвид хотя бы обнимал на прощанье мать и сестер, дружески хлопал по спине зятьев.

Это все Грета виновата, подумала Лили. Она понимала, что спешит с выводами, но не могла отделаться от чувства, что Дэвид находится *под ее влиянием*.

Вслух она ничего такого не сказала. Когда за всей троицей захлопнулась дверь, она просто выдохнула:

— Ну что ж!..

Одновременно с Кевином, который, вернувшись из прихожей, произнес:

— Что же, итак… — И энергично потер руки.

— Что ж, это было любопытно, — констатировала Элис.

Но тут Моррис, дорогой Моррис, заявил:

— Разве не здорово, что он наконец встретил кого-то! И какая вежливая малышка.

Все хмуро покосились на него, даже Робин.

Элис пошла на кухню за кофе, Лили — помочь ей принести чашки, а когда они вернулись, родные, похоже, вновь обрели дар речи.

— Сколько лет этой Грете? — вопрошал Кевин.

А Малышка Робби, подняв голову от пазла, сказала:

— Я подумала, что Эмили странная какая-то, а вы?

— Однако… — промычал Моррис.

— У меня лично нет претензий к Грете и Эмили. Мы их совсем не знаем, даже толком не познакомились. Не получили о них ни малейшего представления. А почему? Это Дэвид виноват. Только Дэвид. Почему он вел себя так отчужденно? Он на нас за что-то обиделся? — зачастила Мерси.

— Он обиделся за сантехническое лето, — вдруг выдал Робин.

— В смысле? — удивился Моррис, но остальные не отреагировали, они уже сто раз слышали эту историю.

— Я говорю про лето, когда он окончил школу, — сказал Робин. — Перед колледжем. Он хотел волонтерить в театральной труппе, в городском театре, но я сказал, что он должен найти работу, за которую платят. Колледж обходится в копеечку! Да, мы могли оплатить обучение благодаря деньгам, которые оставил отец Мерси, но я говорю о принципе. Понимаешь? То есть он собирался резвиться в театральной тусовке,

как какой-нибудь богатенький сынок, а осенью отправиться в колледж, где все уже оплачено, и вообще ни о чем не беспокоиться. Я сказал: «Нет уж, сэр. Ты должен этим летом сделать хоть что-то, чтобы внести свою лепту». Вот так я сказал. «Найди такую работу, которая хотя бы покроет твои карманные расходы». И я до сих пор считаю, что был прав. А как иначе он научился бы, спрашиваю я вас. Как иначе он мог узнать, как устроен настоящий мир?

— Хорошая мысль, — заметил Моррис.

— И я нашел ему работу у своего приятеля, сантехника. Настоящую работу: таскать трубы, копать канавы, отслужить, как обычный мужик. И он работал, прошел эту школу. Но всю дорогу дулся на меня. Парой слов со мной не перекинулся, ни на один вопрос не ответил. «Как прошел твой день?» — спрашиваю. А он отвечает: «А ты как думаешь?»

— А ты как *думал*? — спросила Мерси, покачиваясь в кресле-качалке, и неожиданно качнулась вперед так резко, что кофейная чашка звякнула по блюдцу. — А чего ты от него *ждал*?

— А когда наступил сентябрь, — продолжал Робин, не обращая внимания на ее слова, — он уехал в колледж. И не приезжал до Рождества.

А потом до весенних каникул. Весной я у него спросил: «Какие планы на лето, сынок?» А он сказал: «Ну уж еще на одно сантехническое лето я точно не подпишусь». И после экзаменов остался в Ислингтоне, что-то там делал в театре, и не являлся домой до самого начала учебного года. И вообще никогда с тех пор не приезжал больше чем на пару дней.

— Ну вот это неправда, — возразила Мерси. — На рождественские каникулы он приезжал надолго! На Рождество приезжал почти на целую неделю.

Робин многозначительно повел бровью, словно она лишь подтвердила его слова.

— Но ведь, — размышлял Моррис, — разные люди созданы для разной деятельности.

— Думаешь, Пол Ди любил копаться в канализации? — поинтересовался Робин.

— Кто это?

— Парень, к которому я отправил его работать. Думаешь, он прямо жаждал спускаться в подвалы к незнакомым людям и брести там по пояс в их дерьме из прорванных труб?

— Ну, может, продавцом в книжном магазине…

— Кто, Пол Ди? Не уверен, что он умел читать.

Все рассмеялись, но Моррис стоял на своем.

— Дэвид, я имею в виду, — пояснил он. — Дэвид мог найти работу более подходящую ему. Разные типы людей выбирают разные виды деятельности, вот что я хочу сказать. Как тот парень, с которым мы учились в школе. Он зарабатывает на жизнь, обрезая деревья. На высоте в сорок футов, в любую погоду, перепрыгивая с ветки на ветку. Я однажды спросил: «Ричи, как ты выдерживаешь?» А он мне: «Шутишь? Да я целыми днями на свежем воздухе! Мне не приходится надрываться в конторе, не нужно вести любезные беседы с разными уродами, желающими купить дом. Вот как *ты* выдерживаешь свою жизнь?»

— Но я пытался научить Дэвида, — сказал Робин. — Дать понять, что иногда человек должен сжать зубы и делать то, что должен. Неважно, «подходит» это ему или нет. Независимо от того, какого он «типа». Ему приходится идти *против* своей природы и смиряться.

— Ясно.

— Я был не прав? Ты думаешь, я был не прав?

Он, казалось, обращался сейчас ко всем сразу, но ответил один Моррис.

— Нет-нет. Я понимаю, — мягко проговорил он. И никто не добавил ни слова.

— Не думаю, что дело в той работе Дэвида, — говорила Элис Лили по телефону тем вечером. — Ну, судя по тому, как он о ней отзывался, «сантехническое лето». Шутливо. Легкомысленно. Я знаю, что он ненавидел эту работу, — а кто бы не возненавидел? — но он справился. Всего три месяца можно выдержать что угодно. Нет, виновата мама. Все дело в ее переезде.

— Да ради всего святого, Дэвид уже свалил к тому времени, — фыркнула Лили. — С чего ему переживать, где именно она живет?

— Знаешь, как говорят, если родители разводятся сразу же, как только дети вырастают и уезжают из дома? Говорят, что для детей это ничуть не менее болезненно, чем если бы случилось раньше, а может, и более, потому что ребенок мучается чувством вины, будто это из-за него, из-за того что бросил родителей одних.

— Какая чушь. Во-первых, мама и папа не разведены. И во-вторых, не уверена, что Дэвид вообще в курсе, что она живет в студии, даже сейчас. Он почти и не приезжал никогда. И он абсолютно эгоцентричен, давай смотреть правде в глаза.

— Эгоцентричен!

Элис, конечно, обиделась. Она всегда демонстрировала особую привязанность к Дэвиду: это

она была той старшей сестрой, которая стала ему второй матерью, почти *заменила* мать. В то время как Лили, которой было восемь, когда родился брат, всегда видела в нем всего лишь досадную помеху.

— Эгоцентричен сейчас и был эгоцентричен раньше, — повторила Лили. — Замкнутый, скрытный… Он хотя бы раз хоть намекнул, с кем дружит, в кого влюблен?

— Это потому что он мальчик, — упорствовала Элис. — Парни не любят откровенничать.

— Даже маленькие? Робби вот любит поболтать.

— И Дэвид любил, когда был маленьким. Помнишь? — В голосе слышалась улыбка. — Помнишь анекдот про мышку, который он любил?

— Нет.

— Как-то раз мышка и слон повстречались в джунглях. Мышка посмотрела на слона и говорит: «Ой, какой ты большой!» (Элис пропищала это тоненьким голоском.) А слон говорит (низким басом): «Ой, какая ты маленькая!» А мышь отвечает (опять тоненьким голоском): «Ну, это я болела».

Тишина.

— Дошло? — спросила Элис.

— Да, конечно, дошло, — вздохнула Лили, —

но…

— Дэвид прямо лопался от смеха всякий раз, когда рассказывал этот анекдот. А рассказывал он его *постоянно*, всем и каждому. Но подумай: шутка здесь в дурацком, бессмысленном объяснении, которое придумывает мышь, возвеличивая себя. Тебя не удивляет, что пятилетний мальчик это понял?

— Ему было пять? — уточнила Лили.

— Пять. Он еще ходил в детский сад.

— Так что ты хочешь сказать? Теперь он понимает, что семья не заслуживает того, чтобы с ней общаться?

— Нет-нет-нет, Лили.

— Он понимает, что разведенка на бог весть сколько лет старше него и есть та женщина, на которой он хочет жениться?

— Он ни слова не сказал о женитьбе!

— Ага, скажи теперь, что ты и вправду думаешь, что Грета всего лишь подруга.

— А кто знает? Может, и так.

И они сменили тему, начав обсуждать принесенный Мерси десерт.

* * *

Ни Лили, ни Моррис и не думали поинтересоваться мнением Робби насчет Греты, но на следующий день за ужином он спросил:

— Мама, мать Эмили собирается замуж за дядю Дэвида?

— Не знаем, милый, — ответила Лили. — А почему ты спрашиваешь?

— Потому что папа сказал, что она девушка дяди Дэвида, а Эмили сказала, что нет.

— Правда? — И Лили с Моррисом переглянулись. — Ну, значит, так.

— У Эмили уже есть папа в Миннесоте, вот почему.

— Вот как.

— И она ездила к нему на Рождество, сама.

— Понятно.

Робби задумчиво облизывал ложку с картофельным пюре. А потом спросил:

— Когда вы с папой женились, твоя семья одобряла намерение?

Лили рассмеялась — в основном от неожиданности. Она и не подозревала, что у Робби это застрянет в голове.

— Конечно, — ответила она. — Сначала твоя

тетя Элис познакомилась с ним, а потом дедуля с бабулей, и все его сразу полюбили.

— Ну, я бы не заходил *настолько далеко*. — Моррис потянулся за печеньем. — Мне пришлось выдержать довольно тяжелый разговор с твоим дедулей, — сказал он Робби. — Я ужасно нервничал, так как все меня бросили.

— А о чем вы говорили?

— Ну…

— О крыше, — вмешалась Лили.

— Разве? — удивился Моррис.

— Вы разговаривали о том, стоит ли покрывать шифером крышу нашего дома.

— Это уже потом было, — возразил Моррис. И продолжал, обращаясь к Робби: — Прежде всего, я рассказал твоему деду, что очень-очень серьезно отношусь к твоей маме. Рассказал, как я впервые положил на нее глаз — она пришла тогда на работу с картонной коробкой, такой деловой коробкой, в черно-белую крапинку, водрузила эту коробку на стол, открыла и достала из нее баночку крема для рук, маленький кактус в горшочке, фотографию кота в рамочке, который, кстати, к тому времени уже умер, то есть это было фото *умершего* кота…

— Моррис, умоляю! — возмутилась Лили.

А Робби одновременно с ней воскликнул:

— А от чего он умер?

— Это была она, кошка, — проворчала Лили. — И умерла она от старости.

— А на фотографии она была прям мертвая?

— Нет, конечно! О господи…

— Ну и вот, когда твой дедушка выслушал все это, — продолжал Моррис, — он сказал: «Ну тогда ладно! Хорошо!» — Тут Моррис вскинул ладони, как бы признавая поражение. — «Тогда валяй», — сказал он.

— Ха! — обрадовался Робби. — Ты выиграл, пап!

— Определенно. — И Моррис с Лили улыбнулись друг другу через стол.

Однако Моррис многое выпустил из этой истории. Например, как после той их первой встречи на работе он месяцами благоговейно смотрел на нее влюбленными глазами и стал объектом шуток всего офиса, а Лили не обращала на него никакого внимания. И как потом он иногда решался заговорить с ней в столовой. И как она постепенно поняла, что он вообще-то очень милый парень, добрый и чуткий. Хотя, конечно, не ее типа. Пока вдруг не оказалось, что именно ее.

Заподозрив, что беременна, Лили пришла в

ужас. Поняла, что беспечное поведение все эти годы основывалось на допущении, что в любой момент у нее есть вторая попытка, возможность все изменить, но вдруг оказалось, что вовсе нет. Случившееся было абсолютно реально и абсолютно необратимо. Настоящая беременность во времена, когда аборты запрещены. «Очень женатый» мужчина — *нерушимо* женатый, понимала она, как зачастую бывает с бездетными парами. Поэтому Лили сообщила ему новость просто как информацию, не задавая никаких вопросов: «Я беременна, но ничего от тебя не жду, я справлюсь сама».

Это случилось после того, как ее уволили (небольшая проблема с хроническими опозданиями), и она не представляла, как заработать на жизнь. Но не забивала себе голову проблемами. Как-нибудь наладится.

А потом однажды ночью ее разбудил звонок в дверь, она поплелась в прихожую, заглянула в дверной глазок и увидела бледного, с застывшим лицом Морриса, в смешных совиных очках. Лили открыла дверь, и он сказал:

— Я должен быть здесь. Не могу по-другому. — Вошел, поставил на пол нелепо маленький чемодан из искусственной кожи. — Пожалуйста,

не прогоняй меня.

И вот это «пожалуйста» тронуло ее до глубины души. Впрочем, она и так не собиралась его прогонять, ни при каких обстоятельствах.

Лили знала, что семья будет над ним потешаться. Или как минимум сочтет его забавным. Она понимала, что Моррис производит впечатление чопорного зануды, любителя обстоятельно пересказывать сюжет фильма и долго задумчиво мычать, подбирая нужное слово, и что со временем у него вырастет округлое брюшко, если он не перестанет постоянно хватать печенье. Какой контраст с прежними ее мужчинами! — наверняка подумает семейство, с эффектными, темпераментными и дерзкими красавцами, которые ей всегда нравились. (БиДжей в мотоциклетной куртке, такой галантный и обходительный, пока они не поженились, — и тогда вдруг он в одночасье начал воспринимать ее как тяжкое ярмо.) Но такого типа мужчины теперь не привлекали Лили, ничуть. Три месяца кошмара отрезвили ее — сломили ее, — и она поклялась, что никогда больше не будет такой уязвимой.

А Моррис вдруг кивнул сам себе, словно пришел к какому-то заключению.

— Знаешь, — сказал он, — может, Грета вчера

нервничала точно так же, как я тогда с твоим отцом. Может, она из тех, кто держится холодно и замкнуто, когда не уверен в себе, а когда она познакомится с нами поближе и немного оттает, тогда и она нам больше понравится.

— Ох, милый, какой ты у меня славный. — И Лили потянулась через стол и погладила мужа по руке.

— А что, — подвел итог Робби, — я лично одобрил бы Грету.

— Да неужели, дружище? — улыбнулся Моррис.

— А потом мы с Эмили подружились бы.

— Ах, Эмили. — Моррис усмехнулся. — Ну, ты можешь подружиться с Эмили, даже если они не поженятся.

— Правда?

— Безусловно.

— О, отлично! — И Робби радостно зачерпнул еще картошки.

* * *

Но они все-таки поженились.

Новость сообщила Элис. Позвонила вечером в пятницу, когда Лили смотрела «Невероятного Халка» вместе с Моррисом и Робби.

— Они поженились! — выпалила с места в карьер Элис.

— Кто?

— Дэвид и Грета. Они поженились.

— О боже… — выдохнула Лили, и Моррис вопросительно взглянул на нее. — Подожди, я перейду в другую комнату. — Она вручила трубку Моррису и поспешила в кухню. — Слушаю, — сказала она, как только Моррис у себя положил трубку. — Рассказывай с самого начала.

— Да нечего особо рассказывать. Пришла открытка с благодарностью от Греты, где написано… погоди… — Послышался какой-то шорох. — Написано: «Дорогая Элис, благодарю Вас за великолепный пасхальный обед. Рада была познакомиться». Новый абзац. «Мы с Дэвидом хотели бы сообщить, что вчера мы поженились. Единственным гостем была Эмили, потому что мы не хотели никакой шумихи. Надеюсь, Вы пожелаете нам счастья. С уважением, Грета Торнтон Гарретт».

— И *все*?

— И все.

— Ну что ж, — проговорила Лили после паузы, — думаю, они имеют право поступать так, как хотят.

— Без предупреждения. Без объявления о помолвке. Они что, боялись, что мы разрушим свадьбу? И кто в итоге поставил нас в известность? Грета! Даже не сам Дэвид! Нам написала Грета! У меня такое чувство, будто мне сообщили о смерти брата.

— Перестань, Элис!

— Маме с папой я пока не говорила. И даже Кевину. Все кажется, что если не произносить этого вслух, то ничего и не случилось.

— Ты звонила Дэвиду?

— Дэвиду?

— Ты звонила ему поздравить?

— Ты *чокнулась*? Ну право, Лили. Я понимаю, что ты не так сильно к нему привязана, как я, ты всегда ревновала, потому что до его появления ты была младшей. Но неужели ты не понимаешь, как это болезненно для меня? Не знаю, смогу ли когда-нибудь относиться к нему по-прежнему.

— И ничего я не ревновала! — возмутилась Лили.

— Боже, сейчас она начнет все принимать в штыки. — Элис наверняка устало воздела глаза к потолку.

— Да мне *пофиг* было, что он младший! Я хочу сказать… Слушай, Элис, вспомни, что сказал Мор-

рис. Разве мы не должны радоваться, что Дэвид встретил наконец кого-то?

— Что он встретил разведенку втрое старше себя, которая не снизошла до разговора с нами?

Лили расхохоталась.

— Что смешного?

— Тебя послушать, так бедняжка одной ногой в могиле. Не *настолько* уж она старая.

— Просто древняя. И, честно говоря, я понятия не имею, откуда она.

— Из Миннесоты.

— Но как она туда попала?

— Неудачный первый брак, к примеру, развод, она переехала с дочерью на восток. Перестань, — вздохнула Лили. — Не вижу никакой проблемы.

— Ты так говоришь, потому что хочешь казаться более прогрессивной, чем я.

— А я и есть более прогрессивная, чем ты.

— В то время как меня, с другой стороны, волнует счастье Дэвида.

— Я хочу сказать только, что Моррис думает…

— Моррис думает, что наша семья недружелюбная, косная и осуждающая, знаю. Я все это уже слышала.

— Вовсе нет. Моррис думает, что, возможно, Грета вела себя так, потому что очень нервнича-

ла. Он говорит, что, может, она нам понравится со временем, — сказала Лили. И добавила: — Но если уж ты намерена и дальше заканчивать за меня каждую фразу, то попробуй хотя бы заканчивать *правильно*!

И бросила трубку. Пригладила волосы, одернула юбку и вернулась к телевизору.

* * *

Лили дождалась перерыва на рекламу, прежде чем сообщить новость Моррису.

— Угадай, что рассказала Элис.

— Она уходит от Кевина?

— Не говори глупостей.

— Они переезжают в однокомнатную квартиру в Гованс?

— Очень смешно.

— Тсс! — Робби любил смотреть телевизор внимательно, даже рекламу.

— Дэвид и Грета поженились.

Робби изумленно повернул голову и уставился на мать.

— Да ты что! — обрадовался Моррис.

— Грета прислала Элис открытку, в которой благодарила за обед, и между делом упомянула о свадьбе.

— Но они не пригласили нас! — возмутился Робби.

— Да это не была прямо свадьба-свадьба. Но все же… — Лили многозначительно посмотрела на Морриса. — Когда приезжали на Пасху, они, должно быть, уже собирались пожениться. Почему они хотя бы просто не сообщили об этом?

— Может, не хотели скандала, — предположил Моррис.

— Мы бы не устроили никакого скандала!

— Да, но, может, Дэвид опасался, что кто-нибудь скажет что-нибудь… неодобрительное.

— Мы были очень приветливы! Мы даже шампанское приготовили!

— Правда? — удивился Моррис.

— Мы вовсе не бесчувственные чурбаны, ты прекрасно знаешь.

— Эй! Вы там! — предостерегающе воззвал Робби, потому что на экране вновь появился Халк.

Лили встала и вышла в кухню. Здесь царила благостная тишина, еще более благостная после воплей в телевизоре. Она села за стол, потянула к себе записную книжку, висевшую на веревочке рядом с телефоном.

Она даже не помнит номера телефона брата, разве этим не все сказано! Лили набрала номер

и села поудобнее, слушая гудки на другом конце линии.

Лили решила, что если ответит Грета, она будет вести себя откровенно восторженно. Прямо как чирлидерша. «Грета! — заорет она. — Это твоя новая сестра!» Или нет, пожалуй, нет. Это как-то чересчур. «Привет, Грета, я так рада была услышать…»

Но трубку снял Дэвид:

— Алло?

— Привет, Дэвид.

— Привет, Лили.

— Так ты женился.

— Точно.

— Что ж, поздравляю.

— Спасибо.

Он как будто ждал большего.

— Так неожиданно! — сказала она. — Я и не знала, пока Элис не сказала.

— Да, знаешь, я собирался рассказать. Хотел сначала написать маме с папой.

— Понятно. Ну. Ладно. Просто хотела сказать, что очень рада за тебя.

— Спасибо. — Но, кажется, он все еще чего-то ждал.

— Грета мне показалась очень милой, — нако-

нец решилась она.

— О да, она милая, — подхватил Дэвид. — Она такая… необыкновенная! Знаешь, у нее ведь была нелегкая жизнь. Родители у нее иммигранты, которые выбивались из сил, зарабатывая на жизнь, а в детстве она перенесла полиомиелит; потом, пока училась, работала официанткой, сиделкой у стариков, посудомойкой в ресторане…

Лили не могла припомнить, когда она в последний раз слышала от Дэвида столько слов за раз. Целый поток слов, настоящая река.

— Муж ее был полной скотиной. Ортопед; он бросил ее и ушел к своей секретарше, когда Эмили был всего месяц от роду, а сейчас изображает из себя *отца* — добивается опеки, хотя с самого начала он просто отказался от дочери, не пожелал дать ей…

— Да, Эмили такая славная, — вставила Лили.

— Она самое дорогое, что у меня есть.

Лили онемела.

— Она такая… понимаешь, она не обычный ребенок. Я обожаю наблюдать, как работает ее мозг! Должен тебе сказать, Лили, мне никогда в жизни и в голову не приходила мысль о детях. Я вообразить не мог, что *свяжусь* с детьми. Но на Рождество, когда Эмили улетела в гости к

своему отцу, я беспокоился даже больше, чем Грета. Мы провожали ее в аэропорту, и я сказал: «Эмили, — сказал я, — представь, что кто-нибудь начнет приставать к тебе, заговаривать с тобой. И представь, что тебе это станет неприятно. В таком случае тебе нужно сделать вот что — я хочу, чтобы ты прямо сейчас огляделась и выбрала человека, к которому обратишься за помощью. Того, кому, как тебе кажется, можно доверять». А Грета засмеялась и говорит: «Дэвид, у нее будет собственная стюардесса, ее сопровождающая. У нее на одежде прикреплена бирка. Малышка пронумерована, как посылка. Все будет хорошо!» Но Эмили уже начала оглядываться вокруг и говорит: «Ну не знаю… может, я могу доверять вон тому человеку?» Ты представляешь, она указывает на абсолютно неподходящего мальчишку-подростка, который пританцовывал неподалеку под музыку из своего плеера. Во как!

Лили не верилось, что слышит настоящего Дэвида. И Дэвид, кажется, это почувствовал, потому что внезапно умолк и смущенно откашлялся.

— Да уж, только послушать меня… — И потом, уже спокойнее: — Грета меня до сих пор поддразнивает той историей. Когда мы впервые заговорили про свадьбу, она шутливо ткнула

меня под ребра и сказала: «Признавайся, тебе жена нужна или дочь?» И я сказал: «Обе! Хочу обеих! Мне нужен полный комплект!» Я очень хотел иметь семью. Никогда не думал, что так случится, но вот же. И я буду хорошим мужем и отцом, Лили, точно знаю, что буду.

— Конечно, будешь, — согласилась Лили.

Хотя могла сказать гораздо больше. «Черт побери, Дэвид! — могла бы она сказать. — Ну наконец-то! Я уж думала, ты никогда не найдешь себя!» Но не хотела его отпугнуть, потому вновь повторила, еще увереннее, что очень рада за него, а он еще раз ее поблагодарил, и они попрощались. Потом Лили некоторое время просто сидела за столом, глядя в пространство.

Вообще-то она не помнила, как Дэвид рассказывал анекдот про мышку. Может, ей он никогда его и не рассказывал, хотя маловероятно. А может, в свои тринадцать она была слишком занята собственными переживаниями, чтобы слушать брата. В любом случае ничего в ней не отозвалось, когда Элис напомнила о той истории. Но сейчас Лили отчетливо слышала его тонкий голосок, слышала, как маленький Дэвид задорно выкрикивает последнюю фразу. «Я болела!» — восклицал он, и Лили слышала этот заливистых

смех, который долетел до нее сквозь годы из тех давних-давних времен, когда все они еще были семьей.

5

Пятидесятая годовщина свадьбы Робина и Мерси пришлась на четверг. Точнее, на четверг 5 июля 1990 года. Робин сперва подумал, что день неудачный. Кто назначает торжество на четверг? Особенно в дневное время. А праздник обязательно должен состояться днем, потому что в нем участвуют маленькие дети.

Но потом нашел решение. Ему ведь хочется, чтобы получился сюрприз, а если назначить вечеринку до официального юбилея — скажем, в воскресенье накануне, воскресенье же самый удобный день недели для всех, — то гораздо больше шансов застать Мерси врасплох.

Кажется, все отлично складывалось.

Робин начал с Лили — заехал к ней на работу. Теоретически он уже вышел на пенсию, но то и дело норовил заскочить в семейный магазин, потому что чем еще ему заняться? Каждый день он неторопливо завтракал, потом некоторое время валял дурака, но потом у него начинало зудеть. Робин слонялся по дому, ковырялся во дворе, однако тамошние хозяйственные дела

очень быстро заканчивались, и в итоге он оказывался перед холодильником и таскал холодные спагетти прямо из кастрюли, хотя совсем не был голоден. (Все брюки уже едва сходились на талии. Кто бы мог подумать, что Робин располнеет?) И в конце концов возникал на пороге магазина, исключительно полюбопытствовать, то есть «разнюхать», как ворчала Лили.

— Что ты тут вынюхиваешь? — сердилась она, но в шутку. — Ты должен валяться дома на диване.

— Не знаю, — виновато отвечал он. — Не из тех я, кто валяется по диванам.

Сегодня он застал дочь в кабинете. Лили сидела за его столом, прижав к уху телефонную трубку, но, судя по всему, пока дожидалась ответа на линии; пальцы рассеянно теребили телефонный провод. (И да, для Робина это по-прежнему был «его» стол, и он всякий раз переживал короткий стресс, видя за ним женщину, пускай даже такую суровую женщину, как Лили, в практичных рабочих штанах и с завязанными в короткий хвостик волосами.)

Он поскреб ногтями дверной косяк и беззвучно спросил:

— Занята?

Дочь выпустила провод, помахала ему пальцами:

— Привет, пап.

— У меня есть предложение, — сразу начал он.

— Да? И какое?

— Подумал тут закатить небольшую вечеринку.

— Вечеринку!

— Для твоей мамы. В честь нашей пятидесятой годовщины.

— Так, погоди-ка, — сказала она. — Что… — А затем в трубку: — Алло? Да, я слушаю. Да, Лили Дрю из «Сантехники Веллингтона».

Робин попятился за дверь, не стал мешать дочери заниматься делами. Направился было к двум работягам в комбинезонах, которые выбирали смеситель для раковины, но они на него и не взглянули, поэтому Робин решил не лезть с советами. Переместился к следующей витрине.

Через пару минут появилась Лили.

— Итак. Золотой юбилей.

— Точно, — улыбнулся Робин.

— Черт возьми, пап. А что мама об этом думает?

— Она ничего не знает. И я не хочу, чтобы знала, хочу устроить сюрприз.

— Ого. Но, откровенно говоря, мама не из тех, кто любит сюрпризы.

— Но, понимаешь, если я скажу заранее, она может решить, что я прошу ее помочь. Прибраться в доме, приготовить еду и все такое. Это ее раздосадует. И потом, она много работает, рисует свои картины, ты же знаешь.

— А ты не можешь сказать, что *не просишь* помощи? Сказать, что будет праздник, но ей не о чем беспокоиться, что ты сам все организуешь?

— Тогда она будет уверена, что я все сделаю не так.

— Ну…

Он понимал, о чем думает Лили. Для Робина дочь была как раскрытая книга. Она думает, что отец, скорее всего, *действительно* все сделает не так.

— Я надеялся, что вы с сестрой поможете мне советом, — сказал он. — В смысле, не с закусками и прочим — на этот счет у меня есть свои соображения, — но подскажете, как вообще принято праздновать золотой юбилей.

— А как быть с гостями? — спросила Лили. — Ты же знаешь, у нее всегда есть особое мнение, кого следует пригласить.

— Гости — наша семья, — сказал Робин. — С

этим-то она спорить не станет?

— Наверное.

— Сейчас, например, — ловко ввернул он, — вы, девочки, могли бы прикинуть, в какое время лучше все устроить. В воскресенье, думаю, — в воскресенье первого июля, — но вот днем или вечером? Не забывайте, что у нас есть малышня.

— Нет, только не вечером! Если будут дети, то не вечером!

Он сделал вид, что размышляет.

— Да, ты права, — сказал он наконец.

— Давай днем, устроим ранний обед. И тогда Дэвид со своими смогут вернуться домой до темноты. И организуем все у нас дома, если ты не против.

— Нет, я хотел бы в нашем доме, — возразил Робин.

— У вас. Хорошо.

Ну вот и договорились. Как легко вышло-то.

* * *

Величайшее достижение Робина: ни один из его детей не догадывался, что Мерси больше не живет дома.

Да, они знали, что если хотят связаться с мамой, то первым делом надо звонить в ее студию.

Ну, по крайней мере, девочки знали. (Что там знает Дэвид, не поймешь, он почти ни с кем не общался.) И никогда не удивлялись, если, заскочив домой по какому-нибудь делу, заставали там одного Робина. Это можно было объяснить ее работой, увлеченностью живописью. Художники! Они же все ненормальные. В хорошем смысле, разумеется.

И самый большой его страх: Мерси однажды возьмет да и выложит детям правду. «Мы с вашим отцом живем раздельно», — скажет она вдруг, бросит так между делом, как ни в чем не бывало, как будто бы им и так это давно известно. Это убьет детей. Они будут полностью раздавлены. Одна только мысль, что Мерси может такое выкинуть, приводила Робина в ярость, хотя она ни разу ни словом не обмолвилась на болезненную тему. Злиться ему было не на что.

Его двоюродная бабушка, которую он называл тетушкой Элис, не одобряла Мерси. Нет, впрямую она так не говорила, просто возражала против брака в принципе. «Я только хочу тебя предупредить, — говорила она, — что за то качество, из-за которого ты на человеке женишься, за то же самое ты его в итоге и возненавидишь». Робин понимал, что тетушка намекает на «аристокра-

тические манеры» Мерси, как она их называла, но женился-то он не из-за них. Какое ему дело до социальных условностей? Нет, именно спокойное достоинство Мерси, вот что его привлекало — ее уверенность, осанка, когда она стояла за прилавком. Она так отличалась от назойливых, смешливых, кокетливых девчонок, с которыми он имел дело раньше. Вопросы социальных различий волновали исключительно тетушку Элис, всю жизнь проработавшую на консервной фабрике.

С тетушкой Элис он жил с четырнадцати лет, с того момента, как его мать умерла от рака. Хотя на самом деле, как говорила тетушка, умерла она от душевной боли и разбитого сердца. «Если б не твой папаша, — вздыхала тетушка, — она и по сей день была бы жива и здорова». Отец его был шофером-дальнобойщиком, где-то в Нью-Джерси нашел себе другую и подал на развод, когда Робину было всего шесть лет. «Развод» — слово, похожее на нож, твердое, острое и жестокое, причина маминого беспросветного горя и вечной глухой тоски. После случившегося она пошла работать в химчистку, перешивала одежду, но, думая о матери, Робин помнил только, как она бесконечно лежит, свернувшись запятой, на

диване в гостиной. Он допускал, что могут существовать причины — физическое насилие, например, — оправдывающие развод, но во всех остальных случаях — категорически нет. Пары, которые разводятся, они просто безответственные саботажники. Выросли, но так и не повзрослели. Он так и сказал Мерси, когда делал предложение. «Прямо тебе говорю, — сказал. — Если ты можешь хотя бы представить, что мы с тобой когда-нибудь разведемся, тогда я не хочу, чтоб ты вообще соглашалась выходить за меня». И она знала, что он не шутит. Обхватила себя за плечи, взглянула ему прямо в глаза и сказала: «Обещаю тебе, Робин. Такого никогда не произойдет».

Но кто знает, что привлекло Мерси в *нем*? Он до сих пор, после всех этих лет, дивился, что она вообще обратила на него внимание. Он же понимал, каков он — и смотреть-то не на что, фигурой не вышел, вести себя не умеет, неуклюжий, вечно все делает через пень-колоду, а потом часами ноет, с досадой качая головой. Бывало, сосед окликнет, приветствуя, Робин крикнет в ответ: «Ага, привет!» — махнет рукой как дурак и тут же сообразит, что сосед здоровался с кем-то другим, дальше по улице. Или кассирша в магазине ска-

жет: «Приятного аппетита», когда Робин уходит днем обедать, а он ей: «И вам», а потом, уже на улице, с досадой шлепает себя по лбу, потому как она-то на обед не собиралась! Она только что вернулась с перерыва, елки-палки!

Самые простые действия бывали для него мучительны. Он, кажется, совсем не понимал намеков. Но все равно Мерси любила его. Он никогда не спрашивал ее за что — боялся, что если она всерьез задумается, то поймет, что ошиблась. Просто лелеял эту мысль, прижимал ее к груди, поглаживал и берег с того самого дня, как Мерси сказала ему «да»: Мерси меня любит.

* * *

Позвонила Элис.

— Итак, я слышала, ты собираешься устроить юбилейное торжество.

— Верно, — согласился он. Отодвинул миску с чили и сел в кресле поудобнее. Элис обычно звонила в районе шести часов, когда он ужинал, чтобы составить компанию, так сказать. Вообще-то Робин не любил делать два дела сразу, поэтому всегда прерывал трапезу, пока они не попрощаются, но Элис об этом не знала.

— Я просто хотела сказать, — сообщила она, —

что, по моему мнению, вечеринка-сюрприз никогда, ни при каких условиях не может быть хорошей идеей.

— Ладно, — согласился он.

— Так ты прямо сейчас расскажешь маме, что запланировал?

— Ну нет, дорогая.

На том конце линии повисла тишина. Наверняка дочь сейчас в отчаянии закатила глаза перед Кевином.

— И вообще, — не сдалась Элис, — это *мы* должны этим заниматься. Мы трое, ваши потомки.

— Мне очень приятно твое предложение, — сказал он. (Хотя она, вообще-то, ничего пока не предложила.) — Но я уже все придумал, спасибо. Я все устроил.

— Пап…

— Погоди-ка! — обрадованно воскликнул он. — Я все же хочу попросить тебя об услуге.

— О какой?

— Не могла бы ты позвонить Дэвиду и убедить его обязательно приехать? В воскресенье первого июля, в полдень. Скажи, это очень важно, чтобы он присутствовал. Ты лучше знаешь, как с ним разговаривать.

— Но… он может быть занят… — замялась

Элис.

— Даже если он занят! Скажи, что это очень важно. Скажи, если нужно, они могут остаться на ночь.

— Ночевать он точно не захочет.

— Но попытайся, слышишь? Ты умеешь с ним ладить.

— Ну… — протянула Элис, — ладно.

Он чуть улыбнулся, мысленно поздравив себя.

— И насчет меню, — продолжила Элис.

— Я составил меню.

— Как это? И что ты намерен подать?

— Все под контролем, — успокоил он.

— Но я могла бы приготовить свои…

— Я все уже сделал. Спасибо, милая. Пока.

Он повесил трубку и придвинул к себе миску с чили.

* * *

Смогли прийти все, кроме обоих Робби (Малышка Робби этим летом работала вожатой в летнем лагере в Ренобот, а Малыш Робби уехал в Испанию по программе обмена от своего колледжа). Даже Дэвид с семьей смогли приехать. Элис не распространялась, трудно ли было его убедить, а Робин и не спрашивал. Она лишь сказала, что

ночевать они отказались.

Робин заплатил соседке за уборку дома. Та провозилась целый день и привела в порядок только первый этаж. После этого он старался быть предельно аккуратным, чтобы не захламить жилье по новой.

Торт он заказал в супермаркете, потому как это надо совсем выжить из ума, чтобы пытаться испечь самому, особенно для Мерси. Все продукты, которые понадобятся, Робин заготовил заранее — очень простые, он не больно-то ловок в стряпне, — покосил газон и подрезал глицинию, которая заслонила половину крыльца.

А люди делают друг другу подарки на свои собственные годовщины? Разумеется, он был уверен, что да, хотя у них с Мерси это как-то не принято. Но что же ей подарить? «Золотой юбилей», так он называется, тогда, наверное, подарок должен быть из золота. Но Мерси не носила украшения. Даже обручальное кольцо, тоненькое как проволочка, обычно жило в мыльнице за кухонной раковиной. Кроме того, она, конечно, не подготовит никакого подарка для него, так зачем же ее смущать? Вот так он себя уговаривал.

— Ну что, каков план? — спросила Лили в пятницу накануне праздника. Он заскочил в

семейный магазин, но только на минутку, поздороваться — в последние дни времени у него было в обрез. — Как ты уговоришь маму появиться в нужный момент?

— Я подожду до самого воскресенья, а потом позвоню и скажу, что Дэвид приехал.

— Дэвид, значит…

— Позвоню в студию и скажу, что они ехали куда-то там и заскочили по пути, и не хочет ли она зайти повидаться с ними.

— Предположим…

— Воскресенье же. Вряд ли она поедет к клиентам или еще что.

— Ну ладно, — вздохнула дочь, и Робин не понял почему.

* * *

Погода в воскресенье выдалась идеальной. Солнечно и тепло, но не жарко, не такая жарища, как на прошлой неделе, но вообще Мерси любит жару. Как большинство знакомых Робину женщин, она вечно жаловалась на сквозняки.

Он открыл все окна и двери и опустил маркизы. Стол он попросил накрыть соседку, заранее, еще когда та приходила прибраться, хотя это и означало, что в течение нескольких дней столовая

будет более-менее недоступна, зато сейчас он только расставил блюда, не нуждавшиеся в холодильнике, — булочки, масло и салат из огурцов с уксусом. Потом поставил на холод газировку и несколько баночек пива для парней.

Хотя Кевин, конечно же, непременно притащит шампанское. Этот парень помешан на шампанском. По любому поводу — день рождения, праздник, выпускной — он должен явиться с «шампусиком», как он говорит. И всегда с дорогущим, чистый грабеж, по мнению Робина. Самому Робину больше по душе пиво или «Доктор Пеппер». Он подозревал, что остальным тоже, но они все такие вежливые. Бормочут «Спасибо, Кевин», и «Здоровья всем», и «Как изысканно», а сами отхлебнут глоточек, отставят бокал и забывают о нем или выходят с бокалом в кухню якобы по делу, а возвращаются с пустыми руками.

О, на что только не пойдет эта семейка, лишь бы не испортить идеальную картинку, как они ее себе представляют!

И точно, Кевин явился с особой термозащитной сумкой, самый первый прибыл, вошел через заднюю дверь и прямиком к холодильнику, пока остальное семейство медленно тянулось следом — Элис, Эдди и маленькая Кендл со своим пуп-

сом, без которого она минуты прожить не могла. Сразу за ними приехали Лили с Моррисом и Сереной. Между Кендл и Сереной всего год разницы — малявки-детсадовцы, — и обе застенчиво разглядывали друг друга, пока взрослые суетились на кухне, периодически совершая набеги в столовую, чтобы проверить, все ли в порядке.

— Прекрасные цветы, пап, — сказала Элис.

— Спасибо, я их купил в «Джайнт», — ответил Робин.

— Не возражаешь, если я немного их переставлю?

— Нет, валяй.

Хотя, признаться, он думал, что справился очень даже неплохо. Он купил тюльпаны, ярко-красные, цветы сначала были совсем плотными бутонами, но продавщица заверила, что к воскресенью как раз распустятся, и не обманула.

А вот сейчас он занервничал.

— Чертовски трудно рассчитать, сколько ехать от Филли, — волновался он. — Надеюсь, Дэвид со своими не опоздают.

— Не переживайте. По моему опыту, при любом раскладе доберутся часа за два, — успокоил Моррис. — Что по абсолютно пустому шоссе, что толкаясь в пробке — два часа вынь да положь,

по-любому.

Моррис вообще молодец, всегда умеет успокоить человека.

Трое внучат стайкой вылетели во двор — первым Эдди, и сразу подхватил баскетбольный мяч с заднего крыльца, а за ним девчонки, которые в брате души не чаяли. (Да и у Робина он был любимчиком: единственный, кто обожал мастерить и строить.) Элис принялась обрезать кончики стеблей тюльпанов над кухонной раковиной, а Кевин открыл дверцу холодильника, в очередной раз любуясь бутылками шампанского.

— Может, сядем в гостиной, — предложил Робин, но тут сквозь стук мяча во дворе расслышал звук подъезжающей машины. Подошел к двери — и точно, маленький синий «жук» Дэвида остановился рядом с BMW Кевина.

— Дэвид приехал! — радостно закричал Эдди и, стуча мячом, помчался к «жуку».

Дэвид вылез из машины и тут же поднял руку, ловя мяч, а тем временем Грета вышла с другой стороны и наклонила спинку кресла, чтобы Эмили и маленький Николас могли выбраться с заднего сиденья. Эмили выросла на добрый фут, показалось Робину. Почти подросток, высокая и стройная, волосы совсем по-взрослому уложены

в узел на затылке. Она сразу пошла в дом вместе с матерью, а маленький Николас — лет семь ему, кажется, — задержался, глядя, как папа с солидного расстояния забрасывает мяч в корзину.

— Всем привет! — крикнул Робин от двери, но, вместо того чтобы выйти навстречу, скрылся в кухне, снял трубку телефона на стене и набрал номер Мерси.

— Алло?

— Привет, дорогая.

— Привет, милый. Как дела?

— О, все нормально. Но знаешь, ни за что не догадаешься: Дэвид со своими приехал.

— Дэвид!

— Ага, заглянули по пути, они вроде путешествуют, и вот решили по дороге…

— Черт возьми!

— Ну да, и я подумал, что, может, ты захочешь зайти поздороваться.

— Ну разумеется! Сейчас буду.

— Тебя подбросить?

— Нет-нет, я пешком.

— Не задерживайся только! — практически пропел он. Повесил трубку и только тогда вернулся к семье.

Почти все взрослые, кроме Дэвида, толпились

на улице. Эмили тоже задержалась с ними рядом, поближе к матери, как будто стеснялась, а Грета держала в руках диковинный цветок, вроде орхидеи, в глиняном горшке.

— Здравствуйте, Робин, — приветствовала она. — Поздравляем с юбилеем. Это подарок для вас обоих.

Она сделала шаг навстречу и вручила цветок. Одета она была, как всегда, старомодно, в темно-синее платье с поясом и коротко подвернутыми рукавами. (А вот Эмили уже жила в современности: она надела джинсы и белую свободную блузку.)

— Надеюсь, она не потребует особенного ухода, — сказала Грета.

— Спасибо, — ответил Робин. От цветка исходил запах дождя, чистый и свежий, лучше любых духов. Он глубоко вдохнул аромат и только потом спросил: — Как доехали?

Не ответив, Грета обернулась к дочери.

— Поздравь Робина, — велела она.

И Эмили, робко шагнув вперед, проговорила:

— Поздравляю с годовщиной, Робин.

У нее бывала возможность назвать Робина и Мерси «дедушкой» и «бабушкой», но она никогда так не говорила, а Робин и не настаивал. (Она

и Дэвида до сих пор называла «Дэвидом», хотя, и это было очевидно, обожала его.)

— Спасибо, милая, — сказал Робин и обратился к остальным: — На самом деле сегодня пока не настоящий юбилей. Годовщина будет в четверг.

— Сразу после Дня независимости, — пробормотал себе под нос Кевин.

— Ну да, это был первый день в июле, когда пастор был свободен. Мерси настаивала на июле, потому что свадьба в июне это, мол, банально.

Элис и Лили рассмеялись, но Грета кивнула очень серьезно:

— Да. Это так похоже на нее.

Робин знал, что дочери не особенно любят Грету. Элис называла ее «ледышкой». Но зато никаких иллюзий насчет того, как она к вам относится. Грета все говорит напрямую, и она такая, какая есть, никаких тебе сюси-пуси.

Ха! Он до сих пор об этом не задумывался, но Грета чем-то похожа на его тетушку Элис.

Робин опомнился и повернулся к дочерям.

— Нам пора в дом, — скомандовал он. — Ваша мама уже идет из студии, и появится она со стороны улицы.

— Так, все в дом, быстро! — крикнула Лили. — Бабушка идет!

Дэвид заколотил еще разок мяч в корзину, подхватил и пасанул детям.

— Где твой фартук, пап? — спросил он, подходя. — Я слыхал, ты взял на себя стряпню.

— Все, что на мне было надето, и было фартуком, — усмехнулся Робин. — Пока я час назад не сбросил с себя все и не сунул в корзину с грязным. Хотя, может, правильнее было бы просто сжечь.

Он глянул через плечо Дэвида на Николаса, который не спешил за остальными, а все бегал за баскетбольным мячом. Но, поймав, тут же повел мяч в сторону дома. Как же он похож на маленького Дэвида, подивился Робин, — светленький, худенький, голенастый, только глаза светло-серые, как у Греты.

В кухне Элис спросила:

— Так что ты приготовил?

Но Робин уклончиво ответил:

— Да то и се, — потому что, черт его побери, он не позволит ей перехватить инициативу на этой стадии. Он поставил подаренный цветок на стойку и прошел через столовую в гостиную.

— Мы спрячемся и выскочим неожиданно, когда бабушка войдет? — подпрыгивал в нетерпении Эдди.

— Ну нет, — улыбнулся Робин. — Думаю, просто

садитесь как обычно. Как будто ничего особенного не происходит, а когда она войдет, мы все хором и скажем: «Поздравляем с юбилеем».

Все расселись в гостиной, выбрав себе места, только Николасу пришлось на минутку вскочить и отнести во двор баскетбольный мяч, как мама велела. Робин остался на ногах. Подошел к окну и смотрел на тенистый переулок, ряд автомобилей вдоль тротуара, юную пару с малышом в коляске, прошедшую мимо. А потом он увидел, как Мерси поворачивает на их улицу. Она тащила какую-то бесформенную белую сумку — а, нет, наволочку, набитую бельем для стирки. Юбка развевалась вокруг стройных ног, потому что даже в семьдесят походка у нее была легкой и стремительной, как у девушки.

— Она здесь, — сообщил Робин.

Все затихли.

Робин отступил от окна, чтоб его не засекли. Слышно было стук ее каблуков по дорожке к дому; вот она поднимается по ступенькам. Входная дверь распахнулась, Мерси прошла через прихожую и застыла в дверях гостиной.

Может, и вправду им стоило спрятаться. Робин не предусмотрел, что вид всех родных разом, неподвижно сидящих в полном молчании, с ру-

ками, чинно сложенными на коленях, может ее испугать. Мерси растерянно открыла рот, но так и не вымолвила ни слова. И все остальные тоже почему-то молчали. Ждали, что Робин заговорит первым? Он набрал воздуху, но тут Грета спокойно и приветливо проговорила:

— Поздравляем с юбилеем, Мерси.

— Простите? — растерялась Мерси.

И тут все разом обрели дар речи.

«С юбилеем, мама! — дружно заорали они. — С юбилеем, бабушка!»

И вскочили, и столпились вокруг нее, но первым все же успел Робин. Он забрал у нее узел со стиркой, бросил на пол и сказал:

— Пятьдесят лет, дорогая.

Но даже тогда она не сообразила.

— Чего пятьдесят?

— Наш золотой юбилей.

— Правда?

— Пятого июля 1940 года, в четверг будет пятьдесят. Просто я подумал, что воскресенье гораздо удобнее для празднования.

— Ох, боже правый, — выдохнула Мерси, и лицо ее наконец разгладилось, и она принялась обнимать всех подряд, и целовать, и говорить Николасу, как он вырос. — О боже, я просто… —

повторяла и повторяла она. — Я просто не…

— Ты не ожидала? — теребили они ее. — Ты не догадывалась? Не надеялась, что мы вспомним?

— Да как я могла надеяться, если я сама не помнила?

— Вот это новость, — поразился Моррис.

— Мам, как это ты не помнила? — возмутилась Элис. — Пятьдесят лет, ты представляешь вообще?

— Откровенно говоря, нет, — улыбнулась Мерси.

И еще раз обняла Дэвида, хотя уже обнимала его раньше, и сказала:

— Эмили, не может быть! Ты прямо барышня уже.

— Это папа все организовал, с начала до конца, — сказала Элис. — Время, место, приглашения, меню…

— О, как жаль, что я не знала, — сокрушалась Мерси. — Могла бы все это время предвкушать праздник!

В разговоре возникла неловкая заминка. Все оглянулись на Робина.

— Ой, — растерялся он.

Но тут из кухни возник Кевин с двумя бутылками шампанского.

— Тост, немедленно тост! — возгласил он и отправил Эдди с Эмили в столовую за бокалами. Потом последовало целое действо с откупориванием первой бутылки и привычная смиренная гримаса Кевина, когда принесли бокалы, потому что это были старомодные креманки, доставшиеся Мерси от бабушки. Кевин сто раз уже повторял, что в наше время люди пьют шампанское из флютов.

Тосты были короткими, слава богу, «С юбилеем» несколько раз подряд и «За следующие пятьдесят лет!» (от Морриса). Робин не был уверен, следует ли ему пить, если он, так сказать, объект тоста, но подглядел, как Мерси помедлила мгновение, потом улыбнулась, кивнула и сделала глоток, и тогда последовал ее примеру. Пузырьки защекотали в носу.

— Упс, надо проверить духовку, — громко сказал он и убежал с бокалом в кухню.

Элис, разумеется, поспешила за ним, тоже с бокалом в руке:

— Чем помочь?

— Ну, может, воды нальешь?

— Конечно.

Он опрокинул в миску пластиковый контейнер с картофельным салатом, отнес его в столовую,

вернулся, подхватил прихватки и вытащил из духовки две формы.

— Что ты приготовил? — поинтересовалась Элис, сунувшись в кухню с кувшином в руках.

— Запеканку с лососем.

— Запеканку с лососем, — повторила она.

Подошла поближе и задумчиво взглянула на готовое блюдо. Корочка аппетитно зарумянилась, да и сама запеканка получилась довольно пышной, соблазнительно поднималась над бортиками формы. Но Робина насторожил тон Элис, и он встревоженно поднял голову:

— Что-то не так?

— Все замечательно! — заверила она. И даже чмокнула его в щеку, так что напрасно он, видать, волновался.

* * *

Но Мерси, похоже, до сих пор не поверила до конца в идею сюрприз-вечеринки. Усевшись на свое место во главе стола, она спросила Дэвида:

— Так куда вы направляетесь, милый?

— В смысле?

— Я имею в виду, куда вы ехали, когда заглянули к нам. Папа сказал, что вы путешествуете и просто заглянули по пути.

— Нет, я… — вмешался Робин, увидев, что Дэвид озадаченно смотрит на мать. — Нет, это я выдумал, дорогая, чтобы вызвать тебя сюда.

— Они не путешествуют?

— Понимаешь, этот обед — сюрприз для тебя, и они специально на него приехали, просто я не хотел, чтобы ты знала заранее.

— Но я хотела бы знать заранее.

Робин опять растерялся и занервничал, потому что, ради всего святого, что тут непонятного? Как ей растолковать?

— Папа имеет в виду, совсем заранее, — объяснила Элис. — Если бы он рассказал тебе, что они приедут к обеду, ты могла бы догадаться, что папа устраивает праздник.

— Но я бы все равно узнала рано или поздно, — сказала Мерси. — *Сейчас-то* я уже все знаю, правильно? — Она обвела взглядом сконфуженные лица. Теперь уже озадачены были все собравшиеся. — Я же права?

— Робин боялся, что вы могли бы отказаться, — чуть громче, чем нужно, произнесла Грета.

Мерси недоуменно уставилась на нее.

— Он боялся, что вы не захотите праздновать юбилей свадьбы.

— Ааа… — наконец поняла Мерси.

Ответ, кажется, вполне ее удовлетворил, но Робину от всей этой беседы стало немного не по себе.

Чуть позже Мерси вернулась к этой теме. К тому моменту общая беседа уже разделилась на несколько диалогов — Элис и Лили обсуждали письмо Малыша Робби, маленькие внучки наперебой развлекали Эмили, которая явно показалась им гораздо более привлекательной, чем Эдди, а Моррис рассказывал Кевину и Дэвиду одну из своих тягомотных риелторских баек, бесконечно повторяясь, как всегда, отвлекаясь и возвращаясь к подробностям, с которых следовало бы начать. Вот тут ни с того ни с сего Мерси и заявила:

— Когда я вошла и увидела, как вы сидите тут все в гостиной, я решила, что кто-то умер.

— Умер! — потрясенно выдохнули они.

А Элис уточнила:

— Кто?

— Может, Дэвид?

— Дэвид!

— Ну, я сразу увидела, что ошиблась, — сказала Мерси. — Но вы сидели так тихо!

— Мы притихли, потому что вы выглядели испуганной, — признался Моррис.

Робин удивленно воззрился на него.

— Я испугалась, потому что подумала, что кто-то умер, — сказала Мерси.

Так, разговор явно зашел в тупик. Робин решительно отодвинул стул и встал. Откашлялся.

— Я не мастак говорить речи, — начал он. Чем тут же привлек внимание. И ринулся дальше: — Но я хотел бы рассказать про эту лососевую запеканку.

— Очень вкусно, — вставила Грета.

— Спасибо.

— А можно рецепт?

— Рецепт я взял из церковной кулинарной книги, которую моя двоюродная бабушка подарила нам на свадьбу. Я вам перепишу. — И вернулся к первоначальной теме: — Мы долго женихались, как вы знаете. Я водил Мерси по всяким ресторанам, старался произвести впечатление. Практически по миру пошел! — сдержанные смешки за столом. — «Краб Империал» в тончайших фарфоровых раковинах, жареные цыплята с кружевными манжетами на ножках, десерт, который при тебе поджигают…

— «Вишневый юбилей», — пробормотала себе под нос Мерси.

– *Чумовая* еда! А потом мы поженились. Медо-

вого месяца у нас не было, не могли себе позволить. Наверное, из-за тех дорогущих ресторанов. (Опять смешки.) И вот первый вечер в своей квартире, маленький домик в Хэмпдене, вы, девочки, помните тот дом. Первый семейный ужин. Мерси уходит в кухню и начинает готовить. А я сижу в гостиной и читаю вечернюю газету. Прямо как в кино или в театре, не знаю. И мне любопытно, чем же это она меня будет кормить, — надеюсь, не французской едой. Я не огорчился бы, если б вообще никогда в жизни больше не попробовал французских блюд. А потом она зовет меня к столу. Я складываю газету, иду в кухню… И перед моей тарелкой стоит запеканка с лососем, дожидается. С такой румяной корочкой, она была такая…

Робин сглотнул. Глаза его наполнились слезами. Он надеялся, что никто не заметил.

— Она выглядела такой семейной, — прошептал он. — И я почувствовал себя дома. Как будто наконец-то у меня есть дом.

Он собирался сказать больше, но слова кончились. Робин сел на место.

Мерси, с другого конца стола, произнесла:

— Спасибо тебе, любимый.

Он поднял взгляд и увидел, как она улыбается

ему. И значит, все было не зря.

* * *

Торт произвел фурор, особенно среди малышни. Это был простой бисквит с кремом, потому что в «Джайнт» ему так посоветовали — мол, самый удобный вариант для такой толпы народу. Но сверху идеальным почерком было написано: «С 50-й годовщиной», а по углам цвели желтые сахарные розочки.

— Я побуду хозяйкой? — предложила Элис.

И Мерси сказала «конечно» и приглашающе махнула рукой. Элис принялась разрезать торт и передавать по столу. Она еще не успела обслужить всех, а обе малышки уже прикончили свои порции, так что специалисты из «Джайнт» были правы.

Тем временем Грета вышла в кухню и поставила кофейник на плиту, без всяких просьб, и это точно был сюрприз. Пока кофе варился, она принесла из кухни свою орхидею и поставила перед Мерси на стол.

— Смотрите, что мы для вас привезли.

— О, какая прелесть! — обрадовалась Мерси. — Робин, ты видел?

— Да, красиво.

— Думаю, мы поставим ее у южного окна. Верно, Грета?

— Там слишком жарко, — усомнилась Грета.

— А, ну тогда на восточное. Скажем, вон там на окне в гостиной, — предложила Мерси Робину.

— Годится, — согласился он.

Он был признателен, что она говорит так, словно по-прежнему живет здесь.

Ох уж эта маленькая Кендл! Вот егоза. Разделалась со второй порцией торта и теперь требовала, чтобы все кузены побежали с ней во двор, хотя они еще не доели.

— Ну пожалуйста, пожалуйста… — ныла она, и они с Сереной вдвоем подталкивали Эмили, чтобы та отложила наконец вилку. Минутой позже вся детвора уже усвистела, в их конце стола наступила тишина, зато выглядел стол так, словно там смерч прошел — грязные тарелки, смятые салфетки, усеянная крошками скатерть.

Моррис рассказывал Мерси, как клиенты восхищаются ее картинами, — две из них висели в его офисе.

— Я всегда говорю: «Визитку художника вы можете найти в пакете документов», — повторял он.

— Как это мило с твоей стороны, — улыбалась

Мерси.

Элис расспрашивала Дэвида про его студентов — он читал летний курс по импровизации. Тут Грета, на вид слегка уставшая и чуть прихрамывая, принесла кофейник.

Робин как-то спросил Мерси: «Как ты думаешь, сколько ей лет?» (Это когда они узнали, что Грета ждет ребенка, Николаса.) «Сорок два, — мгновенно ответила Мерси. — Я спрашивала». То есть на одиннадцать лет старше Дэвида. Ну, могло быть хуже. И они, кажется, счастливы. Хотя кто знает? Как поймешь, что на самом деле творится у детей в головах?

Робин давным-давно признал, что его отцовский опыт оказался совсем не таким, как он себе представлял. С девочками они, слава богу, хорошо ладили, но девчонками больше занималась мать, тут он не может ничего особо поставить себе в заслугу. Дэвид — другое дело… С Дэвидом они почему-то никогда не понимали друг друга. Никак он не мог взять в толк, что же делает не так. Хотя старался изо всех сил. Может, если бы Дэвид любил работать руками, у них бы сладилось. Но нет, Дэвид не из таких. Но это нормально! Лучше чем нормально! Робин всем доволен. Он гордился профессией Дэвида, и где-то у него даже прикноп-

лена новость про его пьесу, которую поставили в местном театре.

Дамы зашевелились — принялись собирать тарелки, приборы, складывать на краю стола. Даже Грета встала помочь.

— Да бросьте, не суетитесь, — возразил было Робин, но его не слушали. Как он в одиночку справится с такой горой посуды?

— Идите-ка сядьте с мамой в гостиной, — велела Элис, и они так и сделали, вместе с Дэвидом и зятьями.

Но Робин не стал устраиваться на диване с остальными, а подошел к телевизору, присел на корточки.

— Что ты делаешь? — внезапно насторожилась Мерси. (Она всегда была против, если мужчины втыкались в какой-нибудь спортивный матч, вместо того чтобы общаться, хотя Робин не раз объяснял ей, что смотреть игру — это и есть *общаться*.)

— Увидишь, — улыбнулся он и вставил кассету в видеоплеер.

— Что это?

— Кино. Домашнее видео.

— Чтоо?

— Помнишь, как твой папа снимал на кино-

камеру?

— Да…

— А я переписал на кассету.

Зятья сразу оживились. Они были любителями обсудить всякие технические штучки.

— Вот это да! — поразился Кевин.

А Моррис удивился:

— Разве это возможно?

— Запросто, — сказал Дэвид. — В любом месте, где печатают фотографии, могут выполнить такую работу.

— Папа Мерси купил кинокамеру в… — объяснил Робин, — в каком году, не помнишь, солнышко?

— Где-то в конце сороковых, — припомнила Мерси. — Девочки были еще маленькие.

— Точно, и я помню дедушку с кинокамерой, — сказал Дэвид. — Но, кажется, никогда не видел результата съемок.

— Ой, в те времена показывать фильм было целое дело, — всплеснула руками Мерси. — Нужен специальный проектор, нужно повесить экран, задернуть все шторы и устроить темноту…

— А сейчас, гляди-ка, — весело сообщил Робин, — нажимаю кнопку — и готово, мы в кинотеатре.

Телевизор стоял у камина, под небольшим углом к стене, чтобы окна не отражались. Этот дом — дом родителей Мерси — был построен задолго до наступления эры телевидения и специальных домашних кинотеатров. Наверное, это был недостаток — по крайней мере, до той поры, пока молодежь не разлетелась, но сейчас Робин был рад, потому что импровизированный кинотеатр на дому оказался бы слишком тесным для такого количества гостей. Женщины, закончив с посудой, переместились в гостиную, прибежала детвора со двора… Вообще-то на полу пришлось сидеть только двум самым маленьким девчонкам. Внуки, потные и раскрасневшиеся, вернулись в дом без всяких возражений: к телевизору их два раза звать не приходилось.

— Сейчас будет кино про старые времена, — наставительно произнесла Элис, обращаясь к Кендл. — Про нашу семью, когда мы еще были детьми. До нашего с Лили подросткового возраста, да? — уточнила она у Мерси. — Я что-то не помню. Я, наверное, уже видела, но очень давно.

— Ну, как минимум до *вашего* отрочества, — сказала Мерси. — Ваш дедушка дожил до 1956 года. Тебе тогда уже исполнилось четырнадцать.

— А когда он умер, — сказал Робин, — *саена-*

ра[13] киносъемкам. Мы, кажется, с тех пор даже не вынимали камеру из чехла.

— Но она точно где-то лежит, — сказала Мерси, потому что она вечно сокрушалась, сколько же старого барахла валяется в доме.

Робин нажал кнопку «пуск» и вернулся в свое мягкое кресло. На экране сначала вспыхивали какие-то цифры, а потом появилась группа чересчур парадно одетых людей, они стояли на лужайке, на *их* лужайке, под цветущим деревом кизила, которое засохло от старости уже лет двадцать назад. Очень молодой мужчина, очень молодая женщина и две маленькие девочки, младшая прижалась к маминому бедру. При виде детей Робин вздрогнул. Он был потрясен. Они вернулись в прошлое! Он и забыл, какими они были когда-то, но вдруг в один миг все рематериализовались. И Мерси: только поглядите на ее платьице без рукавов и с рюшами, ничего общего с ее нынешними нарядами.

Да и сам Робин на себя не похож — тщедушный неуклюжий паренек с чересчур короткой стрижкой, открывавшей цыплячью шею, а улыбка такая вымученно широкая, что сейчас Робин аж

---

[13] Примечания: 13
«До свидания» по-японски.

скривился от неловкости. Но все вокруг хором выдохнули: «Огооо!» И даже маленькие внучки: «Огооо!» Потом опять мелькание пятен на экране, а следом Элис, чуть постарше, в пышном розовом сарафанчике. А теперь вообще шьют такие пляжные сарафанчики? Она стояла рядом с велосипедом, на руле завязан такой же розовый бант. Потом Элис и Лили вместе, щурятся на солнце.

Дедуля Веллингтон, похоже, не совсем уловил идею движущихся изображений, потому что почти все сцены напоминали фотографии, персонажи позировали на них как для портрета. Но затем, к 1952 году (крошечный Дэвид на руках у Мерси, вот почему Робин догадался про дату), Лили наконец показала хоть какое-то движение, прокатившись колесом через весь экран и продемонстрировав миру свои трусы. Удивительно, что, глядя на Лили, Робин сразу подумал о Кендл! Хотя ведь Кендл дочь Элис, а вовсе не Лили. Как будто две его внучки по ошибке достались не тем матерям: озорная шалунья Кендл — благоразумной и солидной Элис, а кроткая Серена — Лили, которая была та еще оторва. А Эдди, сын «Мистера Кантри-Клаб», как Робин дразнил Кевина, оказался тем единственным внуком, который любил возиться с Робином в мастерской. Возмож-

но, быть родителем означало учиться, подумал Робин, родительство — это такой урок, как научиться быть совершенно другим человеком. И он улыбнулся, глядя, как Элис собирает клубнику на каком-то поле бог весть где и складывает в жестянку из-под «Криско». Даже без звука он мог воскресить в памяти ее командирский голосок. «Одна в ведерко, одна в рот, одна в ведерко, одна в рот», — приговаривала она, засовывая в рот каждую вторую ягоду.

О, а вот и новый персонаж: дедушка Веллингтон собственной персоной неодобрительно поглядывает на очень маленького Дэвида, цепляющегося за дедову штанину, как будто без нее не удержится на ногах. И новый голос в голове у Робина, голос деда Веллингтона, который недовольно ворчит и придирается к мелочам, когда каждое воскресенье после обеда Робин заглядывает к нему отчитаться о продажах за неделю. К тому времени старик уже не выходил из дома, после первого инфаркта ему было запрещено даже подниматься по лестнице или гулять вокруг квартала, и вся его жизнь свелась к торжественному восседанию вот в этом самом кресле, где он одну за другой смолил «Лаки Страйк» и распекал Робина, донимая своими «а как насчет» и «надо

было сделать так». И еще «о чем ты вообще думаешь, черт возьми».

Интересно, кто снимал эту сцену? Не Мерси, потому что вот она появилась в кадре — медленно прошлась по траве, взяла под ручку отца и улыбнулась маленькому Дэвиду. Выходит, это мог быть только сам Робин, хотя с трудом верилось, что ему доверили драгоценную камеру.

— О господи, вы только посмотрите на меня! — вскрикнула Мерси. — У меня прическа как… растрепанный букет. У меня на голове как будто… цветочная корзина!

И Робин оторвался от экрана, посмотрел на Мерси и вдруг увидел, как она постарела. Все еще красотка, даже сейчас, но волосы стали цвета слоновой кости, а ведь все эти годы она казалась ему блондинкой, и нет больше копны буйных локонов, а лишь строгий узел на затылке.

Там были какие-то ограничения в кинокамере, на продолжительность съемки, что ли? Каждая сцена очень короткая. Вот вроде все так и так! А потом пуффф — и уже эдак и эдак! Еще пуфф — и все, прощайте. Вообще все прощай, навсегда. Фильм закончился за несколько минут. Черт, он с удовольствием посмотрел бы подольше. Лили в платье на выпускном, скажем, вылитая прин-

цесса, а рядом с ней Джамп Уоткинс. Или Дэвид, играющий на полу с их старым псом Кэпом. А еще ему особенно понравились кадры чудной недели на озере Дип Крик. Как быстро пролетело время, подумал он, когда экран померк. И не только про фильм.

— Что ж, — крякнул Кевин, — очень интересно!

А Моррис спросил у детей:

— Что скажете, ребята?

И вопрос стал сигналом к прощанию — внуки загомонили, затеяли возню, женщины принялись искать сумочки и разбросанные кроссовки и спрашивать, куда подевалась кукла Кендл. Нет, Дэвид не передумал насчет остаться ночевать у родителей. Нет, никто не хочет еще кусочек торта или картофельного салата или тюльпаны из вазы. И вдруг все уехали.

* * *

Но Мерси ведь не уйдет, правда же? Он, наверное, не переживет, если она решит уйти. Робин стоял рядом с ней на заднем крыльце, они проводили последнюю отъезжающую машину, а он боялся повернуться к жене. Но потом все же отважился. И увидел, что она улыбается ему.

— Какой же ты молодец, что придумал все это, — сказала она.

— Ох… — с облегчением выдохнул он.

— Но обещай мне кое-что.

— Знаю.

— Что ты знаешь?

— Ты не желаешь больше никаких сюрпризов.

— Никогда, — подтвердила она.

— Обещаю.

— Но если ты и так это знал, почему тогда устроил?

— Не знаю почему. Просчитался.

Но вообще-то он понял, потом уже, что на самом деле знал почему. Грета верно сказала: он боялся, что Мерси не захочет праздновать их юбилей.

Но она все так же улыбалась ему.

И когда он предложил: «Пошли в дом?» — ни слова не сказала про то, что ей надо возвращаться в студию.

* * *

Девчонки отлично прибрались в кухне. Все поверхности начисто вытерты, посудомойка уютно гудит. Тюльпаны в столовой чуть свесили головки над краем вазы, словно любуясь своими отражениями в полированной поверхности

стола.

В гостиной Робин направился к дивану, а не к своему креслу. Он надеялся, что Мерси сядет рядом с ним. Но она прошла в прихожую за своим узлом со стиркой.

— У тебя в корзине есть что-нибудь белое? — окликнула она.

И он ответил:

— Нет, нет, — хотя на самом деле было.

Мерси ушла вглубь дома, он услышал, как она спускается в подвал.

Со своего места на диване он оглядел опустевшие стулья, вмятины на сиденьях кресел и почти полные бокалы с шампанским на каминной полке — знаки ушедшей жизни. А видеоплеер все еще включен, Робин заметил мигающий красный огонек в углу экрана, но даже не шевельнулся, чтобы встать и выключить.

Услышал, как Мерси поднимается по лестнице, заходит в кухню. Забеспокоился, что ее сейчас что-нибудь отвлечет, но нет, она появилась в дверях гостиной. Подошла к дивану. И наконец-то села рядом с ним.

— У тебя стиральный порошок кончается, — сказала она.

— А, хорошо.

— Я записала в твой список.

— Спасибо.

Тишина. Он думал, что Мерси скажет еще что-нибудь насчет вечеринки, но она молчала. Тогда он все же спросил:

— Невозможно поверить, да, милая? Ты осознаешь, что прошло пятьдесят лет?

— С одной стороны, нет, — отвечала она. — Но с другой — кажется, прошла целая вечность.

— Понимаю, о чем ты.

— В этом фильме мы такие юные, совсем дети!

— Хочешь еще разок посмотреть? — приподнялся он.

— Пожалуй, нет.

Он опять уселся на диван.

— Честно говоря, мне стало грустно.

— Да, мне тоже, — торопливо подхватил он.

— Думаю, еще и потому, что нет фильма про нашу свадьбу.

— Но зато у нас есть фотографии. В альбоме.

Но она думала о своем.

— Но я совсем не чувствовала себя ребенком тогда, — задумчиво проговорила она. — Помнишь, как папа хотел, чтобы мы подождали годик? Подождали! А я ему сказала: «Какая глупость! Мне уже двадцать, — сказала, — я взрослая».

— А я вот не чувствовал себя взрослым, — хмыкнул Робин. — Именно в тот день. Помню, как стою уже одетый, смотрю в зеркало и вижу, что плохо побрился, пропустил кусок. Я же даже бриться толком не умею, подумал тогда, куда мне жениться? Я же понятия не имею, что делать с женой!

— Да нет, вполне достаточно ты знал, — усмехнулась Мерси и игриво подпихнула мужа локтем.

— Ну, не уверен…

— Ладно тебе, не скромничай.

Робин хохотнул.

— А я сначала думала, — продолжала Мерси, — интересно, а он знает, *как надо*? Потому что *я-то* точно не знала. И мне показалось, ты как-то не торопился начать, в некотором роде.

— Это все преподобный Эйли, — хмыкнул Робин.

— В смысле?

— Помнишь, как он беседовал с нами по отдельности перед свадьбой? И мне он велел вести себя «бережно». Я не понял, что он имеет в виду. «В каком смысле бережно?» — говорю. А он мне: «Жених не должен спешить в брачную ночь. Невеста может быть робкой, застенчивой», — говорит. И потом: «Я всегда советую жениху смотреть на

первую брачную ночь как на возможность узнать друг друга лучше. Ты ни в коем случае не должен напугать ее, оттолкнуть». Так он сказал.

Мерси рассмеялась:

— Ты никогда мне об этом не рассказывал.

— Но вот я и прыг-прыг по-быстрому в пижаму, пока ты переодевалась в ванной. Специально новую пижаму купил. И нырнул под одеяло, скрестил руки на груди… И тут ты вышла из ванной в облегающей шелковой ночнушке.

— А ты отвернулся. Повернул голову и уставился в окно.

— Я пытался держать себя в руках.

— А я скользнула в кровать, легла на спину рядышком с тобой и ждала. И потом сказала: «Ну вот, мы теперь муж и жена!» А ты только промычал что-то нечленораздельное и продолжал пялиться в окно.

— Я старался сообразить, что имел в виду преподобный Эйли насчет узнать тебя получше. Может, он имел в виду, типа, поговорить? Надо завести беседу о твоих интересах или как? Или он все-таки намекал на физическую сторону вопроса, то есть приступить к основному делу?

— И тогда я повернулась к тебе и принялась расстегивать твою пижаму.

Теперь уже он рассмеялся.

— Ты была такой распутной!

— Знаешь, я слишком долго ждала. И вплоть до того момента вела себя как пай-девочка.

Сейчас она уже бормотала, прижавшись лицом к ямке у основания его шеи. Прижалась теснее. Он наклонился поцеловать ее, одна рука поползла вверх по ее бедру, когда она чуть отодвинулась и прошептала:

— Может, пойдем наверх?

— Да.

В прежние времена они ни за что не дотерпели бы, пока поднимутся наверх.

* * *

Робин проснулся уже совсем под вечер. Он понял это по тому, как золотилась пыль, которой заросли оконные стекла. Кровать на половине Мерси была пуста, скомканные простыни успели остыть и выглядели так, словно она покинула постель уже несколько часов назад.

Но потом он услышал шаги внизу и воспрянул духом. Встал, надел халат и тапочки и поспешил в столовую. Мерси складывала выстиранное белье, вынимая из корзины, которую водрузила на стол. Волосы аккуратно завязаны в узел, сама

полностью одета.

— Привет, засоня! — оглянулась на него Мерси.

— Я спал без задних ног, — признался он. — Давно встала?

— Очень. — И в подтверждение показала на выстиранное белье.

Он редко спал днем. Сейчас-то наверняка вырубился, потому что отпустило — расслабился наконец, праздник закончился, все получилось, — и хотел было сказать жене об этом, но передумал. Прозвучит так, будто он жалуется. Но тем не менее не поспоришь, что хотя последние пару недель он провел в постоянном напряжении, зато сейчас мог с уверенностью сказать, что все прошло без сучка без задоринки.

Робин сел за стол и наблюдал, как жена встряхивает и складывает наволочки.

— А мне снилась наша квартира в Хэмпдене.

— Да ты что!

— Наверное, из-за всех этих разговоров о прошлом. Мне приснилось, что я складываю кушетку, на которой мы спали, когда девочки родились, старую диван-кровать. Поднимаю металлическую трубку в изножье; наклоняю так слегка, помнишь, как бы подталкиваю туда-сюда, и кровать превращается в диван.

Робин понимал, что вдается в детали. Он сам терпеть не мог, когда люди начинали описывать подробности, а еще терпеть не мог, когда рассказывают сны. Но почему-то казалось важным, чтобы Мерси представила эту сцену так же ясно, как он.

— Я так четко вспомнил это движение, — говорил он. — Помнишь, как она раскладывалась-складывалась?

— Помню, — кивнула Мерси, вытаскивая из корзины блузку.

— А потом во сне появилась Элис. Года три ей на вид. С короткой стрижкой, под мальчика, у нее тогда именно такая была. И говорит: «Знаешь, папочка, а у нас сегодня на узин пасгетти».

Мерси оторвалась от белья.

— Ой, — тихо проговорила она. — Пасгетти.

— Помнишь?

— Пасгетти и трикадельки.

— Это был как будто не сон, а путешествие во времени, — сказал Робин. — Почти как наяву.

— Какая она была милашка, правда? — вздохнула Мерси. — Все они были такие зайчики. Ох, как давно это было.

— Мы постарели, Мерси.

— Это точно. Постарели.

Она вынула из корзинки очередную блузку, но расправляла ее неторопливо и задумчиво. И нежно провела ладонью по ткани, укладывая поверх остальной одежды.

— Слушай, может, ты захочешь теперь вернуться домой? — предложил он.

— Ох.

— Ничего не изменится! Ты по-прежнему будешь рисовать свои картины! Просто не в студии. Или, может, вообще выйдешь на пенсию! Я же пенсионер! Мы с тобой будем бездельничать на пару, проводить больше времени с внуками или даже путешествовать, если тебе…

Опять он слишком много говорит. И слишком быстро. Он смотрел, как она достает из корзины последний предмет — наволочку, — встряхивает и аккуратно вкладывает внутрь стопку выстиранного белья. Чуть придавливает, утрамбовывая содержимое, потом приподнимает узел двумя руками и улыбается ему.

— Милый, ты же ненавидишь путешествия!

Он мог бы возразить. Сказать, что, может, научится их любить или — что важнее — что путешествия лишь крошечная часть того, что он предложил делать вместе. Но не стал. А только спросил:

— Ты заберешь цветок Греты?
— Нет, спасибо.
— Я могу помочь отнести.
— С ним будет слишком много хлопот.
— Ладно.

Он проводил ее до дверей, но поскольку так и не переоделся пока, не стал выходить на крыльцо, только подставил щеку для поцелуя и придержал ей дверь.

Потом поднялся наверх и оделся, потому что нет более жалкого зрелища, чем старик в халате среди бела дня. Вернулся в кухню собрать себе поужинать. Не то чтобы он успел проголодаться после такого обильного обеда, но время шло к шести часам, а другое жалкое зрелище — это старики, хватающие между делом всякую ерунду, вместо того чтобы поесть нормально; доктор Фиш называет это синдромом «попить чайку с бутербродиком». Ну уж нет, у него есть отличный картофельный салат, который девочки заботливо сложили в контейнер. Он вытащил плошку из холодильника, поставил на стол рядом с остатками огуречных ломтиков, которые лишь слегка размякли в заправке. И третье блюдо — лососевая запеканка, прямо в форме. Ее он тоже вытащил и перенес на буфет, собираясь достать вилку. И там

же, не отходя от буфета, вонзил вилку в краешек запеканки и попробовал кусочек. Вкуснота. А потом еще один. А потом просто уселся на стул, обхватил левой рукой форму с запеканкой и принялся наворачивать, кусок за куском, все быстрее, жадно захватывая на вилку все больше и больше. И думал: а почему нет-то? Кто меня остановит? И черт возьми, да я имею полное право!

И он доел все, до последней крошки, и выскреб остатки со стенок. Потом поставил опустевшую форму на стол, положил рядом вилку и сидел, глядя прямо перед собой, пока птицы за окном все так же пели, а солнце все так же ослепительно сияло.

6

В свой двенадцатый день рождения, 8 января 1997 года, Кендл Лейни заявила, что производит изменения в своей жизни. Так именно и сказала.

— Я произвожу изменения в своей жизни, — сообщила она матери, выйдя поутру в кухню.

— Вот как? — сказала Элис. Запечатлела на лбу Кендл поцелуй и осведомилась, что та хотела бы на праздничный завтрак. Представляя в целом, каковы могут быть эти изменения, она не задавала лишних вопросов.

— Во-первых, — заявила Кендл, — я собираюсь подстричься. Хвостики носят только маленькие дети. Мне хочется перья, а по бокам чтобы длинные пряди.

— А разве это уже не вчерашний день?

— Во-вторых, я проколю уши. Ты *сама* сказала, что можно, ты сколько лет твердила, что когда мне исполнится двенадцать, я смогу это сделать.

— Я сказала — *может быть*, когда тебе исполнится двенадцать.

— И в-третьих, я хочу, чтобы отныне меня называли моим настоящим именем. Кендал.

— Я совершенно не возражаю, — согласилась Элис. — Это же ты сама начала говорить «Кендл».

— Только потому, что я была маленькая и не выговаривала, — возмутилась Кендл. — А теперь я хочу вернуть нормальное имя.

— Хорошо, — не стала спорить Элис и еще раз спросила, что дочь хочет на завтрак.

Кендл постриглась в ту же субботу — не совсем так, как предполагала, но все же по бокам свисали достаточно длинные пряди, ровно до воротника. И сразу же после стрижки проколола уши — в ювелирном магазине в том же торговом центре. Но никто даже не попытался называть ее нормальным взрослым именем.

— Отличная прическа, Кендл, детка! — приветствовал ее дома отец. Она ответила ледяным взглядом, и он испуганно спросил: — Что не так?

— Она хочет, чтобы ее называли Кендал, — напомнила Элис. Но две минуты спустя уже и сама обращалась к дочери по-прежнему: Кендл.

Кендл была для них вечным ребенком, вот почему. Последняя, оставшаяся дома. Никто не принимал ее всерьез.

Даже друзья, собравшиеся на вялую праздничную вечеринку, то и дело прокалывались и звали

ее Кендл. Нет, они честно старались. И ойкали, когда она их поправляла. Но в понедельник утром вернулась Кендл то и Кендл се, а учителя так даже и не пытались запомнить, как надо.

Постепенно она и сама для себя опять стала Кендл. Как будто ничего и не изменилось. И когда она подписывала контрольные работы именем «Кендал» — а так она их подписывала постоянно, потому что в официальных школьных документах значилась именно так, — то с тоской поглядывала на это слово, вспоминая тот краткий миг, когда она было вообразила, что можно стать абсолютно новым человеком. Впрочем, следовало признать, что она все равно не чувствовала это имя своим.

Волосы опять отросли, потому что жизнь у нее была сейчас суматошная и на визиты в парикмахерскую просто не оставалось времени. А потом начался футбольный сезон, и проще было по-быстрому стянуть волосы резинкой, прежде чем надевать вратарскую маску.

Но проколотые уши остались, и постепенно у Кендл собралась целая коллекция сережек, в основном гвоздики, потому что тренер не позволял никаких висюлек.

Кендл решила, что когда исполнится трина-

дцать, она поборется за пирсинг по всей кромке уха. А потом вденет в каждую дырочку крошечное колечко, чтобы края ушей стали похожи на проволочную спираль тетрадки. Она видела такое у одной девчонки в «Макдоналдсе», такая «мне все по барабану» девица, с подведенными черным глазами и с черной губной помадой. Народ в школе вообще рухнет! Они ее не узнают даже, настолько она сама на себя не будет похожа.

Тем летом Кендл поехала в лагерь в Мэне, куда ее отправляли каждый год, с тех пор как ей исполнилось восемь. А с ней вместе еще три школьные подружки, и они заранее, по опыту прошлых лет, знали, кто еще там будет, так что никаких сюрпризов не ожидалось, но все равно это неплохо и уж всяко лучше, чем торчать дома. Но в этом году появилась новая преподавательница живописи. Туморроу[14], вот так ее звали. Она была моложе предыдущей училки и круче, на запястье у нее красовалась татуировка — шмель. Они с Кендл сразу подружились. Для начала она сказала, что ей очень нравится имя Кендл, а когда узнала, откуда оно взялось, призналась, что ее собственное имя тоже порядком отличается от

[14] Примечания: 14
Tomorrow — завтра (*англ.).*

первоначального. «Вообще-то меня назвали Тамар, — сказала она. — Но годам к четырнадцати я его сменила. Ты пошла дальше меня, сменив свое гораздо раньше». Кендл тут же порадовалась, что семейство не обратило внимания на ее попытки вернуть себе законное имя.

Но важнее было другое: Туморроу считала, что у Кендл талант. Она показывала другим девочкам натюрморты, нарисованные Кендл, — такие же, как рисовали они все, ваза с фруктами и кувшин с лимонадом на маленьком столике — и говорила:

— Обратите внимание, как Кендл показывает собственный взгляд на предмет. Она не изображает кувшин, она акцентирует его. Горлышко делает чуть уже, а основание объемнее. Вот это и называется искусство, друзья мои.

Кендл не знала, куда глаза девать. Она всегда «акцентировала» свои рисунки, если это так правильно называется. Когда в детстве рисовала принцесс, то юбки у них едва помещались на листе, фигуры она им удлиняла, а руки рисовала замысловатыми волютами, похожими на прорези в деке скрипки. Но никто не говорил, что у нее талант. Ее школьные подружки восхищались искусством Мелани Брукс из восьмого класса. Мелани рисовала красоток-моделей, таких иде-

ально похожих, как будто из модного журнала.

Подруги постепенно перешли к занятиям керамикой, плетению макраме и корзин, но Кендл позволили продолжать рисование. И когда в конце смены, шесть недель спустя, родители приехали забирать ее, для них устроили настоящий вернисаж, продемонстрировав работы дочери, развешанные по стенам художественной студии.

— Представляю, что она могла бы написать маслом, — сказала родителям Туморроу. — По правилам лагеря мы можем использовать только акварель, которую легко смыть, но девочка, возможно, захочет попробовать себя и в других техниках.

— Моя мать, кстати, работает акриловыми красками, — заметила Элис.

— О, так ваша мать художница?

— В некотором роде.

— Может, Кендл могла бы взять у нее несколько уроков, — посоветовала Туморроу.

Элис неуверенно хмыкнула и сказала:

— Ну… возможно.

* * *

Дома о живописи Кендл сразу же забыли. По крайней мере, родители забыли, потому что дым

стоял коромыслом по случаю подготовки свадьбы ее сестры. Робби выходила замуж за своего давнего жениха. Карлтон его звали, студент-стоматолог с огромными залысинами. В общем, все стояли на ушах. Кендл недоумевала, с чего бы столько шуму.

Сама она, однако, совсем не отказалась от рисования. До школы оставалось шесть долгих недель, а заняться ей совершенно нечем. Все друзья разъехались на каникулы, но родители Кендл уже побывали в отпуске, пока она отдыхала в лагере. И как-то раз она попросила мать съездить в магазин художественных товаров и купить кое-что для нее, и пускай не сразу, но все же они туда отправились. Вот только Кендл не представляла, что именно ей нужно. Она хотела набор масляных красок, но, кажется, масляные краски не продавались наборами, их предлагали отдельными тюбиками, дорогущими. Зато акриловых можно было купить сразу целую коробку.

— Ну не знаю, — засомневалась Кендл. — Акриловые это вроде не так профессионально, как масляные.

— Не понимаю, с чего ты это взяла, — возразила мать. — Твоя бабушка пользуется только ими, а уж *она* вроде бы профессионал. Вот что я предла-

гаю: давай выберем время, навестим ее в студии и расспросим. Прихватим твои работы, и, может, она выскажет свое мнение насчет того, какими красками тебе лучше рисовать.

Что ж, это годилось. Как только они вернулись домой, Элис позвонила Мерси, и они договорились встретиться через два дня.

— Но только постоянно держи в голове, — говорила Элис по пути, — что не стоит огорчаться, если бабушка выскажется критически о твоих картинах. Она, думаю, не настолько расположена льстить, как Тудей[15], или как там ее зовут.

Ни при каких обстоятельствах Элис не могла бы забыть имя Туморроу. Она просто оставалась надменной снобкой, как обычно. Ей всегда нравилось снисходительно отзываться о людях.

Подбросив Кендл к бабушке, Элис не стала заходить вместе с ней в студию.

— Передай, что я загляну, когда приеду за тобой, — сказала она. — Через час примерно или через полтора. — Элис спешила на важную примерку — платья матери невесты.

Студия была устроена над гаражом в чьем-то дворе. Кендл пришлось взбираться по хлипкой

---

[15] Примечания: 15
Today — сегодня (*англ.*).

внешней лестнице, которая тряслась при каждом шаге, так что бабушка загодя узнала о ее появлении и ждала, открыв дверь.

— Кендал! — радостно воскликнула она. — Как я рада тебя видеть!

Вплоть до этого момента Кендл почему-то не вспоминала, что уж бабушка-то точно всегда называла ее Кендал. И в приливе благодарности она даже обняла Мерси, хотя обычно обходилась без нежностей.

— Спасибо, бабуль.

Мерси выглядела привлекательнее большинства старушек — по-прежнему стройная, с пышным пучком волос и маленьким острым личиком. Одета в мужскую рубаху и рабочий халат — наверное, дедулин, такой длинный, даже длиннее юбки, и еще от нее пахло чем-то горьковатым, типа чая. Студия Кендл нравилась, но себя она в такой не представляла: у нее в комнате постоянно царил разгром, а здесь все поверхности абсолютно пусты и все вещи убраны с глаз. Кендл вошла, одобрительно огляделась и вручила бабушке папку со своими работами.

— Мама велела передать, что она зайдет, когда приедет за мной, — сообщила она, и Мерси кивнула, но довольно рассеянно, потому что сразу

раскрыла папку и уже разглядывала лежавший сверху рисунок.

— Боюсь, они не так уж хороши, — смутилась Кендл.

– *Никогда* так не говори, — коротко глянула на нее Мерси. — Правило номер один.

Мерси начала выкладывать рисунки в ряд на столе, отодвинув несколько тюбиков с краской.

— Хм, — мычала она, разглядывая пристально каждый. — Угуммм. Угуммм.

Первый — ваза с фруктами и кувшин. Потом дерево у озера в их лагере, с огромными белыми шляпками грибов, торчащими из ствола, — будто компакт-диски, выскочившие при нажатии кнопки «эджект». Потом портрет: Дитси Браун из домика номер 8. Пухлая левая голень Дитси, заброшенная на правое колено, была самой крупной деталью, потому что она оказалась ближе всего к наблюдателю. Мультяшный эффект получился, заметила сейчас Кендл. Она совсем не стремилась к нему. Начала было объясняться, но осеклась, и они перешли к рисунку с лодкой.

На другом краю стола лежала одна из картин Мерси, наполовину законченная. Чье-то парадное крыльцо. Кендл догадалась, что работа не закончена, потому что там были только

размытые пятна досок пола и смутно намеченные садовые стулья, но никаких деталей не прорисовано. На всех картинах Мерси всегда присутствовал фрагмент, выписанный до мельчайших подробностей. Она, должно быть, сочла работы Кендл детскими — такие банальные и невыразительные.

— Я понимаю, они совсем не похожи на твои, — вздохнула Кендл.

— Надеюсь, что нет. Они вообще не должны быть похожи на чьи-либо. — С этими словами Мерси собрала все рисунки и сложила их обратно в папку. — Но я могу понять, почему ты хочешь попробовать другие материалы. Твой стиль основан на линии. А тонкие линии удобнее рисовать маслом или акрилом. Хочешь попробовать мои акриловые краски?

— Да!

— Тогда давай организую тебе место, и ты поэкспериментируешь.

Она отделила лист бумаги из стопки, положила перед Кендл вместе с парой карандашей. Кендл села за стол, провела пальцем по поверхности бумаги, оценивая; на ощупь та оказалась чуть шероховатой, как ткань.

— Так, что бы тебе такое предложить в каче-

стве модели?.. — пробормотала Мерси, прошла в кухонный уголок и принялась рыться там. Вернулась она с дыней в руках, бутылкой яблочного сока и мочалкой для мойки посуды, с деревянной ручкой.

— Не обращай внимания на странный набор, — сказала она, раскладывая предметы на столе. — Я хочу, чтобы ты попробовала разные фактуры. Это просто эксперимент, попробуй использовать кисти разного размера. Полная свобода.

А потом Мерси ушла в другой конец комнаты, на кушетку, и устроилась там, подобрав подол халата, и включила радио. WLIF вроде бы — стариковская станция. Из-за диванной подушки — большой, которая на самом деле была просто подушкой — она вытащила библиотечную книгу в прозрачной обложке и читала, время от времени покачивая ногой в такт вальсу, звучавшему по радио. Она была такой маленькой, что ножка, вытянувшаяся вдоль кушетки, казалась совсем детской.

Сначала Кендл растерялась. Разве бабушка не должна была выдать какие-то рекомендации? Но вот она провела несколько пробных линий, намечая три предмета, потом выбрала тюбик желтой краски и выдавила маленький шарик

на палитру. Это здорово, поняла Кендл, что ее предоставили самой себе и никто не морщится, не вздрагивает и не ахает над ухом, если вдруг она что-нибудь делает неправильно.

Она попробовала кисть с закругленным кончиком, а потом со скошенным, окуная их в банку с водой, стоявшую рядом со стаканом с кистями. Попыталась смешать белый с желтым, чтобы создать более светлый оттенок: она рисовала яблочный сок. Мерси мурлыкала себе под нос, подпевая радио, но урывками — лишь пару тактов, перелистывая страницу. Мать Кендл обвиняла Мерси в том, что та читает всякую муру. Английские детективы в основном, говорила она. «Лично меня, — непременно добавляла Элис, — никогда не интересовало, кто же там убийца».

Кендл занялась мочалкой. Ей понравилось прорисовывать серые завитки пружины. Она приноровилась использовать меньше воды, чтобы поверх серого фона добавлять тонкие черные штрихи, и больше воды — для изображения серой поверхности пластикового стола.

Когда в дверь студии постучалась Элис, Кендл старалась передать на бумаге шероховатые поры дыни, а Мерси отложила книгу и готовила холодный чай на кухонной стойке. Ни разу так и не

взглянув на рисунок Кендл. Она открыла дверь Элис, которая с порога нетерпеливо вопросила:

— Ну как? — как будто все это время с тревогой ждала результата.

— А? Нормально. — Мерси выключила радио. — Хочешь холодного чаю?

— Нет, нам действительно пора… И что ты думаешь насчет акриловых красок, милая? — спросила Элис у Кендл.

— Мне понравилось.

— Правда? Надо купить?

— Да!

— Мам, а что *ты* думаешь?

— Почему бы и нет? — рассеянно отозвалась Мерси.

— Ладно… А что думаешь насчет ее работ? Стоит тратить время на это дело?

— Мне очень понравились ее работы. Но только она может сказать, стоит ли тратить на это время.

Элис выжидательно обернулась к Кендл, но та отчего-то решила промолчать. Лишь механически улыбнулась матери и принялась очень сосредоточенно собирать и мыть кисти.

* * *

Ей и в самом деле купили набор акриловых красок, разнообразные кисти и стопку специальной бумаги. Но оказалось, что дома нет никакой возможности спокойно рисовать. Кендл вынуждена была работать в кухне, потому что только в кухне не было ковров, а тут — ну это просто смешно: мать то и дело как бы случайно проходила мимо, и как бы невзначай поглядывала через плечо Кендл, и настолько демонстративно не комментировала, что это ее молчание само по себе было достаточным комментарием.

— У бабушки было лучше, — сказала Кендл. Она имела в виду, что лучше, потому что никто не сопел ей в спину.

Но Элис, истолковав по-своему, сразу же предложила:

— Давай я позвоню бабушке и спрошу, можно ли тебе еще разок прийти, чтобы она дала тебе несколько полезных советов?

И Кендл не стала переубеждать мать.

Вот так они и начали рисовать в студии у Мерси примерно раз в неделю. Никакого определенного времени не выделили, хотя Элис предпочла бы такой вариант.

— Я ей сказала, — жаловалась она Кендл. — Сказала: «Может, мы будем заниматься, например, днем по понедельникам?» — но твоя бабушка ответила: «Я не уверена, будут у меня свободны понедельники или нет». Я говорю: «Хорошо, а есть день, в котором ты уверена?» — а она: «Вообще-то нет». Чем она там занимается, хотела бы я знать. Чем так загружена? Не видно, чтобы к ней ломилась толпа клиентов.

Поэтому иногда Кендл ходила в студию по понедельникам, а иногда по четвергам или в какой-нибудь другой день. А потом начался учебный год, и по будням на занятия уже не осталось времени, единственные свободные часы нашлись только по субботам и воскресеньям.

— Увидишь, что твоя бабушка скажет, — фыркнула Элис. — Она скажет: «Ну, я не могу быть уверена», — противным старушечьим фальцетом передразнила Элис, хотя голос у Мерси вовсе не был старческим.

Но теперь Кендл уже сама позвонила Мерси, и им удалось договориться без малейших проблем.

— Бедняжка! — только и сказала Мерси. — Опять в жернова! Да, конечно, в любой день, только после обеда.

Потому что Мерси любила поспать подольше,

как выяснила Кендл, а вовсе не потому, что клиенты обивали ее порог по утрам, и даже не потому, что она по утрам рисовала. Просто Мерси вела ту самую неорганизованную, расслабленную, безмятежную жизнь в соответствии со своими желаниями, о которой мечтала сама Кендл.

— Бабушка, — сказала она ей однажды, — когда я вырасту, я буду жить точно так же, как ты.

— Это как же? — развеселилась Мерси.

— Ну, без всяких планов. Буду делать что хочу и когда хочу, и никто мне не будет ничего указывать.

— В этом есть своя прелесть, — согласилась Мерси. — А дети у тебя будут?

— Ну…

Вообще-то она предполагала иметь детей. Но теперь поняла, что они могут усложнить дело.

— Иногда люди сначала живут одну жизнь, а потом совсем другую, — объяснила бабушка. — Сначала жизнь семейную, а потом совершенно иную. Вот как я сейчас.

И она улыбнулась Кендл озорной, почти шкодливой улыбкой и вновь замурлыкала песенку, подпевая радио, — «Лунную реку», попутно разгадывая кроссворд в «Балтимор сан».

Кендл нарисовала картину с танцующей парой,

и с мальчиком, бегущим вниз с холма, и с девочкой, одиноко гуляющей в лесу, — все сюжеты абсолютно выдуманные. Однажды она попыталась нарисовать бабушку, но в итоге решила, что реальные персонажи гораздо менее занимательны. С реальными людьми вы ограничены реальными фактами — мелкими подробностями вроде пряди волос, выбившейся из пучка, или морщинками в изгибе шеи. А вот неправдоподобно высокое дерево, склонившееся над крошечной одинокой фигуркой ребенка в чаще леса, — вот это крутяк.

Когда Кендл была довольна своей работой, она демонстрировала ее Мерси.

— Хочешь глянуть, что вышло? — спрашивала она.

И Мерси отвечала:

— Да, конечно, — и вскакивала с кушетки, и подходила посмотреть.

Рассматривая рисунок, она всегда становилась очень серьезной. Сначала изучала пристально вблизи, потом отступала на пару шагов, склоняла голову, прищуривалась. И изрекала:

— Мне нравится.

Точка. А интересно, она скажет, если ей не понравится? Кендл думала, что обязательно скажет,

хотя такого никогда не случалось.

Как-то раз Мерси встретила ее в дверях новостью:

— Я только что получила заказ, так что сегодня мы обе будем работать, — и сразу же вернулась к своей картине. Но не за стол — она перенесла все свои материалы на кухонную стойку. Кендл поняла, что не стоит подглядывать, тихонько разложила свои инструменты и приступила к работе над картиной, которую начала на прошлой неделе. Тишину в студии нарушал только шорох двух кистей. Кендл успела привыкнуть к стариковской музыке, но работать Мерси явно предпочитала в тишине, и Кендл поняла почему. В тишине все, что ты делаешь, почему-то кажется более значительным — важным, осмысленным, почти как молитва. И пока полтора часа спустя не появилась мать, чтобы забрать Кендл домой, в студии не прозвучало ни единого слова.

* * *

На свадьбе старшей сестры Кендл и ее кузина Серена были подружками невесты, а роль официальной свидетельницы досталась Мэри Энн Лок, соседке по комнате Робби, из колледжа. Кендл все устраивало: она была настолько младше Роб-

би, что они с сестрой никогда не были близки. Впрочем, если на то пошло, они и с Сереной не особо дружили, даже вообще почти не виделись. Единственное, что у них было общего, так это то, что в своих семьях они были «младшенькими», в отличие от «старшеньких».

— А что, собственно, произошло? — спросила Кендл как-то у матери. — Тетя Лили узнала, что я родилась, и решила тоже заиметь ребеночка, чтобы поддержать компанию?

— Ха! — презрительно отвечала мать. — Думаешь, моя сестрица когда-нибудь *планировала* беременность?

Потому что в семье были не только старшие и младшие — были еще здравомыслящие и придурочные. Или — как говорила тетя Лили — упертые и гибкие. В определениях тети Лили Элис была как раз упертой, а сама Лили гибкой, то есть беззаботной и легкомысленной.

Хорошие и плохие, вот что подразумевалось на самом деле. Понятия, в которые каждая из них вкладывала совершенно разный смысл.

Бабушка Кендл была плохой, по мнению матери Кендл. «О, это не значит, что я ее не люблю, — уточнила она. — Но давайте смотреть правде в лицо: этой женщине не следовало рожать детей».

И завела долгую песню про то, как их обеденный стол был вечно завален тюбиками с краской и кистями; как всю жизнь их кормили всякой ерундой вместо здоровой сбалансированной пищи; как однажды, услышав, что настанет день, когда обычным людям предложат основать колонию на Марсе, Мерси с восторгом воскликнула: «Я бы согласилась! Я бы сразу согласилась, не раздумывая!»

— И это в шестидесятые! Когда ни один из ее детей еще не уехал из дома!

— Она имела в виду, когда все дети вырастут, — терпеливо объяснила Кендл. — Когда она начнет свою следующую жизнь.

— Но даже подумать о таком! Как это вообще могло прийти в голову!

— Послушай, но ее же никто всерьез никуда не приглашал, почему бы и не помечтать?

— Не нужно разговаривать в таком тоне со *мной*, дорогуша, — возмутилась Элис.

Удивительно, что при этом маменька Кендл именно себя считала благоразумной.

На свадебном банкете Мерси спросила Кендл, не хочет ли та съездить с ней в Нью-Йорк.

— Куда? — поперхнулась Кендл. Вот уж точно как гром среди ясного неба.

— Моя старая подруга Магда Шварц устраивает художественную выставку, — сказала Мерси. — Я подумываю поехать. — Они с дедушкой как раз собирались уходить, уже распрощались с остальными, но Мерси задержалась поговорить минутку с Кендл. — Если тебе интересно, я завтра позвоню маме и узнаю, отпустит ли она тебя со мной.

— Да, конечно! Мне интересно! — обрадовалась Кендл.

Она никогда не была в Нью-Йорке. Туда всего три часа поездом без пересадки, но она ни разу в жизни его не видела.

— Но это мероприятие для взрослых, — уточнила Мерси. — Просто хочу сразу предупредить. Мы приедем к обеду, встретимся с Магдой в каком-нибудь ресторанчике, который она выберет, — я сказала, что приглашаю по случаю праздника, — потом пойдем смотреть картины и обратно домой на поезде. На ночь остаться не получится, отели в Нью-Йорке нам не по карману.

— Отлично, — сказала Кендл. — Но хот-доги «Натанс» мы же попробуем?

— Что? А, ну да, почему нет. Перед обратным поездом сможешь купить себе.

— Клево. — Кендл была довольна. Одна дев-

чонка из их футбольной команды вечно бредила этими хот-догами.

Родителям она о приглашении не сказала, рассудив, что Мерси будет гораздо убедительнее. Все равно во время банкета они были слишком заняты, а когда торжество закончилось, по дороге домой только о нем и говорили. Но на следующий день Кендл вскидывалась всякий раз, как звонил телефон, — а вдруг это Мерси. Телефон, к сожалению, звонил часто. Каждый считал своим долгом отметить, какая чудная была свадьба, как очаровательно выглядела невеста, какой милый жених и бла-бла-бла. Наконец уже ближе к вечеру Кендл услышала, как мать сняла трубку и произнесла:

— Алло?.. А, привет, мам.

Кендл отложила комикс и подобралась к дверям кухни.

— Да, я тоже так подумала, — говорила Элис. — Но все равно рада, что все закончилось. (Пауза.) Нью-Йорк? Зачем? (Новая пауза.) Ну, я не… Думаешь, ей будет интересно?..Что? — Она обернулась к Кендл, которая умоляюще сложила ладошки: — То есть ты уже обсудила с *ней*? Знаешь, я хотела бы, чтобы ты… (Опять пауза.) Хорошо, я спрошу Кевина. И перезвоню, ладно? Когда это, напом-

ни?

Повесив трубку, Элис повернулась к дочери:

— Ты должна была рассказать мне о ее планах.

— У меня не было времени.

— Надо же.

— Так мне можно поехать? Пожалуйста, пожалуйста!

— С чего ты взяла, что тебе понравится? — удивилась мать. — Долгая поездка в битком набитом поезде, потом поглазеть на несколько картин и долгая поездка в душном поезде обратно домой…

— Но это же Нью-Йорк! Я там никогда не была!

— Хм, откровенно говоря, как по мне, Нью-Йорк сильно переоценен. Там грязно и полно нахальных агрессивных людей, поверь мне на слово.

— Разве мне нельзя убедиться в этом самой?

— Кроме того, — добавила мать, — я не могу быть спокойна, если с тобой будет только бабушка. Я ей не доверяю.

— Почему это? Она ведь вырастила вас троих?

— Вот именно, — загадочно ответила Элис.

— И нам так хорошо с ней вместе, мы отлично понимаем друг друга. Мне нравится наблюдать за ее жизнью.

— Это меня и тревожит. О господи. Похоже, правду говорят, что родственные черты проявля-

ются через поколение.

Кендл подумала, что вообще-то не все так просто. Ее кузина Серена вот тоже через поколение, но в *ней* никаких бабушкиных черт что-то не проявилось.

* * *

Папа никакого вреда в поездке не усмотрел, поскольку речь шла об одном-единственном дне.

— Но предупреди бабушку, что я отвезу вас на вокзал, а потом встречу, — добавил он. Папа имел собственное мнение об ужасных водительских навыках Мерси, потому что однажды, сдавая задом, она врезалась в свою подругу Брайди — в саму Брайди, а не ее машину, — высунула голову из окна извиниться, хотя Брайди, к счастью, даже не упала, потом засунулась обратно, еще раз включила заднюю передачу и на этот раз по-настоящему сбила Брайди. Почти все в семье считали эту историю уморительной, хотя, на взгляд Кендл, она гораздо больше говорила о Брайди, чем о Мерси. Какого черта эта Брайди не ушла с дороги, когда ее стукнуло машиной в первый раз? Но Кевин не видел здесь ничего забавного. И вечно твердил, что у Мерси надо отобрать права.

Так или иначе, но теплым субботним утром в конце октября он повез Кендл в город, заехал за Мерси в студию и доставил их обеих на Пенн-стейшн. Кендл надела модную юбку — на случай, если ресторан, в который они пойдут, окажется стильным. Мерси тоже была в юбке, но в обычной, и захватила обычный будничный кардиган — вдруг кондиционер в поезде будет работать слишком сильно. Билеты они заказали заранее, нужно было только забрать их в кассе, потом они прошли в здание вокзала, а оттуда прямо на платформу, не дожидаясь, пока объявят их поезд, потому что Мерси часто тут ездила и уже знала, как все устроено. К примеру, знала, что надо пройти чуть-чуть вперед, потому что в первых вагонах народу меньше. И точно, когда поезд подошел, им удалось запросто найти два места рядом. Бабушка жестом предложила Кендл пройти вперед и сесть у окна, потом устроилась сама, достала из сумочки книжку и принялась читать как ни в чем не бывало, словно сидела на кушетке у себя дома.

Кендл тоже захватила с собой книжку, но за всю дорогу и не подумала раскрыть ее. Она была слишком поглощена видами за окном, разглядыванием пассажиров и подслушивани-

ем перепалки молодой пары, сидевшей позади них, — они спорили, заводить им собаку или не стоит. А когда надоело, начала рисовать невидимые картины указательным пальцем. Такая у нее появилась привычка, сводившая с ума ее мать, но сейчас Кендл руку прикрыла, и бабушка ничего не заметила. А может, не возражала бы, даже если бы *заметила*, пришло в голову Кендл.

В какой-то момент глаза у Кендл сами собой закрылись — она же встала сегодня на рассвете, — а когда проснулась, поезд уже проезжал Нью-Джерси, где платформы расположены вплотную к путям и пассажиры толпятся в ожидании, иногда целыми семьями. Вскоре люди в их вагоне зашевелились, собирая вещи, начали снимать багаж с полок. Поезд вошел в тоннель, и в вагоне потемнело. Сердце Кендл забилось чаще, но бабушка продолжала читать, даже в полумраке.

«Пенн-стейшн!» — объявил кондуктор, и это прозвучало очень странно, учитывая, что уехали они тоже с Пенн-стейшн. Но этот вокзал оказался совершенно другим, вообще никакого сравнения. Поднявшись по эскалатору — Мерси закрыла книжку в самый последний момент и с кресла поднялась очень неторопливо, — они оказались в невероятно громадном, почти бескрайнем про-

странстве, где Кендл почувствовала себя совсем крошечной, а мимо сновали, сливаясь в размытые пятна, разные люди, и мужчины в униформе везли тележки с багажом.

— Сюда, — сказала Мерси и повела Кендл сквозь толпу, вверх еще по одному эскалатору, на улицу, где пахло теплой тухлой водой, а оттуда в такси, и только в машине она сунула наконец книжку в сумочку. — Итак, — проговорила Мерси, предварительно назвав шоферу адрес. (И не название улицы, а название ресторана, как будто шофер должен был его знать, хотя, кажется, и в самом деле знал.) — Итак, как тебе Нью-Йорк?

— Эээ… высокий довольно, — промямлила Кендл, уставившись в окошко. — Но не выше, чем кое-где у нас в Балтиморе. Я думала, что придется сильно задирать голову, все выше и выше, пока не шлепнешься на спину, ну ты понимаешь?

— Что ж, возможно, все еще впереди, — улыбнулась бабушка и повернулась к своему окошку.

Кендл обратила внимание, что на тротуарах дикое количество всяких тележек с едой. И дикое количество народу покупает хот-доги, но это не «Хот-доги Натанс».

Они подъехали к ресторану — маленькому, с навесом над входом, — Мерси вручила шоферу

несколько банкнот и сказала: «Сдачи не надо», как будто это для нее обычное дело, потом открыла дверь и вышла из машины, а Кендл поспешила за ней.

Подруга Мерси уже ждала их за небольшим столиком. Сухопарая яркая дама — длинные прямые черные волосы странно контрастировали со старческим лицом; резкая темно-красная черта помады; вызывающе яркий геометрический узор туники, спадающей с острых плеч.

— Мерс! — привстав, вскричала она, расцеловала Мерси в обе щеки и уселась на место.

— А это моя внучка Кендал, — представила Мерси.

Кендл безмолвно улыбнулась и скользнула на стул слева от Магды.

— Рада познакомиться с тобой, Кендал, — сказала Магда. — Твоя бабушка рассказывала, что ты тоже художница, это правда?

— Ну, типа того, — сказала Кендл.

Она оглядела зал ресторана — столы накрыты белыми скатертями, и за ними сидят все такие крутые, сплошь ньюйоркцы и сплошь гламурные. Мерси надела свой кардиган, и было совершенно очевидно, что она тут одна из Балтимора.

Дамы сделали заказ, практически не загля-

дывая в меню, — азиатский салат для Магды, жареные гребешки для Мерси и холодный чай обеим, — а Кендл долго мучилась с выбором. С одной стороны, ей очень хотелось чего-нибудь нового и оригинального, но все же чтобы оно не было *чересчур* оригинальным. В конце концов она остановилась на сэндвиче с салатом из креветок и диетической коле, и когда официант записал ее заказ и сказал «прекрасный выбор», Кендл приободрилась.

А Магда тем временем рассказывала Мерси про открытие выставки, куда было приглашено множество людей, включая некоего мужчину по имени Брюс, с которым они обе, видимо, были знакомы с давних пор.

— И он, разумеется, купил одну из твоих картин, — сказала Мерси таким тоном, что сразу становилось ясно: конечно же, нет.

А Магда ответила:

— Да если бы. И он, как водится, раскритиковал буфет.

— Да ладно!

— «Милая барышня, — сказал он официантке, — умоляю, не говорите, что у вас тут нет красного вина».

— Ой, как я люблю, когда люди верны себе, —

улыбнулась Мерси.

— Я тоже, особенно когда они верны себе в скверных чертах. А знаешь, что я люблю по-настоящему?

— И что же?

— Что в кои-то веки это *не я* мерзкая зануда.

Тут обе они радостно захихикали, склонившись друг к другу, как две школьницы, а Кендл смотрела на них, смущенно улыбаясь.

Когда принесли еду, разговор перешел на живопись Мерси. Она по-прежнему рисует портреты домов? Пользуются ли они спросом?

— Не-а, — небрежно бросила Мерси. — Так, мелкие заказы, там и сям, чаще всего откровенно заурядны, хотя время от времени попадаются любопытные экземпляры, с собственным характером.

Для Кендл это звучало одновременно скромно и немножко хвастливо, поскольку на самом деле заказы у бабушки бывали вовсе не «мелкие, там и сям», а скорее один-два, между которыми Мерси месяцами рисовала исключительно для себя. Но Кендл была рада, что бабушка умеет отлично работать на публику. Ей не хотелось, чтобы Магда начала жалеть Мерси.

Вместе с сэндвичем Кендл подали картофель-

ные чипсы, но класса люкс — толще обычных, с аккуратной полоской кожуры по краешку. Хотя соли могли бы и не жалеть. А в креветочном салате попадались странные кусочки чего-то маринованного. Но зато Мерси очень понравились гребешки.

— Дома никогда не заказываю гребешки, — призналась она. — Они их всегда передерживают. Так что если не готов жевать резиновых моллюсков, приходится ехать в Нью-Йорк. — И, шутливо подтолкнув локтем Магду, добавила: — Робин утверждает, что он терпеть не может путешествовать, потому что еда повсюду непривычного вкуса, не такая, как в Балтиморе. Говорит, никогда не знаешь наверняка, чем тебя накормят.

И обе опять захихикали.

— Ох, боже ты мой, — покачала головой Магда, успокоившись. — Милый Робин.

— Когда наш внук уехал учиться за границу, — продолжила Мерси, — родители подарили ему специальные часы с двумя циферблатами, один для тамошнего времени, а второй — время дома. И Робин сказал… — Тут она свела брови к переносице, изображая недоуменный взгляд. — Сказал: «Зачем это? Полагаю, человек всегда знает, сколько сейчас времени у него дома».

Магда расхохоталась, Мерси выглядела ужасно довольной.

— Правда же? — обратилась она к Кендл.

Кендл, которая не припоминала такого разговора, улыбнулась, но промолчала. Она даже не помнила внука, который учился за границей. (Может, это про ее брата Эдди? Это он любит учить всякие иностранные языки.) Она просто гораздо младше остальных, в этом вся беда. Она безнадежно юна и неопытна, и вечно невпопад, вечно не догоняет. Но будет стараться изо всех сил, чтобы нагнать.

* * *

Произнесите слово «галерея» — и Кендл сразу представит Национальную галерею в Вашингтоне, куда они однажды ездили с классом. Колонны в два ряда, величественные флигели… Поэтому, когда они пришли в галерею Магды, в нескольких кварталах от ресторана, она была разочарована, увидев узкий фасад в одно венецианское окно. А вот Мерси отреагировала совершенно иначе.

— Ого, Магс! — воскликнула она. — Просто роскошно!

— Ага, — согласилась Магда. — Кажется, моя

карьера идет в гору. — И уточнила для Кендл: — Прошлая моя выставка проходила в багетной мастерской.

Кендл признание оценила.

Они вошли, и девушка, сидевшая за стойкой, тут же вскочила им навстречу.

— Мисс Шварц, рада вас видеть.

— Привет, Вирджиния. Мистер Филлипс здесь?

— Нет, простите, он обедает.

— Ладно, неважно. Я привела подруг показать выставку. Мерси — художница из Балтимора. Мы вместе учились. А это ее внучка, Кендал.

— Добрый день, — поздоровалась Вирджиния и слегка как бы присела, почти в реверансе. Одета она была сногсшибательно: черный вязаный топ с оборкой слишком длинной, чтобы сойти за простую отделку, но чересчур короткой для юбки, а снизу ничего, кроме черных колготок и черных балеток. Кендл все примечала, прикидывая, позволит ли *ей* мать носить подобный наряд. А Магда, подхватив Мерси под локоть, подвела к первой картине.

— Вот об этом я тебе рассказывала, — сказала она. Кендл остановилась в паре шагов позади них. — Никак не могу решить, закончена она или нет. Как думаешь? Может, придержать, пока не

определюсь?

— Ни в коем случае, не надо ничего придерживать, — твердо сказала Мерси. — Ты же помнишь, что всегда говорил мистер Ласалль? «Худшее, что можно сделать с картиной, это испортить бесконечными доработками».

— Да, так он и говорил, — вздохнула Магда. — Ты права.

Кендл, однако, не была настолько уверена. Картина представляла собой блестящий белый прямоугольник, фута два на три примерно, с единственной черной завитушкой типа логотипа «Найк» в нижнем левом углу. Интересно, мистер Ласалль никогда не говорил, что картина может быть *недо*работана?

Следующее произведение оказалось чуть более содержательным — пять зеленых V, разбросанных там и сям по матовому бежевому фону. Можно вообразить, что эти V — стая птиц. Хотя, наверное, подумала Кендл, неправильно пытаться найти в живописи что-то знакомое. Может, надо воспринимать эти V как есть. Она прищурилась и сконцентрировалась на восприятии.

Не то чтобы она никогда раньше не видела абстрактной живописи. У дедушки с бабушкой дома был огромный художественный альбом с

размазанными каплями и закорючками Джексона Поллока и линолеумными квадратами Мондриана. Но сейчас Кендл впервые намеренно старалась понять идею и усиленно морщила лоб у каждой работы, следуя за художницами по периметру зала.

— О, Магда, как много красных точек! — заметила бабушка, а Кендл недоумевала — много? Потому что в данный момент она разглядывала большой белый квадрат с единственной красной точкой чуть в стороне от центра.

Но Магда ответила:

— Ага, неплохо продавалось, должна признаться.

И Кендл поняла, что имела в виду бабушка. Она оставила дам и направилась ко входу в галерею, где к стене был прикреплен лист бумаги. Красная точка, красная точка, красная точка — против списка с названиями и ценой, и все цены измеряются тысячами. Четыре тысячи, пять тысяч. Вон даже семь тысяч. Кендл вернулась к Мерси, которая продолжала осматривать выставку самостоятельно, потому что Магда ушла побеседовать с Вирджинией.

— Что думаешь? — спросила Мерси.

И Кендл честно ответила:

— Это правда… любопытно.

И поежилась, потому что вспомнила, как дедушка всегда говорит, если ему предлагают непривычную еду. «Очень… любопыыытно», — тянет он, и вся семья за столом обменивается понимающими улыбками.

Но Мерси лишь ободряюще похлопала Кендл по руке и сказала:

— А мне вот любопытно смотреть на подобную живопись и воображать, каково это, когда заканчиваешь такую работу. То есть откладываешь кисть, делаешь шаг назад и думаешь: «Да, вот именно это я и имела в виду». И тогда я понимаю, какое это, должно быть, грандиозное удовольствие. Недоговаривать, не доводить до конца, не испытывать потребности выплеснуть все наружу. Быть способным на такую… сдержанность. Я сама не способна, но, признаюсь, меня восхищает это качество. Разве не удивительно, как по-разному устроено сознание у разных художников?

— Ладно, — согласилась Кендл. — Но что скажешь насчет цен?

— А что с ними такое?

— Эти картины стоят тысячи долларов! Это нечестно!

— Нечестно?

– *Ты* вкладываешь в свои картины гораздо *больше* труда.

Бабушка рассмеялась:

— Солнышко, глупо заглядывать в чужую тарелку.

— В смысле?

— Просто иди своей дорогой. И не парься из-за других.

Сначала это показалось бессмыслицей, но потом до Кендл дошло. И как будто с ее плеч кто-то снял тяжкий груз, она благодарно улыбнулась Мерси, а Мерси улыбнулась в ответ.

* * *

Но все же бабушка казалась непривычно тихой — какой-то рассеянной, сосредоточенной на чем-то своем, внутреннем, и Магде пришлось дважды переспрашивать, не хочет ли она выпить тут неподалеку, когда они закончили экскурсию по выставке.

— Выпить? — запинаясь, переспросила Мерси.

А Магда поинтересовалась:

— Сколько у вас времени до поезда?

— Поезд! Ой! — Мерси взглянула на часы: — Нам пора на вокзал!

Магда остановила такси, царственным жестом

вскинув правую руку; последовали объятия, и огромное спасибо, и непременно надо опять устроить что-нибудь.

— Господи, — выдохнула Мерси, когда они с Кендл устроились на сиденье. — Я должна была… надо было взять билет на попозже… я просто не предполагала, что все так затянется!

— Но мы можем зайти в «Натанс»? — спросила Кендл.

— Куда, милая?

— В «Хот-доги Натанс».

— О, я… Знаешь, я не планировала, что мы пойдем в галерею пешком. Оказалось так далеко. И заняло гораздо больше времени, чем я рассчитывала.

Вообще-то там было совсем не далеко, просто Мерси уже старушка. Кендл вздохнула, надеясь, что бабушка обратит внимание, но потом плюнула на это дело и просто наблюдала за дорогой. К счастью, доехали они без проблем, и когда подрулили к Пенн-стейшн, Мерси заметила:

— Вот видишь, — как будто и не паниковала совсем недавно, — *уйма* времени.

Но подойдя к информационному табло выяснить, подошел ли их поезд, она воскликнула:

— О, он уже здесь! — А потом: — Но мы должны

купить тебе хот-дог! — словно эта тема возникла только что.

Но Кендл сказала:

— Брось, не надо.

И Мерси явно обрадовалась и тут же ринулась к эскалатору.

Они спустились в полумрак нижнего мира, где уже стоял, тихо жужжа, их поезд; в окнах сплошь склоненные головы, как если бы все пассажиры разом принялись обдумывать серьезные вопросы бытия, хотя, возможно, они просто читали. Мерси поднялась в первый попавшийся вагон, а когда Кендл, взбираясь следом, спросила: «А не лучше пройти вперед?» — лишь отрывисто бросила: «Я просто хочу найти два места рядом».

Кендл именно это и имела в виду, потому что вагон был битком набит и свободных мест не осталось. Так что им все равно пришлось пробираться вперед, и времени на это ушло гораздо больше, чем если бы они просто прошли по платформе.

В конце концов они нашли два места рядом, бабушка с облегчением плюхнулась на сиденье.

— Уф! — выдохнула она, потом обернулась к Кендл, которая еще устраивалась: — Ой, Кендал, ой, милая, — тихо и растерянно.

— Что?

— Ты же хотела купить хот-дог?

— А? Да все нормально, бабуль.

— Прости меня! Надо было напомнить!

— Я все равно не успела проголодаться после обеда.

И это правда. Кроме того, она отчего-то начинала тревожиться. А от волнения у нее всегда сводило живот.

Поезд качнулся, еще и еще, и поплыл из тьмы в предвечерний свет; мужской голос в динамиках приветствовал пассажиров и перечислил города, через которые они поедут. Кендл расслабилась, только услышав Балтимор. Мерси наконец-то тоже успокоилась и стала больше похожа на себя и, как только появился кондуктор, с готовностью сунула ему билеты.

— Итак, — сказала она, когда кондуктор отошел. Вытащила из сумочки цветастый платочек и промокнула лицо. — Ну и переполох мы устроили, правда?

— Точно, — согласилась Кендл, потому что хотя она и не слышала никогда такого слова, нетрудно было догадаться, что оно значит.

Поезд набрал скорость. Пассажиры тихо беседовали друг с другом — все балтиморцы, показалось

Кендл, притихшие, взъерошенные и явно с облегчением возвращающиеся домой. Бабушка почему-то молчала, и Кендл, обернувшись к ней через несколько минут, увидела, что она спит, привалившись головой к стеклу.

В этот раз Мерси не предложила Кендл сесть у окошка. Еще по пути, на эскалаторе, она уточнила этот момент. Со своего места Кендл и так все было видно, но она все равно почему-то чувствовала себя немножко брошенной. Почему-то вдруг поймала себя на мысли: «Я еще маленькая! Она должна больше обо мне заботиться!»

Мерси спала, платок на ее коленях медленно, сам собой, расправлялся.

Поезд останавливался в разных городах Нью-Джерси, потом была остановка в Филадельфии, потом в Вилмингтоне, штат Делавэр. Кендл с самого обеда не была в туалете, но решила, что может еще потерпеть. Она глазела в окно на пролетавшие мимо деревья, все еще покрытые листвой и даже не думавшие желтеть, и выводила пальцем по сиденью кресла их невидимые контуры. Наблюдала, как женщина, сидевшая по диагонали от них, рассматривала себя в зеркальце уже в третий раз, — может, она волнуется перед свиданием с тем, кто будет ее встречать.

— Следующая Балтимор, — наконец объявил кондуктор — не в микрофон, а лично, появившись в начале вагона. Он направился в их сторону, собирая по пути отрывные талоны, висевшие на некоторых креслах.

Кендл повернулась к Мерси.

— Бабушка? — позвала она. — Пора просыпаться.

Бабушка спала. Кендл легонько тронула ее запястье:

— Мы подъезжаем, бабуль.

Без ответа. Кендл придвинулась поближе и вновь было заговорила, но то, что она увидела, заставило резко отшатнуться. Глаза Мерси были чуть приоткрыты. Узкая блестящая полоска посверкивала из-под век.

Кендл вскочила и выпрыгнула в проход, больно ударившись бедром о ручку кресла. Спотыкаясь, метнулась к кондуктору, который как раз снимал талон над головой дамы с зеркальцем. Он был большим, медлительным, с приятным смуглым лицом — сразу чувствовалось, что на него можно положиться.

— Мистер кондуктор!

— Да, мэм? — И голос у него был глубокий, мягкий, умиротворяющий.

— Я никак не могу разбудить бабушку.

Он не подал виду, что встревожился, просто сказал:

— Что ж, бывает. Давайте посмотрим, чем мы можем помочь.

Кендл обернулась еще раз проверить, как там бабушка.

Мерси так и сидела, привалившись головой к окну. Вот было бы здорово, если бы она сейчас спокойно выпрямилась и принялась безмятежно сворачивать и укладывать платочек в сумку! Вот тогда Кендл почувствовала бы себя дурочкой — о, *с какой радостью* она почувствовала бы себя дурочкой! Но лишь посторонилась, пропуская кондуктора; тот наклонился — все еще не выказывая ни малейшей тревоги, — взял Мерси за запястье, подержал мгновение.

— Ну что ж… — выговорил он наконец. — Вот что я вам скажу, юная леди. Пойдемте со мной, пока ваша бабушка не станет чуть поживее.

— А что с ней?

— Ну, как по мне, она чертовски устала, полностью измотана. Знаете, Нью-Йорк именно так действует на людей.

«Н-Йоок», — мягко и округло произнес он. И этот город будто стал сердечнее, чем на самом

деле.

— Но с ней все будет хорошо? — спросила Кендл.

– *Э… да. Да.* Просто пойдемте пока со мной.

И она пошла за ним, чувствуя не передаваемую словами радость, что можно сбежать от бабушки, и одновременно терзаясь чувством вины за эту радость. Кондуктор провел ее в следующий вагон впереди и усадил на первое сиденье справа. Рядом лежали чьи-то вещи, возможно, его, — полотняная сумка и коробка для ланча.

— Устраивайтесь здесь, — велел он. — Пока я не вернусь.

И ушел. Глядя в его спину, удаляющуюся по проходу, Кендл уже соскучилась.

Потом случилось еще несколько поводов для волнения. Отчасти потому, что они въехали в тоннель, а значит, их станция уже близко; в окнах потемнело, пассажиры начали вставать и собирать багаж. Потом вернулся кондуктор и спросил, кто будет встречать ее на вокзале. Или нет, сначала поезд остановился, все еще в тоннеле, и только потом он пришел спросить, кто ее встречает.

— Папа, наверное, — сказала она.

А он спросил:

— Как зовут твоего папу, детка?

— Кевин Лейни, — сказала она, и кондуктор ушел.

Но сейчас ей казалось, что «Кевин Лейни» прозвучало как-то не совсем правильно. Так бывает, когда много раз повторяешь слово и оно постепенно начинает казаться незнакомым. Неужели ее отца правда зовут Кевин Лейни? Поезд совсем затих, теперь смолк не только стук колес, но и урчание кондиционеров, и сразу стало очень жарко. Потом в громкоговорителе раздался голос — не знакомого кондуктора, а чей-то еще — и сказал, что поезд подходит к станции. Пассажиры оживились, самые нетерпеливые уже стояли в проходе. Какой-то ребенок начал пролезать вперед, толкать всех. Наконец поезд вновь тронулся, кондиционеры заработали, они выехали на свет, чудесный предвечерний свет, и поезд замедлил ход и остановился, и люди в проходе качнулись было вперед. Но тут ожили динамики и голос сказал, что двери пока не откроют. Надо немного подождать. И опять недовольный ропот. Несколько человек вернулись на свои места, но большинство остались стоять, один так близко к Кендл, что рукав сложенного плаща, висевшего на локте, задевал ее по голове. Кендл почувство-

вала, что если не сможет немедленно выскочить из поезда, то сломается, как ветка, которую наклоняли, наклоняли, наклоняли; она больше не вынесет этого. Но потом — оп! Ее кондуктор. Милый, милый кондуктор протискивается сквозь толпу в проходе и пробирается прямо к ней.

— Все в порядке, юная леди?

— А как моя бабушка?

— Ею сейчас занимаются, — сказал он. — С ней все в порядке, и она молодец. А вы пойдемте со мной, я вас провожу.

Кендл должна была бы напомнить, что двери еще закрыты, но не стала. Ей хотелось верить, что как только они вдвоем доберутся до ближайших дверей, те волшебным образом откроются перед ними. И так оно и случилось. Они вышли на площадку, и двери тут же растворились, и Кендл шагнула из поезда прямо в объятия отца.

* * *

Он сказал, что все уже хорошо, они сейчас пойдут к машине и поедут домой, чтобы все рассказать маме. Кендл не спросила, что они должны рассказать. Она догадалась. Ни слова не говоря, она шла рядом с отцом к лестнице и не проронила ни слезинки, пока он не сказал:

— Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через это, девочка моя.

И тут Кендл сломалась. Ему пришлось подхватить дочь под локоть, иначе она упала бы, и она повернулась, и уткнулась лицом ему в грудь, и разрыдалась так горько, что промочила его рубашку, а он все повторял:

— Ну что ты, ну полно. Я понимаю. Ты пережила ужасное потрясение. Бедняжка моя.

Но она плакала вовсе не из-за потрясения. Она плакала, потому что только что бросила единственного человека на свете, который называл ее Кендал.

7

К лету 2014 года из всех Гарреттов в Балтиморе остались Лили и Эдди. Не под одной крышей, разумеется. Лили так и жила в своем старом доме в Сидаркрофт, хотя Моррис скончался от рака прошлой зимой. А Эдди купил дом в Хэмпдене, и все семейство сочло это забавным в свете того факта, что Робин и Мерси именно из Хэмпдена сбежали шестьдесят лет назад. Ныне, однако, этот район считался хипстерским. Жителям порой приходилось оставлять машины за несколько кварталов от дома, потому что улицы забиты чужаками, приезжающими пообедать в стильных ресторанах и пройтись по модным ювелирным салонам.

Робин и Мерси уже умерли — Робин меньше чем через год после Мерси, как будто не видел смысла жить без нее, — а Элис с Кевином переехали во Флориду, где Кевин мог круглый год играть в гольф, а Элис инспектировать курсы в местном колледже. Лили, теоретически, тоже вышла на пенсию, но, как прежде ее отец, норовила время от времени заглянуть в магазин, исключительно

чтобы держать руку на пульсе, как она говорила. Эдди всегда был ей рад, сообщал новости о ее любимых давних клиентах и знакомил с новыми линейками продуктов. («Биде! — фыркала она. — Только этого не хватало! Кто тут в Балтиморе вообще знает, что такое биде?») Эдди еще подростком начал работать в «Веллингтоне». Из всех внуков Робина он единственный унаследовал страсть деда к инструментам, его интерес к тому, как работают разные механизмы и как бы придумать, чтобы они работали лучше. И правильно, что он взял на себя управление семейным бизнесом. Сначала шли разговоры насчет того, чтобы Эдди пошел работать в отцовскую фирму, но парень не проявлял ни малейшего энтузиазма, строительство торговых центров и загородной недвижимости — такое не для него. Впрочем, разговоры эти вел исключительно Кевин, не Эдди.

Однако за пределами семейного магазина Лили с Эдди почти не пересекались. У нее были свои друзья, у него свои. Каждый из них жил собственной отдельной жизнью.

Поэтому Эдди несколько удивился, когда однажды воскресным утром она позвонила ему домой и пригласила на обед.

— Пообедать? — переспросил он. — В смысле,

сегодня?

— Я понимаю, что надо было предупредить заранее, — сказала Лили. — Но я как раз пакую вещи и, пока еще не позвонила в Армию спасения, хочу предложить тебе глянуть, не пригодится ли тебе что-нибудь отсюда.

— Почему ты пакуешь вещи?

— Переезжаю в Эшвилл, в Северную Каролину, помочь Серене с малышом.

— Да ты что! Переезжаешь навсегда?

— Именно.

— Продаешь дом? Собираешься купить новый?

— Да нет, новый покупать не собираюсь. Ни к чему. У Серены с Джеффом есть отдельная квартира на третьем этаже.

Эдди растерялся. Новость застала его врасплох. Он стоял, сжимая в руке телефонную трубку и невидящим взглядом уставившись на стенной календарь, в пальцах левой руки повис секатор.

— Серена просто *в истерике*! — говорила Лили, и голос у нее почему-то был довольный. — Она так рыдала, когда позвонила, что я не могла разобрать, что она говорит, но в итоге выяснилось, что, оказывается, материнство дается ей гораздо труднее, чем она рассчитывала.

— Э, ну да, наверное… а сколько ребенку?

— Четыре с половиной недели.

Он не помнил, как зовут ребенка. И даже какого он пола, если начистоту. Избегая местоимений, Эдди спросил:

— Возможно, это обычные детские колики или типа того?

— И что? Это же Серена рыдает, а не малыш Питер.

Питер. Ясно.

— Я хотел сказать, — уточнил Эдди, — может, сейчас просто трудный момент и скоро все наладится? Она возьмет себя в руки, и тебе вовсе не нужно переезжать насовсем.

— Ну конечно, это просто трудный момент! Она быстро приноровится, я знаю Серену. Поэтому мне нужно действовать мигом, раз-раз, пока она не сообразила, что не так уж сильно во мне нуждается.

Эдди захохотал.

— Что смешного?

— Я бы советовал тебе не выставлять пока дом на продажу, — сказал он.

— Поздно! Я уже предложила его «Додд», из группы «Голдман». Бывшей фирме Морриса.

— Вон оно что.

— Так ты придешь на обед или как?

— Да, конечно. С удовольствием.

Он решил, что возьмет несколько безделушек, чисто из вежливости, а потом возвратит их, когда Лили вернется. Потому что она *непременно* вернется, он был уверен. Серена окажется более чем адекватной в трудностях материнства. А Лили — навсегда «девушка из Балтимора», до мозга костей. Она там ошалеет, в этом Эшвилле. Они договорились, в какое время ему удобнее пообедать, — в час дня, а значит, он будет страшно голоден, потому что встает в шесть. Эдди повесил трубку и пошел во двор закончить с подрезанием кустов. Клод все еще сидел за столом в патио, пил кофе и читал воскресную газету. Он не любил ни вставать рано, ни возиться в саду. Это сразу понятно, достаточно на него взглянуть — уютный, пухлый, сутулый, неопрятная косматая борода и заляпанные очки. Завидев Эдди, он вопросительно приподнял бровь, и Эдди пояснил:

— Это моя тетушка Лили.

— Как она поживает? — спросил Клод.

— Говорит, что переезжает. Перебирается в Эшвилл помочь с внуком и хочет, чтобы я зашел к ней на обед, а она покажет мне всякое барахло, которое она оставляет, вдруг мне что-нибудь пригодится.

— Когда, сегодня?

— Угу.

— Тогда глянь, не найдется ли у нее старых настольных ламп.

Клод вечно жаловался, что ему негде читать, света не хватает.

— Посмотрю, — пообещал Эдди. — Но готов спорить на что угодно, не пройдет и года, как она вернется и будет искать, куда они подевались.

Клод фыркнул. У него не было никаких оснований ставить на те или иные поступки тетушки Лили, он же с ней никогда в жизни не встречался.

Клод был гораздо более откровенен, чем Эдди. Он представил Эдди своим родителям много лет назад, и с тех пор они регулярно встречались по воскресеньям за ужином. Но семейство Эдди никогда не видело Клода. Вообще-то они даже не знали о его существовании.

К счастью, Клод был из тех редких людей, кто принимает слабости и промахи любимых, философски пожимая плечами и не произнося ни слова. И когда сейчас Эдди сказал: «Прости, что смоюсь на время обеда», Клод лишь кивнул: «Да все нормально» — и вернулся к своей газете.

А Эдди, чуть помедлив, вновь занялся обрезкой

нандины.

* * *

— Ты считаешь, я поступаю опрометчиво, — встретила его Лили на пороге. Он даже войти еще не успел. — Думаешь, я пожалею, что продаю дом. Но нет, Эдди, поверь. Я знаю, что делаю.

Он принес с собой бутылку вина и приоделся как для выхода в люди — насколько вообще способен был принарядиться. Хотя внешне Эдди был похож на отца, но давным-давно сменил щегольской стиль Кевина на более подходящий своему месту работы: футболки и мешковатые штаны. Однако сегодня футболка была с воротником и пуговками спереди, а штаны свежевыстиранные. Лили же, напротив, оделась как для тяжелой работы. Вытертые джинсы, майка-алкоголичка, открывавшая увядшие руки, седые волосы небрежно стянуты в хвост простой резинкой, лишь бы не мешались.

— Вино! — обрадовалась она. — Как мило. Но не позволяй мне увлекаться, нам еще предстоит таскать много чего. — И продолжила говорить, ведя его через гостиную: — Ты хоть отчасти представляешь, каково это — быть матерью Серены? Она же всегда была такая рассудительная, такая

правильная. Прямо как твоя мать. Прости. И сначала я думала, что с появлением ребенка ничего не изменится. Я ездила к ним на рождение, и Серена была вся такая сияющая, прямо мадонна, и такая, хм, благостная. Но это пока Питер только родился и все время спал. Через пару недель, когда я уже вернулась домой, а малыш обрел индивидуальность, она и начала звонить.

Гостиная Лили выглядела как обычно, мебель по-прежнему на своих местах, на полу все тот же ковер. Но, войдя в столовую, Эдди увидел, что весь стол заставлен тарелками, бокалами и безделушками. Обед был накрыт на кухне: поджаренные сэндвичи с сыром на двух тарелках, а рядом простые бумажные салфетки.

— Принесешь бокалы из столовой? — попросила Лили и продолжила ему вслед, повысив голос: — И вот в перерывах между рыданиями, когда хоть что-то можно разобрать из ее слов, она рассказывает, что весь день, пока возится с ребенком, ее мучает некое чувство, будто она должна что-то сделать. «Но что именно? — спрашивает она себя. — Я же знаю, было что-то важное». А потом, часов в пять уже, выясняется: «О, я вспомнила. Я должна причесаться».

Сочувственно хохотнув, Эдди поставил винные

бокалы на кухонный стол.

— Я ей говорю, спокойно так говорю: «Солнышко, это не навсегда. Ты просто пока еще не приспособилась, — говорю. — Ты же всегда была такая организованная».

— А где же… Джефф? Где ее муж? — удивился Эдди.

— Она говорит, от него никакого толку. Хуже чем бесполезен. Говорит, он боится младенцев. Вот что бывает, когда выходишь замуж за чокнутого ученого.

Эдди еще раз усмехнулся, отодвинул стул и сел.

— Вот я и думаю, что в кои-то веки настал мой час, — сказала Лили, усаживаясь напротив. — Когда еще я смогу прийти на подмогу и взять инициативу в свои руки? Э-ге-гей!

Всю свою жизнь Эдди слушал, как его мать рассуждает, насколько взбалмошна и безалаберна ее сестрица, но сейчас он впервые лично столкнулся с этим. (Возможно, Моррис был сдерживающим фактором?) Лицо Лили восторженно застыло, глаза словно излучали свет.

— Лили спешит на помощь! — издала она гортанный клич. — Давай смотреть правде в глаза: с *другими* внуками у меня никогда такого шанса

не будет. Женушка Робби, эта Мадам Всезнайка… И вдобавок они живут на Восточном побережье рядом с ее родственниками. Да, знаешь, все, что люди говорят про невесток, — чистая правда.

Эдди понятия не имел, что люди говорят про невесток, у его матери были только зятья, мужья Малышки Робби и Кендл, и они жили в разных концах страны. Но он сказал:

— Да, я понимаю, почему ты стремишься помочь. И знаю, что Серена будет тебе рада. Но все же — ты уверена, что надо прямо сейчас избавляться от дома? Может, пока не станешь выставлять его на продажу?

— Ну уж нет. — Лили сделала щедрый глоток вина и решительно поставила бокал. — У меня будет милая квартирка на третьем этаже, которую мне даже не нужно будет обставлять, потому что она уже полна изящного антиквариата, доставшегося от Джеффовой родни. А кстати, может, ты захочешь купить мой дом! Прикинь: тут полный комплект, все есть.

Эдди улыбнулся:

— Спасибо, конечно. — Он тут же представил реакцию Клода на предложение переехать в Сидаркрофт.

* * *

У Лили и в самом деле имелись отличные сервизы — цельные, не разрозненные предметы, как у Эдди. А еще две настоящие чугунные сковородки, пригодные для сильного жара, и мультиварка такого размера, что можно целую армию накормить. Всякий раз, как Эдди отмечал наличие чего-нибудь стоящего, вовсе не утверждая, что он это заберет, Лили издавала победный клич и тянулась за картонной коробкой. У нее их была заготовлена целая стопка, как у профессиональных специалистов по переездам, — все сложены в углу столовой рядом с кипой газет. Каждый фарфоровый предмет следовало завернуть в газетный лист, поэтому коробка быстро заполнялась, и им приходилось брать следующую.

— Погоди-ка, — взмолился в какой-то момент Эдди. — Позволь тебе напомнить, что у меня малогабаритный автомобиль.

— И что? Можешь съездить несколько раз.

От мебели Эдди отказался.

— У меня и так все заставлено, — сказал он. — Тем, что мама с папой мне отдали, когда переехали. О! А у тебя есть лишние настольные лампы?

— Ха, есть ли у меня лампы! Конечно же, есть!

Пойдем со мной, мальчик мой. — И потащила его в гостиную, где одна лампа, торшер, идеально подходила для чтения, хотя две другие оказались более декоративными.

Вот тут-то Эдди и обратил внимание на глубокое кресло.

— Я его помню. Это дедушкино.

— Точно. А еще раньше — дедушки Веллингтона, — сказала Лили. Она нежно погладила спинку — чуть заметный изгиб потертой коричневой кожи. — Настоящая фамильная реликвия. Оно тебе непременно нужно, точно говорю.

— Но, может, его захочет кто-то из твоих детей? Тот же Робби, он ведь теперь тоже папа?

— Робби! Его женушка тут же закатит скандал. Она помешана на этом металл-и-стекло стиле. А у Серены я уже спросила, и она сказала: «Умоляю, не привози, пожалуйста, никаких *реликвий*».

Эдди уселся в кресло, откинул назад голову. Ну да, вполне удобно. Но он думал о том, что удобно здесь будет не ему — а Клоду. Представил, как умиротворенно Клод сидит в этом кресле по вечерам, свет торшера падает на листы контрольных, которые он проверяет.

— Моррис ворчал, что это кресло действует лучше любого снотворного, — вздохнула Лили,

поглаживая обивку. — Устроится, бывало, после ужина — и *упс*! Уже храпит.

— Кажется, я *видел*, как он спит здесь, — вполголоса проговорил Эдди.

— Может, и видел. Мой милый, дорогой Моррис. Знаешь, иногда я представляю, как он вдруг возвращается. Как входит в дверь, весь такой робкий и застенчивый, не хочет меня беспокоить, а я говорю: «Милый, мне столько всего нужно тебе рассказать!» Вот об этом я больше всего жалею: сколько всего он пропустил, хотя его совсем недолго нет с нами. «Робби стал настоящим журналистом, представляешь? — сказала бы я. — А Серена назвала малыша Питер Моррис Хайес. А Джоан и Мел из дома напротив развелись, вот уж о ком никогда бы не подумала».

— Возможно, он знает обо всем. — На самом деле Эдди так не считал, но вроде так принято утешать людей, которые потеряли близких.

Однако у Лили было свое мнение на этот счет.

— А я искренне надеюсь, что он ничего не знает, — заявила она. — Потому что трудно представить худшую пытку, чем смотреть с небес, как твои родные страдают без тебя.

— Ты права, — согласился Эдди.

— Так ты берешь кресло?

— Ну… — Он встал, задумчиво оглядел кресло еще раз. — Не понимаю, как его перевезти.

— Я помогу! Погрузим его в мой хэтчбек, и я отвезу к тебе домой. — И продолжила, вероятно полагая, что окончательно сломила его сопротивление: — Альбомы ты тоже возьмешь.

— Какие еще альбомы?

— Семейные фотоальбомы.

— О нет, благодарю. Я не любитель таких сувениров.

— Черт возьми. Мои детки тоже не хотят, я уже спрашивала.

— Может, кто-то из моих сестер?

— Спрошу, — с сомнением проговорила Лили. — А если нет, отправлю их Дэвиду.

— Дэвиду!

— Просто напомнить, что у него есть семья, — печально усмехнулась Лили. — Да, так я и сделаю: упакую и отправлю по почте Дэвиду. А он пускай распорядится ими как пожелает. Наверное, сразу и *распорядится*, прямиком в мусорную корзину. За что он нас так не любит?

Эдди пожал плечами. Он настолько часто слышал эту фразу, что перестал реагировать.

— Прикинь, — продолжала Лили, — ведь окажется, что дело в какой-нибудь ерунде, типа «Мне

всегда доставался самый маленький кусочек пирога». Или «Меня заставляли каждую неделю косить газон, а сестер — никогда». В смысле, ничего серьезного. Никаких там… над ним издевались, или запирали в подвале, или еще что.

— Ну, может, мы ему просто не нравимся, — сказал Эдди. — Никогда не задумывалась?

— Не нравимся! — ошеломленно застыла Лили.

— Так ты серьезно насчет хэтчбека? — вывел ее из ступора Эдди. — Не хочу доставлять тебе хлопот, но…

— Совершенно серьезно. — Лили деловито вытерла ладони о джинсы и ухватилась за край кресла.

— Я не имел в виду немедленно.

— А когда? Потом у меня будет еще меньше времени.

Эдди уступил и наклонился, хватаясь за другой край.

* * *

Он понимал, что не следует писать эсэмэски за рулем. Прикидывал, не остановиться ли на минутку — «Везу домой тетушку хотел предупредить», всего-то и нужно написать, — но Лили

могла обогнать и добраться раньше, чем он. Поэтому Эдди решил просто ехать домой. Если Клод увидит, как они подъезжают, он догадается, а если услышит, что они вошли в дом — надо просто говорить нарочито громко, — то сообразит, что нужно скрыться из виду. Нет проблем.

Но захочет ли он скрыться?

Иногда Эдди задумывался, а понимает ли Клод, в каком положении находится он, Эдди? Клоду хорошо, его родители всегда принимали его таким, какой он есть. И вообще он *знал*, какой он, в этом тоже большая разница. А сам Эдди… Эдди и представления не имел ни о чем таком вплоть до восьмого класса. А в восьмом классе он влюбился в Карен Смолл, самую популярную девочку в школе. И в силу этого абсолютно недосягаемую, как он сейчас понимал. Ни малейшей угрозы взаимности. Но Карен встречалась с Джемом Бафордом, и Эдди принялся изучать Джема Бафорда, чтобы понять, что же в нем такого особенного. Он вдруг заметил его кривую улыбку, чудной вихор, вечно торчащий на макушке, привычку сжимать в зубах стержень авторучки, как незажженную сигарету. И в конце концов… Погоди-ка, сказал себе Эдди, я что, влюблен в *Джема*?

Он свернул на свою улицу. Каким-то чудом

прямо напротив дома нашлось свободное парковочное место. Эдди остановился рядом с ним и посмотрел в зеркало заднего вида. Над грудой коробок, завалившихся заднее сиденье, он разглядел, как медленно подъехала «тойота» Лили. Он вышел, Лили опустила стекло и выжидательно смотрела на Эдди.

— Ты занимай это место, — предложил он, — а я поищу подальше впереди.

— Ладно.

Но впереди ничего не нашлось — ни в их квартале, ни в следующем. Пришлось свернуть в переулок и припарковаться криво и слишком далеко от бордюра, потому что Эдди спешил вернуться к своему дому. Лили уже так долго его дожидалась, что он даже не стал возиться и вытаскивать пару коробок, чтобы заодно прихватить с собой.

Но Лили не ждала в машине. Водительское место оказалось пусто. И, заглянув через заднее стекло в салон, он обнаружил, что кресла тоже нет.

А дверь в дом открыта. Эдди взлетел на крыльцо, перепрыгивая через ступеньку, на ходу выкрикнув: «Привет!»

Лили оказалась в гостиной. Она чуть двигала

кресло, пару дюймов влево, пару вправо, пристраивая в углу. А Клод оттаскивал в сторону кресло-качалку, которое стояло там раньше.

— О, привет, Клод! Как поживаешь?

— Что скажешь? — спросила Лили, выпрямляясь и отряхивая ладони. — Здесь подойдет?

— Конечно! Отлично! Тетя Лили, это Клод Эверс. Клод, это…

— Да мы уже закадычные друзья, — улыбнулась Лили. — Мы на пару втащили это кресло на крыльцо. — Обернулась к Клоду: — Ты весь в пылище. Да уж, сразу видать, какая из меня хозяйка. — И рассмеялась.

— Это, скорее, от кресла-качалки, — возразил Клод, печально разглядывая свою футболку.

— Прости, что так задержался, — сказал Эдди.

— Да все нормально! — успокоила Лили, подхватила свою сумочку, чмокнула его в щеку. — Ладно, дружочек, я побежала. Позвоню тебе попрощаться перед отъездом. Через неделю, не раньше.

— А… хорошо… спасибо еще раз, тетя Лили. И за обед, да.

— На здоровье! Спасибо *тебе* — за отличное вино. — Помахала Клоду: — Пока, Клод.

— Пока, Лили. Рад был познакомиться.

Эдди прошел к выходу и стоял, провожая взглядом машину Лили. Потом вернулся в гостиную.

— Что произошло? — спросил он Клода.

— В каком смысле, что произошло? — удивился тот. Он как раз тащил кресло-качалку в сторону лестницы.

— Как получилось, что вы с ней столкнулись?

— Она же тебе сама рассказала. Я выглянул в окно, вижу, женщина пытается вытащить из машины вот это здоровенное кресло. Что я должен был делать? Ты же не думаешь, что я мог позволить ей биться с этой махиной в одиночку?

— Но это просто… очевидно, — сказал Эдди.

— Что именно?

— Ты должен был по меньшей мере заподозрить, кто она такая, а ты из кожи вон лезешь, чтобы тебя заметили.

— Пожалуй, можно поставить кресло-качалку в гостевой комнате, — задумчиво предложил Клод.

— И как ты объяснил свое присутствие? — не унимался Эдди.

Клод оставил кресло-качалку в покое, повернулся к Эдди:

— А почему я должен был объяснять свое присутствие?

У Эдди слов не нашлось от возмущения. Он лишь беспомощно воздел руки. Повисло молчание. А потом Клод улыбнулся и сказал:

— Малыш, да она все знает.

Эдди растерянно уронил руки.

— И всегда знала, — добавил Клод.

И спокойно поволок кресло из комнаты. Добравшись до лестницы, подхватил его двумя руками и потащил наверх.

Смысл сказанного вдруг начал медленно проявляться, раскрываться, румянец заливал лицо Эдди. Ну конечно, она знала. Теперь он это ясно видел. И знала не только Лили, потому что вот он, мужик, которому сорок один, и никто из родных ни разу в жизни не спросил, есть ли у него девушка. Ни на одной из свадеб никто не сказал весело: «Ты следующий, Эдди!» И он припоминал теперь, как много лет назад его кузен Малыш Робби, когда они как-то раз смотрели вместе телевизор, резко переключил канал, когда некто на экране назвал кого-то педиком.

Можно было бы подумать, что это осознание принесло облегчение. Да, отчасти. Эдди ощутил прилив огромной любви к своей семье, которую он явно недооценивал. Он-то думал, что, храня свою тайну, проявляет милосердие, что защища-

ет их от информации, которая может ранить. Но сейчас понимал, что, скрывая правду, причинял гораздо больше боли и что милосердны по отношению к нему были как раз они.

Он стоял, почти в трансе, невидящим взором уставясь на лестницу, всей душой горюя о времени, потерянном так бездарно.

8

Дэвид Гарретт вышел на пенсию, когда ему исполнилось шестьдесят восемь. Он планировал работать и дальше, но в середине весеннего семестра 2020 года разразилась пандемия, и все его классы перевели учиться в зум. Выяснилось, что он не слишком ловко управляется с зумом. Морщился при виде своей физиономии на экране, сетовал на неестественный тембр своего голоса — он чувствовал, что обделяет своих учеников. Вдобавок спектакль для выпускного класса, который он ставил последние сорок с чем-то лет, внезапно отменили прямо в разгар репетиций. Театральные представления в целом ушли в прошлое вместе с уроками живописи, хором и оркестром — всеми теми предметами, которые, по мнению Дэвида, придавали школе хоть какой-то смысл. От преподавания английского он никогда не получал столько удовольствия, сколько от драматического кружка. Так что в конце семестра Дэвид подал заявление: осенью он не вернется к работе. И летней школы в этом году тоже, разумеется, не будет.

Грета ушла на пенсию несколько раньше и успела привыкнуть к замкнутой домашней жизни. Дэвид, впрочем, оказался гораздо более приспособленным к заточению в укрытии, чем ожидал.

— Знаешь, когда отключается электричество, ты удивляешься, как это мог раньше принимать его как должное, — говорил он. — Вот именно так я сейчас себя чувствую, когда вспоминаю, каким открытым был некогда мир. Мы могли выходить и возвращаться по своему желанию, помнишь? Заглянуть по пути в магазин или в торговый центр, пообедать в ресторане когда взбредет в голову…

Грета улыбалась:

— Но мы ведь этого не делали. Мне приходилось ломом выковыривать тебя из кабинета, насколько я помню.

— Ничего, вот увидишь, что будет, когда вернется нормальная жизнь.

А про себя думал: *если* вернется. Но вслух не говорил.

А вот к чему оказалось легче привыкнуть — поразительно легко, правда, — это к внезапному исчезновению общения со знакомыми. В прошлом они иногда собирались компанией с

немногочисленными друзьями, из школы или его театральных проектов, и тем не менее, пока все мирно сидели рядом и беседовали, Дэвида частенько преследовала предательская мысль, но такая настойчивая, что он опасался ненароком выпалить: «Вы мне очень нравитесь, конечно, но нам точно обязательно *встречаться*?» И вот оказалось, что вовсе не обязательно. Без всего этого запросто можно обойтись. Они могли обмениваться электронными письмами, выражая сожаление, что нельзя встретиться, или даже, в случае Греты, поболтать по телефону, но, если на то пошло, только с парой приятелей. Дэвид нисколько не возражал против этого. Возможно, некоторым преувеличением было бы сказать, что он испытывал облегчение, но… да, откровенно говоря, *именно* облегчение. Если бы еще дети были рядом, он был бы совершенно счастлив.

А потом позвонил Николас.

Николас жил в Нью-Йорке со своей женой Хуаной, гастроэнтерологом, и пятилетним сыном Бенни. Они не виделись с начала пандемии, и Дэвид опасался, что не смогут встретиться еще несколько месяцев или даже лет. Но Николас сказал:

— Как ты отнесешься к тому, что мы с Бенни

приедем к вам погостить на некоторое время?

— Ты серьезно? — ахнул Дэвид. Это он схватил трубку, едва увидев, кто звонит. И многозначительно повел бровью Грете, которая стояла рядом, дожидаясь своей очереди поговорить.

— Ты не побоишься? — спросил Николас. — Мы, конечно же, самоизолируемся на две недели и сдадим анализы перед отъездом, это без вопросов. Мы прекрасно понимаем, что вы оба в зоне риска, в вашем-то возрасте.

— Ни в какой мы не в зоне риска! Мы здоровы как лошади!

— Что там? Что? — нетерпеливо подпрыгивала Грета, и Дэвид, прикрыв трубку ладонью, сообщил: — Он хочет приехать к нам на некоторое время вместе с Бенни.

Грета стиснула ладони под подбородком и неистово закивала.

— Мама уже побежала к дверям высматривать вас, — сказал Дэвид Николасу. — А Хуана не приедет?

— Нет, в этом все дело, Хуана сейчас на передовой. Ее перевели в инфекционное отделение, потому что у нас тут катастрофа в городе, — не знаю, в курсе ли вы. Так что она почти не бывает дома, а когда бывает, ей нельзя оставаться с нами

в одном помещении. А поскольку наша няня уехала домой к своей семье, я остался с Бенни один на один. Вот и подумал, может, вы с мамой могли бы мне помочь с малышом.

— Господи, да конечно! — воскликнул Дэвид. — Конечно, поможем. И забудь про эту самоизоляцию, собирайся сию же минуту.

— Нет-нет, мы не хотим рисковать. Сначала изолируемся, а потом к вам…

Конца фразы Дэвид не расслышал, потому что Грета выхватила у него трубку.

— Николас? Ты должен приехать прямо сейчас. Нет никакой необходимости в карантине.

Дэвид опустился в кресло, предоставив жене урегулировать вопрос: за ней по-прежнему сохранялся авторитет опытной медсестры. И она была права, возражая, потому что они в самом деле не подвергались никакому риску. Ну если только чуть-чуть. И они уж точно нисколько не напоминали тех стариканов, каких представляешь себе при виде грозных плакатов «Не убивай мамочку» — плакатов, призывающих носить маски и соблюдать социальную дистанцию. Дэвид даже не поседел с возрастом, а скорее стал эдаким выцветшим блондином, а Грета сохранила гладкую смуглую упругую кожу, только вокруг

глаз появилось немножко морщинок.

Но он забыл, что авторитет врачей перевешивает сестринский, и сейчас Грета смиренно говорила в телефон:

— Да, я признаю, что Хуана специалист… Да, конечно, я все понимаю…

И Дэвид тоже смирился. Ладно, подождем две недели. Но зато потом наконец-то в их доме вновь появятся дети.

Никто, кроме, возможно, Греты, не понимал, что Дэвид мучительно страдал, пережив трагическую утрату. Две утраты, точнее. Он потерял двух любимых детей — Эмили и Николаса. Да, верно, сейчас они превратились в двух родных любимых взрослых, которых тоже зовут Эмили и Николас, но это уже другие люди. А те дети, они как будто умерли. И Дэвид горюет с тех самых пор.

А сейчас он испытал прилив надежды, эдакое внутреннее бурление, и не успела Грета повесить трубку, как Дэвид начал планировать, чем займется вместе с Бенни.

* * *

Готовиться они начали тут же — заказали на Амазоне надувной детский бассейн и игру вроде бадминтона, для которой не нужно сетки. Было

решено, что Бенни поселится в старой комнате Николаса, где на потолке остались еще светящиеся в темноте пластмассовые созвездия, а Николас будет жить в комнате Эмили. (Маловероятно, что самой Эмили эта комната когда-нибудь понадобится, как ни печально это признавать. Она живет в Висконсине, работает терапевтом в реанимации, то есть сейчас в самой гуще событий. Не смей думать об этом, приказал себе Дэвид. Даже не начинай.)

Кабинет Дэвида, с дверью прямо в кухню, Николас может использовать для работы. Николас зарабатывал на жизнь, продавая собственные изобретения: сворачивающийся матрас, «Спитрас», к примеру, который ребенок может принести с собой в детский сад или к няне; или напоминающая соты конструкция из стеклопластиковых спальных капсул, для отдыха в аэропорту, под названием «ГоуВингс». Чем именно в настоящий момент занимается сын, Дэвид не знал, но понимал, что в любом случае работа Николаса предполагает приличное количество деловых встреч — сейчас все онлайн, разумеется, — а в кабинете почти не глючит вай-фай.

Еще один момент, которым Дэвид занялся лично, это разбивка небольшого огорода. Пред-

приятие требовало некоторых ухищрений, поскольку двух недель недостаточно, чтобы вырастить что-либо на пустом месте. Он вызвал газонокосильщика с культиватором и заказал в питомнике готовые саженцы разных растений.

— Думаешь, ребенку это будет интересно? — с сомнением спросила Грета. — Вот наблюдать, как из семян проклевываются молодые побеги, это увлекательно.

— Зато мы сможем заниматься этим вместе, он и я, — сказал Дэвид. — Пропалывать грядки и собирать овощи, когда они созреют.

Он долго думал над этим, потому что им придется найти способ занять Бенни. Когда Николас был в возрасте Бенни, с этим не было проблем, поскольку вокруг вертелись дюжины соседских ребятишек, с которыми можно было играть. Но сейчас все это под запретом. Дэвид обратился мыслями к собственному детству: чем они с отцом занимались вместе? Мало чем, откровенно говоря, его отец слишком много работал. Дэвид припомнил, впрочем, как они затеяли однажды некий столярный проект, деревянный скворечник, который намеревались соорудить вместе и повесить на дерево. Но дело не заладилось. Дэвид никогда не умел толком обращаться с

инструментами, в то время как Робин не мог от них оторваться. (К концу жизни высшим блаженством для Робина стало блуждание вдоль стоек круглосуточного магазина стройматериалов всякий раз, как бедняга страдал бессонницей.) В итоге отец узурпировал работу над скворечником и завершил ее в одиночку, насколько припоминал Дэвид.

Дэвид начал считать дни, они считали их вместе с Гретой. Но когда время уже подошло, он заволновался — стал рассеянным и невнимательным, хотя такого не случалось даже в самые первые, самые тревожные дни пандемии. Он не мог ни читать, ни смотреть телевизор, а ночной покой прерывали тревожные сны. Дэвид просыпался и лежал, глядя во тьму, пытаясь расслабить напряженные мышцы. Рядом безмятежно спала Грета, ее тихое дыхание, мягкое, как просеянная мука, струилось мирно и непрерывно, и он недоумевал, как она может оставаться такой беззаботной, когда вокруг столько всего происходит. Мир рушится, люди умирают, теряют работу и голодают, планета на грани исчезновения, а их страна — на пороге гражданской войны. А Эмили: сумеет ли она уберечься? Принимает ли она все меры предосторожности? И кстати, почему она

до сих пор одна? Она рассказывает про каких-то мужчин, но потом вдруг они куда-то пропадают, и никто о них больше не вспоминает. А Хуана: почему это Хуана ставит работу на первое место, а как же семья? Как это отразится на Бенни? Как вообще вся эта история с пандемией отразится на Бенни? Ему нужны друзья, товарищи по играм, ему нужна нормальная школа, он пропускает необходимые этапы развития! Как и все остальные дети, боже милосердный! Дети, которые должны заводить друзей, подростки, которым пора отдаляться от родителей, юноши, которым пришло время жить собственной жизнью и найти настоящую любовь.

Пролежав без сна так долго, что начинал сходить с ума, Дэвид вставал, прокрадывался вниз и включал телевизор. (Люди в старых фильмах стояли так близко друг к другу! И без масок! Его коробило от такого зрелища.) В итоге он засыпал, сидя на диване, и просыпался, только когда Грета заставала его утром перед включенным телевизором.

— Кажется, я догадываюсь, что с тобой происходит, — сказала она как-то за завтраком.

— В каком смысле происходит?

— Почему ты в последнее время такой вздер-

нутый.

— Ну, здесь нет никакой тайны, — ответил Дэвид. — Не знаю, может, ты случайно заметила, что мир разваливается на части.

— Ты уже был таким раньше, — продолжала она, словно не слыша его. — Перед рождением Николаса.

— Правда?

— Ты начал переживать, что мы совершили ошибку, решившись на второго ребенка. «У нас все так хорошо с Эмили, — говорил ты. — А что, если новый ребенок нам не подойдет? Что, если мы окажемся несовместимы?» «Несовместимы! — возмутилась я тогда. — Это же наш собственный ребенок! Разумеется, он нам подойдет!» А ты возразил: «Не бывает само собой разумеющегося. Мы не можем быть уверены. И почему ты говоришь “он”? Ты думаешь, это мальчик? Но я не умею обращаться с мальчиками! Я не знаю, как их воспитывать!»

— Не помню такого, — хмыкнул Дэвид.

— Но видишь, как вышло. Ты был замечательным отцом.

— Не помню, чтоб я такое говорил, — уперся Дэвид. Хотя сейчас, когда он задумался об этом, диалог показался смутно знакомым.

— Я слышала, о чем ты спрашивал Эмили вчера по телефону, — торжествующе глянула на него Грета. — Ты расспрашивал про Бенни. Насколько хорошо она его знает, и какой он сейчас, и когда она его в последний раз видела.

— Ну да, и что такого?

Грета рассмеялась.

— И то. Ты волнуешься, как будто опять ждешь ребенка. Если можно так выразиться. Ждешь появления ребенка и беспокоишься, что не справишься с ним.

— Послушай, это смешно, — возразил Дэвид, но тоже заулыбался.

Он давно понял, что Грете виднее.

Дэвид знал, как удивились многие, узнав, что он женился на ней. В некотором смысле он и сам был удивлен. Сначала он ее едва замечал. Она существовала где-то на периферии школьной жизни, не учительница, а просто медсестра, прихрамывающая зрелая дама, говорившая с легким иностранным акцентом. Но однажды Грета вместе с Лилиан Вашингтон, школьным куратором, пришли со своими сэндвичами в комнату отдыха, где Дэвид как раз готовил себе кофе. Он начал ворчать по поводу новой кофеварки, в которую нужно было всякий раз вставлять свежий фильтр

(у Дэвида в школе была роль Молодого Брюзги, и он естественным образом вошел в нее, окруженный почти сплошь дамами среднего возраста).

— Зачем обязательно что-то менять, — бурчал он себе под нос. — Лично я считаю, что все перемены всегда к худшему.

Ответа он не ожидал, максимум сочувственных смешков, но тут Грета громко цокнула языком.

— Расскажите это мне, которая не получила вакцину Солка[16], или Лилиан, она чернокожая.

Дэвид обернулся. Грета вызывающе смотрела на него ледяным взглядом — скорее симпатичная, чем красивая, с суровым лицом и короткими кудрявыми волосами, в которых, как волокна в срезе дерева, чередовались коричневые и светло-коричневые пряди. Он собирался отделаться легкомысленной репликой — «Ладно, согласен, не все перемены, но, помилуйте, что дурного в старой доброй кофеварке», — когда вдруг что-то заставило его по-настоящему взглянуть на эту женщину. И, кажется, она тоже увидела его, потому что губы ее приоткрылись, а выражение лица стало удивленным и слегка испуганным.

Полгода спустя они поженились. И, по его мне-

---

[16] Примечания: 16

Вакцина против полиомиелита, разработанная Джонасом Солком в 1952 году.

нию, это они еще очень долго ждали, потому что к тому моменту он уже познакомился с Эмили и точно не пережил бы, если бы бывший муж Греты осуществил свои угрозы и забрал себе дочь.

* * *

В среду днем в начале июня Николас подрулил к дому родителей. Дэвид и Грета глаз не сводили с дороги и тут же выскочили навстречу — Грета почти летела по дорожке, а Дэвид степенно шествовал следом. Николас еще выбирался из-за руля, а Грета уже решительно дернула заднюю дверь и нырнула внутрь отстегнуть Бенни с детского сиденья. Но, как выяснилось, малыш умел это делать сам, поэтому она выпрямилась и чуть отступила, давая внуку дорогу.

— Никаких объятий, — предупредил Николас, когда мать ринулась к нему.

Но Грета только фыркнула и заключила сына в объятия:

— Как я могу тебя не обнимать?

С Бенни она была более сдержанна и достаточно опытна, чтобы не бросаться на малыша. Он вышел из машины и стоял, моргая, — серьезный мальчик с шапкой гладких черных волос.

— Поздоровайся с бабушкой и дедушкой, — ве-

лел Николас.

И Бенни послушно проговорил:

— Привет, баба. Привет, деда.

Дэвид был абсолютно счастлив, что Бенни по-прежнему называет их детскими словами. И у него все тот же хрипловатый гнусавенький милый голосок — может, аденоиды или гланды, но Дэвид все равно умилялся.

— Как доехали? — спросил он Николаса.

— Вообще нет машин. Можно было хоть на роликах катиться по середине шоссе.

— А можно? — заинтересовался Бенни.

— Но, честно говоря, вашему ребенку сегодня не помешал бы хороший душ.

— Милый, что случилось? — удивилась Грета.

— Ящик арахисового масла, — пожал плечами Николас. — Напомни мне принести, чуть позже.

Он направился к багажнику разгружать пожитки — пара холщовых саквояжей с одеждой, но бесчисленное множество коробок с играми и разных игрушек, — и они с Дэвидом понесли все это в дом. Грета шла следом с пластиковой коробкой в руках, а Бенни — рядом с ней, со старым плюшевым мишкой.

— Мы здесь заведем собаку, — сообщил малыш.

— Да что ты?

— Погоди пока, дружище, — строго посмотрел на сына Николас. — Мы *обсудим*, не завести ли нам собаку.

— Можно? — с надеждой спросил Бенни у Греты.

— Мы поговорим об этом, — повторил Николас и пробормотал себе под нос, обращаясь к Дэвиду: — О господи.

Николас заметно похудел, и вид у него был усталый и взъерошенный. А сейчас, когда он сдвинул очки на макушку, Дэвид заметил круги у него под глазами.

— Боюсь, сейчас не удастся взять собаку, — сказал Дэвид. — Приют закрылся на время пандемии, и всех животных, кого не удалось пристроить, персонал разобрал по домам.

— Да, но там работает Жюли Драм, — сказал Николас. — Помнишь Жюли, из школы? Она думает, что сможет подыскать нам что-нибудь.

— Ах, вот как.

Они вошли в дом.

— Жаркое! — благодарно потянул носом Николас.

— Я подумала, ты соскучился по домашней еде, — сказала Грета.

— Я *истосковался* по домашней еде. В последнее время выбор был довольно скудным.

Николас обратился к Бенни:

— Я отнесу наши вещи наверх, а ты останься здесь, с бабушкой и дедушкой.

Бенни промолчал, но когда Николас начал подниматься по лестнице, двинулся вслед за отцом, прижимая к себе мишку. Он явно чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Впрочем, к ужину он вполне освоился. Обошел огород, где Дэвид разрешил ему сорвать крошечный зеленый перчик, попробовал помахать ракеткой для бадминтона. В саду малыш успокоился настолько, что даже признался, что немножко боится жуков, и Дэвид с уважением отнесся к его чувствам.

— Конечно, боишься, — согласился он. — Я тоже когда-то боялся. Со временем ты перестанешь бояться, но сейчас мы будем держаться от них подальше.

Бенни рассказал об этом за ужином своему отцу:

— Деда тоже раньше боялся жуков, и он говорит, мы будем держаться от них подальше.

— Или преодолеем страх, — предложил Николас, — научимся смело встречаться с ними.

— Нет, лучше держаться подальше, — твердо сказал Бенни и решительно наколол на вилку кусочек картошки. А потом заговорщически сообщил Дэвиду: — Банановой кожуры я тоже боюсь.

— Банановой кожуры. Ясно. Что ж, это я могу понять, — отозвался Дэвид, чувствуя себя польщенным.

Вечером Грета читала Бенни детские книжки с картинками, оставшиеся от Эмили и Николаса. Оказалось, что Бенни вот-вот и сам научится читать, он тыкал пальчиком в отдельные короткие слова и громко произносил «кошка», «папа», а потом, торжествующе: «трактор!»

— Правильно, — всякий раз подтверждала Грета. Она всегда разговаривала с детьми очень серьезно, даже со своими собственными избегала всяческого сюсюканья, которое так любят некоторые мамаши, и детям это, похоже, нравилось.

Когда Бенни пришло время отправляться в кровать, он спросил:

— Можно баба меня уложит?

И Николас ответил:

— Почему нет? Ему не хватает женского внимания, — сказал он Дэвиду, когда мужчины остались одни. — Думаю, он не совсем понимает, почему Хуаны почти не бывает рядом.

— Представляю, как это ребенку тяжело.

— Я потому, наверное, и заговорил о собаке — взять здесь пса, а потом забрать его с собой домой. Но не щенка, а взрослую собаку. Не уверен, что мы сейчас справимся со щенком. Но если вы с мамой возражаете, мы запросто подождем до возвращения в Нью-Йорк.

— Я совершенно не против, — сказал Дэвид. — Грета? — спросил он у жены, которая как раз вернулась в гостиную. — Ты не возражаешь, если в доме появится собака?

— Нет, конечно.

Грета со вздохом опустилась на диван. Наверное, она устала не меньше, чем он сам. Дети отнимают столько сил! Но это приятная усталость. Ночью Дэвид спал так спокойно, как давно уже не бывало.

* * *

Пес, которого пару дней спустя привела Жюли, школьная подруга Николаса, оказался песочного цвета короткошерстной дворнягой, одно ухо у него торчало вверх, а другое повисло, от чего вид у него был ужасно комичный, как будто все время недоуменный. Пес выскочил из машины и понесся к дому, где все стояли в ожидании на

пороге, так как Жюли, конечно же, не будет входить в помещение.

— Стой, малыш! Малыш, не спеши! — окликнула она пса, но тот, не обращая никакого внимания, целеустремленно ринулся прямиком к Бенни. Бенни чуть отшатнулся, но взял себя в руки, а пес остановился перед ним и сел, часто дыша и весело осклабившись, а Бенни потянулся и осторожно коснулся мокрого носа самым кончиком пальца.

— Ты что, сказала собаке заранее, что его хозяином будет мальчик? — спросил Николас.

— Нет, но, думаю, он надеялся.

Жюли была из тех девушек, что напрочь лишены жеманства — крепкая, кудрявая, в джинсах и майке без рукавов. Нижнюю часть лица закрывала маска с принтом, но, судя по глазам, Дэвид мог поклясться, что она улыбается.

— Я звала его только «малышом», — сказала она Бенни, — так что тебе нужно придумать для него настоящее имя. — Обернулась к Николасу: — Как поживаешь, Ник?

— Неплохо. А ты?

— Ну, потихоньку справляюсь.

— Помнишь моих родителей? Грета и Дэвид, — представил их Николас. — А это Бенни. Жюли Драм, — напомнил он семейству.

— Привет, — поздоровалась Жюли. Поскольку все Гарретты тоже были в масках, она толком никого и не могла разглядеть, но дружески помахала всем этим полулицам. — Похоже, они нашли друг друга, а? — кивнула она в сторону Бенни и собаки.

— Похоже, что так, — согласился Николас. — Он тебе нравится, Бен?

— Я его люблю!

Николас пошел с Жюли к ее машине за всякими причиндалами, которые она привезла для собаки, а Бенни рискнул погладить пса по голове.

— Как ты его назовешь? — спросила Грета.

— Не знаю.

— У меня когда-то был пес по имени Кэп, — с готовностью предложил Дэвид.

Бенни посмотрел на деда сочувственно. (Как только Жюли удалилась, он стянул маску на подбородок и теперь был похож на маленького гномика с полосатой бородкой.)

— Нет, — покачал он головой, — его зовут Джон.

— Джон. Ладно.

И когда вернулся Николас, прижимая к груди громадную сумку с собачьим кормом и свернутые поводки, Бенни сказал:

— Познакомься с Джоном, папа!

— Привет, как поживаешь, Джон, — сказал Николас. И все дружно пошли в дом.

* * *

В скором времени в жизни установился распорядок. Первым по утрам поднимался Николас. Дэвид и Грета, спускаясь в кухню, обнаруживали закрытую дверь кабинета, из-за которой доносился приглушенный голос Николаса, беседовавшего, возможно, с Хуаной, которая частенько звонила как раз утром. Дэвид выпускал пса во двор, потом кормил его, а потом они с Гретой завтракали. Они уяснили, что не следует приставать с завтраком к Николасу: до обеда сын существовал только на кофе. Последним вставал Бенни. Он скатывался с верхнего этажа часов в девять, громко вопя: «Джон? Джон?» — то есть он, конечно, мог бы поваляться в кровати и подольше, если бы не пес. Джон, который только что вертелся вокруг Дэвида с Гретой, выпрашивая куски со стола, поднимал торчком свое рабочее ухо и мчался к лестнице, торопясь приветствовать радостным фырчанием тискавшего его Бенни. Потом Грета пыталась уговорить внука съесть хоть что-нибудь, но Бенни хотелось только поскорее

позвонить маме. (Первый из множества звонков, каждый день; ее номер стоял на срочном наборе, хотя она не всегда могла ответить.) Затем Грета принималась хлопотать по дому, а для Дэвида наступало главное время, посвященное Бенни. Они выходили в сад, выдергивали несколько сорняков, выливали вчерашнюю воду из бассейна и наливали свежую, потом включали поливалки в огороде и отправлялись гулять с Джоном. Дэвид, помня годы, прожитые с Кэпом, полагал, что Джон должен неотлучно идти по левую руку от Бенни, однако у Джона были на этот счет свои соображения. Его свободный поводок оставлял много пространства для маневра, и пес частенько отставал, унюхав что-нибудь любопытное, или забегал вперед, когда им на пути встречалась белка. Впрочем, в остальное время он послушно трусил рядом, и Дэвид оставил попытки научить его команде «к ноге».

Их квартал был обычным спальным районом в тихом пригороде Филадельфии, который с течением времени становился все более зеленым и благообразным. С отъездом детей Дэвид и Грета отдалились от местной социальной жизни, но теперь, прогуливаясь с Бенни, Дэвид замечал, сколько молодых семей переехали сюда. Сейчас

все сидели по домам, выходя лишь постричь газон, или поучить детей кататься на велосипеде, или поболтать с соседями через живую изгородь. Бенни не полагалось играть с детьми, которых они встречали, но он все же умудрялся до некоторой степени общаться с ними. Бенни натягивал маску повыше, останавливался на почтительном расстоянии, и малыши некоторое время молча изучали друг друга. Затем, если это был мальчик, он мог бросить Бенни мячик, и внук неловко ловил его, а маленькая девочка могла, например, подпустить поближе своего чихуахуа, и тот касался носом носа Джона. С течением времени Дэвид начал держаться все дальше и дальше от внука — так далеко, что все реже приходилось натягивать маску на нос, — а сами прогулки стали гораздо дольше. Иногда они не возвращались домой до самого обеда.

— Вот и наши бродяги! — приветствовал сидящий за столом Николас. — Какие новости из большого мира?

И что удивительно, у Бенни всегда находились новости.

— У моего друга Джейсона теперь есть скейтборд, — докладывал он. Или: — А ты знал, что если встать под деревом и сильно прижать к

стволу руки с двух сторон, а потом сделать шаг назад, то руки сами собой поднимутся?

Бенни часто распевал одну из тех бесконечных песенок, какие Дэвид помнил из своего детства, — из тех, которые, закончившись, возвращаются к началу и сводят взрослых с ума.

Это песня без конца и без начала.

Раз допел, дружок, то начинай сначала.

Много лет назад, когда электронные штучки только входили в моду, Дэвид где-то вычитал, что традиционные детские игры под угрозой забвения. Считалочки, классики и тому подобное, утверждал эксперт, передаются детьми из уст в уста; взрослые никогда не учат таким играм. И если хотя бы одно поколение детей не научит младших, эти традиции исчезнут навеки.

Но глядите сами: даже социально дистанцированный, даже лишенный возможности нормально играть Бенни каким-то образом освоил трюк с левитирующими руками и выучил бесконечную песенку.

* * *

После обеда Николас на пару часов возвращался в кабинет, а Бенни проводил время с Гретой. Они

вместе мастерили много всякой всячины: печенье, лимонад, маски детского размера из обрезков клетчатой ткани. Грета научила внука пользоваться швейной машинкой. Дэвид опасался, что малышу еще рано, но он отлично справился и шил вполне годные маски, хотя местами они, конечно, выглядели немножко неряшливо — там, где машинка вырывалась из-под контроля. Потом ближе к вечеру из кабинета появлялся Николас и вел Бенни и собаку опять на прогулку. Дэвид вынужден был признать, что радовался передышке. Наконец-то есть возможность рухнуть в кресло, перестать быть оптимистичным, энергичным и сосредоточенным! Но затем мало-помалу он начинал замечать тишину. Почти *пугающую* тишину.

— Что мы будем делать, когда они уедут? — спрашивал он Грету. — Опять придется переживать синдром опустевшего гнезда?

— На этот раз мы справимся лучше, — утешала Грета. — Надеюсь, этот навык тренируется.

— Сомневаюсь, — вздыхал он. А когда у двери наконец звучал собачий лай, Дэвид первый подскакивал и спешил отворить.

* * *

Толком спокойно посидеть вчетвером удавалось только после ужина. Они устраивались во дворе — точнее, Дэвид и Грета сидели, а Николас с Бенни играли в бадминтон или во что-нибудь еще. Дни были длинные, солнце стояло высоко, жара не отпускала, и все кончалось тем, что Николас падал в кресло рядом с родителями, а Бенни плескался в надувном бассейне. Соседи тоже проводили время во дворах, скрытые за живыми изгородями. Дэвид слышал их голоса. Временами удавалось разобрать пару слов, но чаще доносился лишь приглушенный отзвук разговоров. Он вдруг начал улавливать и ценить этот человеческий ритм обычной беседы — каждый говорит в свою очередь, вопросы, ответы, вот кто-то перебивает, тихий смех. Разве не поразительно, насколько жизнелюбивы люди, насколько они *несгибаемы*, как они стараются поддерживать человеческие связи! Когда Грета в конце концов объявляла: «Пора в кровать, мастер Бенни», Дэвид даже немного сожалел, что приходится уходить от этих голосов за изгородью.

После того как Бенни желал Хуане спокойной ночи по телефону, а Грета укладывала вну-

ка, взрослые собирались в гостиной. Николас рассказывал о своих виртуальных встречах с партнерами. (Он разработал специальный спальный мешок, с руками и ногами, на тот случай, если этой зимой в школах решат проводить уроки на улице. «ШколоКокон» он его назвал.) Или они с Дэвидом придумывали в шутку разные способы лечения ковида: «Филадельфийский стейк!»; «Засахаренный имбирь!»; «Пиво! Но только не светлое!» Поскольку Николас принадлежал к тому поколению, которое не расстается с телефоном, даже выходя на прогулку по окрестностям, он показывал родителям новые фотографии, сделанные за день. Бенни вместе с какой-то рыжеволосой девочкой сидят на крыльце футах в шести друг от друга и едят персики; Бенни с собакой бегут под струйками чьей-то поливалки.

— Пришли мне тоже, пожалуйста, — просила Грета, а Дэвид просто молча рассматривал.

Его удивляло, как уже сейчас эти фото кажутся картинками далекого прошлого, туманного и ностальгического. И сколько же в Бенни от Гарреттов! С рождения мальчик был совершенно другим — не светло-бежевый пончик, как вся родня Дэвида, а темноволосый, темноглазый, с золотисто-смуглой кожей, крепкий и жилистый.

И Дэвида радовала эта разница. Для него Бенни знаменовал собой новое начало. Но сейчас он отмечал, как малыш приподнимает плечи, подставляя ладошку под стекающий сок персика, как поджимает на бегу подбородок. Отец Дэвида ровно так приподнимал плечи, когда предстояло разобраться с какой-то задачей, — а ведь Бенни в глаза не видел этого человека. Сестры Дэвида всегда поджимали подбородок на бегу, но Бенни с ними никогда не встречался, насколько ему известно. И хотя Дэвид понимал, что большинство детей проходят стадию ролевой игры, он никак не мог отделаться от чувства, что продолжительные диалоги Бенни с его мишкой — у которого, ко всему прочему, был еще и британский акцент — подозрительно напоминают его собственные давние сценарии с пластмассовыми «ветеринарами».

На прошлой неделе Бенни поперхнулся, а потом, прокашлявшись, сказал: «Не в то горло пошло» — типичная гарреттовская фраза. И он не ел твердые карамельки, потому что, как некогда сам Дэвид, опасался, что они повредят зубы. А еще он называл содовую «колючей водой», как Николас в детстве, кожура апельсина была «лодочками», а бумажник — «сумочка».

— Как называется такая прическа, когда девочке заплетают косу, начиная почти с макушки? — спросил как-то Дэвид Грету, когда они укладывались спать.

— С самой макушки?

— У Эмили была такая. Поначалу две тоненькие тугие косички, в которые собирали волосы над висками, а потом соединяли с двумя толстыми косами ниже.

— А, *французская* косичка.

— Точно. И когда она их расплетала, то волосы оставались волнистыми и еще много часов свисали такими завитками.

— Да…

— Вот так и семья, — сказал Дэвид. — Ты думаешь, что развязался с ними, но никогда не можешь по-настоящему освободиться, завитки окружают тебя навеки.

Грета громко расхохоталась:

— И ты это выяснил только сейчас?

— Полагаю, я тугодум.

* * *

Однажды вечером, во время ужина, позвонила Элис из Флориды. Грета взяла было трубку, но, увидев номер на экране, молча передала Дэвиду.

Он удивился звонку сестры — в их семье не были приняты беспредметные телефонные разговоры.

— Элис? Все в порядке?

— Более-менее. А у вас?

— У нас все отлично. К нам приехали Николас с Бенни.

— Вот как. А где… эээ?..

— Хуана работает на передовой.

— Ах да. Но у вас никто не заболел?

— Пока нет, постучи по деревяшке.

— Ну, мы тоже в порядке. Что можно считать настоящим чудом, учитывая, что Кевин продолжает каждый день играть в гольф со своими дружками.

Дэвид усмехнулся и ждал продолжения.

— Но я вот почему звоню, — сказала она. — Подумала, ты захочешь знать, что учудила твоя *вторая* сестра.

— А что такое?

— Да она тут осталась одна на какое-то время, потому что Серена с Джеффом и Питером уехали в свой домик в горах, а даже Лили не настолько бестолкова, чтобы не понимать, что им с Сереной лучше и не пытаться жить всем вместе в крошечной хижине в горах, чтобы не удавить друг друга… — Элис многозначительно

помолчала. — И вот сегодня утром Серена звонит Лили, потому что чувствует себя виноватой, что бросила мать на произвол судьбы, спрашивает, как там дела в Эшвилле, а Лили заявляет: «Ой, наверное, я должна была тебе сообщить. В общем, я не знаю, как дела в Эшвилле, потому что я некоторое время назад вышла замуж и переехала в Винстон-Салем».

– *Что?* — взревел Дэвид. Грета, сидевшая напротив, изумленно приподняла брови, а Николас оторвался от куска мяса, который нарезал для Бенни.

— Вот именно!

— За кого она вышла замуж?

— За типа по имени Генри, бывшего преподавателя истории. Никто о нем до сих пор слыхом не слыхал. Серена говорит, когда они уезжали, его и на горизонте не было, все произошло два месяца назад.

— Ничего себе.

— Я правда думала, что Лили угомонилась, — продолжала Элис. — Искренне верила, что она оставила в прошлом свои выходки.

— Ну, давай посмотрим с другой стороны, — предложил Дэвид. — Теперь Серена может больше не мучиться чувством вины, что бросила

мать на произвол судьбы.

— Если только, — вздохнула Элис. — И должна признать, Лили все же прогрессирует. Автомеханик, агент по недвижимости, преподаватель истории; кто следующий?

— Я не помню автомеханика, — сказал Дэвид. — Муж номер один, да?

— Да, он мелькнул на микросекунду.

— А Моррис мне нравился.

— Да, Моррис был милый. — И Элис вновь вздохнула. — Короче, я подумала, что тебе следует знать.

— Остальные в порядке? Дети?

— Все хорошо. Робби приходится работать из дома, но у кого сейчас иначе? Кендл уже несколько месяцев как сократили, но у Мака есть работа, так что они не голодают, а Эдди с Клодом по-прежнему прячутся в Хэмпдене.

— Что ж, передавай всем приветы, — сказал Дэвид. — И Лили — мои поздравления, когда будешь с ней разговаривать.

— Не уверена, что хочу с ней разговаривать, — фыркнула Элис. — Ну правда, скажи, как нам дальше общаться друг с другом?

Но Дэвид уже начал томиться знакомым слишком-долго-по-телефону чувством и поспешил

попрощаться:

— Ладно, хорошо, спасибо, что позвонила.

Выключил и передал телефон Грете.

— Кажется, Лили вышла замуж, — сообщил он.

— Я так и поняла.

— А за кого? — спросил Николас.

— За какого-то профессора на пенсии, которого никто не видел, и живет она теперь в Винстон-Салем.

— Вот это да! — подивился Николас.

— Серена понятия не имела о существовании этого человека, — сказал Дэвид.

— Но… Серена — это ведь дочь Лили, правильно?

— Правильно.

Николас недоуменно посмотрел на мать:

— То есть Лили не сообщила своей собственной дочери, что выходит замуж?

— Ну это же Америка, не забывай.

— А при чем тут это?

— С точки зрения генофонда, — пояснила Грета, — эта страна населена диссидентами, сектантами, мятежниками, преступниками и искателями приключений. *Опасными* людьми. Они обычно не придерживаются правил приличия.

— Мне кажется, здесь мы имеем дело не просто

с вопросами приличий, — заметил Николас. — По мне, это вообще из ряда вон.

Но потом Бенни спросил:

— А мне можно будет десерт, если я не хочу горошек?

А Грета сказала:

— Может, попробуешь хотя бы ложечку?

И тема Лили была забыта.

Дня через два после этого разговора Николас вышел из кабинета со старым фотоальбомом в руках, одним из тех, которые почему-то достались по наследству Дэвиду. Палец указывал на черно-белую моментальную фотографию со срезанным уголком, годов 1930-х, наверное, — поразительно красивый мужчина в фетровой шляпе.

— Кто это? — спросил он у Дэвида.

— Понятия не имею.

Николас перешел к другому снимку: женщина в платье с торчащими подложенными плечиками:

— А это?

— Не могу сказать.

И так со всеми фотографиями на развороте: две девчушки, втиснувшиеся в кресло со своим щенком; младенец, чья пышная крестильная рубашка, казалось, несла *его самого*, а не наоборот.

Никаких подписей. Должно быть, некогда имена этих людей были всем очевидны, и хозяевам альбома не приходило в голову, что настанет время, когда никто из живущих не сможет их вспомнить.

— По крайней мере, я знаю, что это семейная ветвь со стороны твоей бабушки. Думаю, у папиной родни не было средств на такие забавы, как фотокамера.

— О, а вот это я узнаю. — Николас, перевернув несколько страниц, смотрел на фото Дэвида, лет шести, в коротком белом банном халате. Такое же фото висело в рамочке в спальне родителей Дэвида. Дэвид промолчал, и Николас уселся в кухонное кресло, продолжая листать альбом. — Ага, — пару раз хмыкнул он, а потом: — А это, должно быть, тот самый автомеханик Лили.

Дэвид был абсолютно уверен, что нет (БиДжей всегда прятался, когда доставали фотоаппарат), но не стал заглядывать в альбом, чтобы убедиться. Он думал про белый банный халат.

Как много из прошлого утрачено, забыто навсегда, целые годы. (Почти вся старшая школа, например.) Но некоторые фрагменты то и дело выныривали из небытия, сами по себе. Он вспомнил, что белый халат был вообще-то пляжным

— его надевали поверх купального костюма. И помнил то самое лето, когда носил его, ему тогда было семь, а не шесть. Это было лето перед вторым классом, когда они всей семьей поехали на неделю на озеро Дип Крик. Он припоминал шероховатость сыпучего песка под босыми ногами, видел, как отец стоит на причале вместе со своим новым другом Бентли, мускулистым парнем с волевым лицом, рядом с ним отец казался хилым и тщедушным. Он слышал всплески воды, когда мимо проплывал Чарли, сын Бентли, хвастаясь своим классическим кролем. В памяти Дэвида брызги долетали до его лица даже на берегу. И отец говорит: «Ну давай, сынок. Чего застрял?» — таким командирским тоном, которым никогда к нему не обращался, когда они бывали вдвоем. И Дэвид развязал пояс, сбросил халат, ощутил прохладу воздуха и осторожно вошел в озеро. Дно под ногами напоминало пудинг, оно просачивалось между пальцами с каждым шагом. Но Дэвид продолжал идти вперед, потому что не хотел, чтобы папе было стыдно перед Бентли. Он погружался все глубже и глубже, вытянув руки в стороны, чтобы не замочить, стиснув челюсти, чтобы не стучать зубами. Шаг за шагом, пока вдруг…

А потом внезапно под ногами ничего не оказалось, вода залила нос, и Дэвид фыркнул и закашлялся. И не мог позвать на помощь, потому что для этого надо было открыть рот, и он только надеялся, что отец *догадается*, что ему нужна помощь, но нет, догадался как раз Бентли. «Кажись, твоему парню нужна поддержка», — сказал он Робину. И Робин взглянул на Дэвида сверху с причала, и у него было такое странное выражение лица… очень своеобразное выражение.

— А это не может быть дядя Кевин? Такой молодой! — продолжал Николас.

— Не могу сказать. — И Дэвид отвернулся и вышел из кухни.

* * *

К августу эпидемия в Нью-Йорке пошла на спад. Хуана вернулась в свое отделение, няня готова была приступить к работе, и Николас с Бенни засобирались домой. Дэвид был, конечно, рад за них, но ему самому было грустно, и Грете, насколько он понимал, тоже.

В последний день Николас отправился на «массированную закупку продуктов» для родителей, а Дэвид с Гретой взяли Бенни и пошли с ним в последний раз погулять с собакой. Нача-

ли, как обычно, на Кейн-стрит, но когда дошли до Ноубл-роуд, где Дэвид обычно поворачивал направо, Бенни с Джоном продолжили идти прямо. Определенно они с отцом после обеда гуляли совершенно по другому маршруту. Бенни притормозил напротив дома, на который Дэвид прежде не обращал внимания, и пожилая дама, срезавшая гортензии, окликнула:

— Привет, Бенни!

— Привет, — отозвался Бенни. — А мы с папой завтра едем домой к маме.

— Ух ты! Как замечательно! — И обратилась к Дэвиду с Гретой: — Я знаю, вы будете по ним скучать.

— Наверняка, — согласилась Грета, но Бенни уже спешил дальше, бросив через плечо «пока», так что Дэвид с Гретой, виновато помахав даме, последовали за ним.

На следующем углу Бенни резко остановился, и Джон тоже застыл и уселся на асфальт. Когда Дэвид и Грета подошли поближе, они увидели, что Бенни замер, испуганно наблюдая за шмелем, который кружил прямо перед его лицом.

— Просто иди спокойно, — посоветовал Дэвид. — Он тебя не укусит.

— Укусит.

— Нет, он только предупреждает. Видишь других пчел, на розовых кустах? Он их защищает.

Но Бенни эти слова не убедили.

— Хочешь, расскажу тебе кое-что интересное? — сказал Дэвид. — Видишь, как он кружит прямо перед твоими глазами? Сам подумай. Получается, он знает, что глазами ты его можешь разглядеть. Он определил, где, так сказать, зеркало человеческой души.

Бенни продолжал стоять как вкопанный, и Джон, протяжно зевнув, улегся на тротуар.

— А я и не подозревала! — Грета решила поддержать беседу.

— О да, насекомые удивительные создания. — И вдохновенно продолжал, нащупав нужный тон: — Вот, например, замечаешь иногда жука под ногами и аккуратно обходишь его, чтобы не наступить. Держу пари, тебе и в голову не приходило, что жук потом спешит к себе домой и рассказывает всем друзьям и близким, что он наконец-то встретил добросердечное человеческое существо.

Грета хихикнула:

— Да ладно тебе!

Но Бенни оживился:

— Это правда?

— Дедушка шутит, — сказала Грета.

И тогда Бенни тоже засмеялся.

— Деда, ты *чокнутый*, — сказал он.

И они пошли дальше, и страшный шмель был забыт, и пес подскочил и поплелся следом.

Дэвид с Гретой немного отстали, и когда Бенни не мог их расслышать, Грета сказала:

— А ты так волновался перед его приездом! Помнишь? И видишь, как хорошо получилось.

— Да, было здорово, — согласился Дэвид.

— А я тебе говорила! Вот ровно так же было, когда родился Николас.

— И все равно никогда не надо заранее рассчитывать на то, что члены семьи понравятся друг другу.

— Ой, Дэвид. Члены семьи любят друг друга!

— «Любят», именно. А я говорю про «нравятся».

Он помолчал. И в памяти вновь всплыла давняя картина, старая фотография: он, семилетний, в пляжном халате на берегу озера Дип Крик.

— Вот своему отцу *я*, например, не нравился, — сказал он.

— В смысле?

— Дети чувствуют такие вещи. Для них это вопрос выживания. Они должны уметь оценивать мельчайшие реакции родителей, распознавать

малейшие изменения голоса.

— Тогда, — сказала Грета, — ты наверняка должен знать, что твой отец очень ценил тебя.

— Да, конечно, я знаю, — уступил он.

— А ты очень ценил его. — И она взяла его за руку, притягивая поближе. — Ты был хорошим сыном.

— Если ты так считаешь…

— Конечно, я так считаю! С твоей стороны было великодушно, например, не подавать виду, что ты знаешь, что мать живет отдельно от отца.

— Но это же естественно. Он бы чувствовал себя униженным. — Дэвид не стал напоминать, что он вообще этого *не замечал*, пока мать сама ему не рассказала.

— Так это и бывает. Так устроены все семьи — утаить неприятную правду, позволить немножко самообмана. Немножко доброты и великодушия.

— И немножко жестокости.

— И немножко жестокости, — не стала спорить Грета.

Дэвиду стало легко от того, как спокойно она отнеслась к сказанному им. Как будто боялся, что она вдруг взглянет на него другими глазами. Как будто скажет: «Да, теперь, когда ты упомянул об этом, я вижу, что ты и в самом деле *не*

нравишься».

Но нет, он должен был знать, что она никогда такого не скажет. Только не его Грета.

* * *

Николас решил выезжать ближе к полудню, чтобы не попасть в час пик. Как всегда в подобных ситуациях, Дэвид разрывался между тоской перед их отъездом и желанием, чтобы это все поскорее закончилось. («Я предпочитаю сидеть в аэропорту, чем сидеть в гостиной», — бывало, говаривал он Грете, когда они уезжали, погостив у Эмили.) Поэтому когда Николас поднялся наконец и произнес: «Ну что ж…» — Дэвид был почти рад. Все вместе вышли на улицу; пес на поводке — на случай, если начнет упираться и не захочет лезть в машину. Дэвид и Грета обняли на прощанье Бенни, отец пристегнул его в детском сиденье. Джон устроился рядом, тихонько ворча, Николас захлопнул заднюю дверь и повернулся к родителям.

— Спасибо, дорогие. Думаю, вы рады будете теперь отдохнуть в тишине и покое.

— Это да, — не стал спорить Дэвид, и они обняли сына, и отошли в сторонку, и долго смотрели вслед. — Что ж, — вздохнул Дэвид, когда автомо-

биль скрылся из виду, — вот и опять мы старик со старухой, те же и там же.

А Грета взяла его под руку, и они побрели обратно к дому.

Остаток дня они провели, наводя порядок, прибираясь в гостевых комнатах и перенося вещи Дэвида обратно в кабинет. В какой-то момент, когда он подключал свой компьютер, Грета, стоявшая у книжного шкафа, спросила:

— Ты это видел?

Она держала в руках семейный альбом, тот, что Николас недавно листал. Альбом был раскрыт на листе, вложенном между страниц альбома: распечатанная фотография Дэвида и Бенни вместе в огороде. Дэвид чуть наклонился, рассматривая пригоршню помидорок черри, которые протягивал ему Бенни. «Бенни с его любимым дедой», — гласила подпись, выведенная почерком Николаса.

— Ох, — выдохнул Дэвид, потому как вид чуть запачканных пальчиков Бенни вызывал острую боль, почти физическую.

— Я попрошу Николаса прислать мне это фото, чтобы распечатать большого размера, — сказала Грета. — Теперь это мой любимый твой портрет.

— Шедевр: старик с цыплячьей шеей, — фырк-

нул Дэвид. Но ему было приятно.

* * *

Еще несколько дней они находили то тут, то там разные вещи. Детский носочек, забытый в сушилке, пожеванная резиновая игрушка во дворе… Однажды Дэвид застал Грету в кухне, она стояла неподвижно, уткнувшись носом в клочок ткани. Опустила ее и взглянула на мужа, а глаза у нее подозрительно блестели. Детская маска, неровно подшитая, с криво простроченным швом.

— Нет-нет, даже не думай, — тут же вскинулся он, мгновенно принимая на себя роль разумного начала в браке, и Грета смущенно рассмеялась и протянула ему маску. Но, едва скрывшись в кабинете, где он собирал коробку с забытыми вещами, чтобы отправить в Нью-Йорк, Дэвид прижал маску к лицу и глубоко вдохнул. Ткань еще хранила детский запах Бенни, сладко-соленый, запах чистого детского пота. Он словно видел ушки-раковинки Бенни, слышал его хрипловатый голосок:

Люди песенки поют, не пойми к чему,
Все равно они поют, просто потому…

Дэвид тряхнул головой, улыбнулся, положил

маску в коробку и вернулся к Грете.

КОНЕЦ